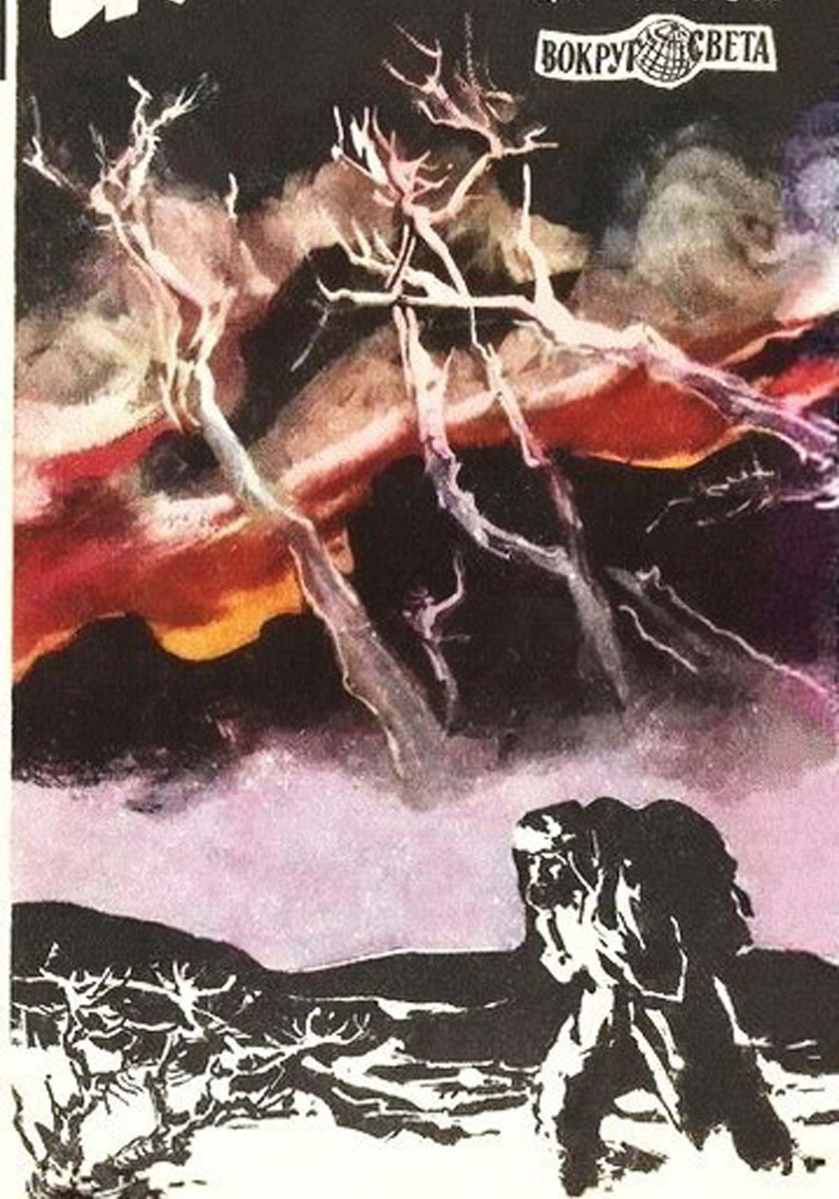

1

1970

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Искаатель

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМВОКРУГ СВЕТА

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ :

В. МЕНЬШИКОВ — Красный сигнал . . .	2
В. САПАРИН — Разговор в кафе . . .	59
Н. БАЛАЕВ — РД о продлении . . .	68
Димитр ПЕЕВ — Транзит	79
Ю. ТУПИЦЫН — Ходовые испытания	93
Д. БИЛЕНКИН — Давление жизни . .	104
О'ДОННЕЛ — А мы лезем в окно. . .	113
Рэй БРЕДБЕРИ — Лед и пламя . .	117
О'ГЕНРИ — Джек — победитель ве- ликанов	157

№ **1** (55)

1970
ДЕСЯТЫЙ
ГОД
ИЗДАНИЯ

КРАСНЫЙ СИГНАЛ

Повесть

НОЧНАЯ ТРЕВОГА

Ауфмахен! Откройте! Настойчивый стук в запертую дверь купе, требовательный голос, повторявший одно и то же слово «ауфмахен», в конце концов разбудили немецких офицеров. Сердце инженер-майора Бломберга бешено заколотилось, и он, чертыхаясь, сбросил одеяло. Его попутчик уже вскочил на ноги и, стоя в одном белье, лихорадочно вырывал «вальтер» из кобуры, висевшей на стене.

— Кто там? — громко спросил Бломберг, недоумевая, что же такое могло стрястись на этом железнодорожном перегоне, в глубоком тылу рейха, если немецких офицеров рискнули разбудить столь бесцеремонным образом.

— Это я, проводник. Битте, ауфмахен! — снова послышался за дверью настойчивый голос.

— Франц, откройте ему, — приказал Бломберг и свесил ноги, пытаясь натянуть сапог, болтавшийся из стороны в сторону от сильной качки вагона. Бломберг нервничал и от этого злился: ведь его волнение могло и не укрыться от глаз гестаповского офицера. Внешне, однако, он постарался сохранить спокойствие.

Помедлив, Эйхенау сбросил цепочку и повернул ручку двери.

— Господа, через двадцать минут мы остановимся, и вы пересядете в автобусы. Они доставят пассажиров вместе с багажом в Вену.

— Что случилось? — торопливо спросили офицеры проводника, когда тот хотел перейти к следующему купе.

— Не знаю, господа, не знаю... Говорят, впереди не то поезд сошел с рельсов, не то два встречных состава столкнулись...

Бломберг присвистнул и соскочил на пол.

— Считайте, что родились в рубашке, — сказал инженер-майор побледневшему обер-лейтенанту.

Бломберг окончательно успокоился. Этот фронтовик-гестаповец был испуган еще больше, чем он, никогда не бывавший на передовой.

— Неужели и здесь партизаны? — сияясь улыбнуться, проговорил обер-лейтенант, суетливо застегнул кобуру пистолета и вопросительно взглянул на Бломберга.

— Судя по вашему далеко не героическому виду, обер-лейтенант, вам уже доводилось иметь с ними дело, — пуская в потолок кольца дыма, усмехнувшись, ответил Бломберг.

— Прошу прощения, господин майор, но ваше удивительное хладнокровие наводит меня на мысль: а сталкивались ли вы вообще с этими бандитами? — съязвил обер-лейтенант, оправившись от пережитого волнения.

— Нет. А что, разве это не забавно? — все больше подтрунивая над Эйхенау, ответил Бломберг.

Ему доставляло удовольствие отплатить этим гестаповцу, всю дорогу докучавшему Бломбергу бесконечными хвастливыми рассказами о своих фронтовых «подвигах».

— Любопытство таких, как вы, новичков, партизаны в России охотно удовлетворяют пулями, минами, кинжалами... — раздраженно ответил Эйхенау.

— О, в таком случае я предпочитаю с ними не встречаться! — Бломберг заметил, как у обер-лейтенанта задергалась в нервном тике щека. Но гестаповец, видно, сдержался.

Поезд заметно сбавлял ход. Тоненько звенели стаканы в деревянных лунках стенного ящика, где стоял графин с водой. Офицеры стали торопливо записывать в портфели и саквояжи все, что было разбросано по купе.

Чемоданы гестаповца, упакованные еще в России, были набиты «трофеями», завоеванными отнюдь не на поле боя. В них лежали беличья шубка, черно-бурая лиса — подарки жене и матери — и целые комплекты каракулевых шкурок. Их он вез отцу — владельцу крупных меховых магазинов в Вене и Зальцбурге.

В коридоре раздался топот сапог, послышалась громкая перебранка, кто-то спорил, протискиваясь с тяжелой поклажей к выходу из вагона. Поезд остановился.

Бломберг и Эйхенау спрыгнули со ступенек. То тут, то там вдоль состава вспыхивали огоньки карманных фонариков: станционные служащие вели за собой к автобусам группы пассажиров.

Холодный предрассветный туман вызывал зябкую дрожь, словно паром заволакивало стекла очков. Бломбергу пришлось несколько раз останавливаться и протирать их.

Наконец показались автобусы. Их моторы приглушенно рокотали, наполняя воздух отработанным газом. Эйхенау поспешно вынул платок и приложил его к лицу. Противная мелкая дрожь рябью пробегала по спине гестаповца. Платок, обильно смоченный терпкими духами, перебил запах выхлопных газов, но Эйхе-

Рисунки Г. НОВОЖИЛОВА

нау не смог прогнать воспоминаний, вызванных угарным запахом. Они внезапно перенесли обер-лейтенанта в крымскую степь, к осыпавшимся краям противотанкового рва, где Эйхенау стоял, сжимая в руке холодную сталь пистолета...

...Это было на окраине Керчи. Обер-лейтенант обычно садился в кабину «душегубки» еще до того, как последний заключенный был заперт в кузове машины. Он не любил наблюдать, как люди, предчувствуя приближение казни, в отчаянии и ярости

бросались на солдат зондер-команды, загонявших обреченных прикладами в раскрытую дверь «душегубки».

Эйхенау оставалось лишь пристреливать полузадушенных узников после экзекуции. Делал он это автоматически, не испытывая ни особой злобы, ни жестокой ненависти к жертвам. Ему было только смертельно скучно.

Но однажды обер-лейтенант наткнулся на листовку, сброшенную с самолета. Эйхенау прочитал ее; и ему показалось, будто он ознакомился с приговором русского трибунала, где окончательная черта подводилась и под его собственной судьбой.

Эйхенау остерегся показать листовку офицерам-сослуживцам: его могли заподозрить в «пораженческих настроениях». Гитлеровцы еще не пришли в себя от шока, вызванного сталинградским разгромом 6-й армии фельдмаршала Паулюса. Но с того дня Эйхенау начал лихорадочно искать выхода из петли, которая неотвратимо затягивалась вокруг зондер-команды с каждым километром отступления гитлеровских войск.

О сдаче в плен для Эйхенау не могло быть и речи. Он достаточно ревностно выполнял свои обязанности палача, и командир зондер-команды представил Эйхенау к Железному кресту первой степени! Оставалось одно: любым способом вырваться из прифронтовой полосы, зарыться в глубоком тылу рейха, подальше от русских, поближе к Западу.

Эйхенау стал подолгу вылеживать в лазарете (помог запущенный гастрит). Натянув на голову одеяло, Эйхенау с дрожью вспоминал, как во время массовых экзекуций он стрелял в лежащих на дне противотанкового рва раздетых узников. Нет, он не раскаивался, его просто душил страх возмездия. Врач полевого госпиталя, регулярно получавший взятки от обер-лейтенанта, наконец предписал ему длительное лечение на одном из австрийских курортов. Несколько сот марок пришлось «проиграть» в «скат» командиру зондер-команды — и Эйхенау получил долгосрочный отпуск.

* * *

— Обер-лейтенант, вы что, заснули?

Эйхенау вздрогнул, словно очнулся от обморока. Неуверенными шагами подошел к автобусу. Шоферы уже закончили погрузку багажа и ждали, когда все пассажиры сядут в машины.

— Быстрее! Не чочевать же нам в этой дыре, — недовольно заторопил Бломберг.

В голове колонны автобусов взревел мотор патрульного мотоцикла с автоматчиками.

— Аллес ин орднунг? * — обернувшись к пассажирам, спросил шофер и мягко тронул с места автобус.

За окнами промелькнули пристанционные постройки, и автобус, набирая скорость, помчался по шоссе. После нескольких крутых поворотов шоссе близко подошло к железной дороге. Крутой насыпью она возвышалась над местностью. Все в автобусе прильнуло к стеклам.

Две мощные прожекторные установки освещали место ката-

---

* Аллес ин орднунг? — Все в порядке? (нем.).

строфы или диверсии — этого еще никто не знал, — выхватывали из темноты силуэты людей, копошившихся в хаосе опрокинутых вагонов, и длинные цепи солдат.

Над перевернутыми, искореженными вагонами и платформами выплывали огненные фонтанчики. Сварщики автогенном разламывали груды сплюснутого железа, сцепившиеся, перевернутые вагоны, с дьявольской силой переплетенные рельсы...

Лишь несколько минут панорама катастрофы оставалась в поле зрения Бломберга. Но он успел заметить силуэты каких-то огромных фигур, застывших в причудливых позах. Они выплывали, раскачиваясь, из чрева большого вагона, лежавшего на боку, медленно поднимались над насыпью и исчезали за высокими бортами мощных грузовиков. На секунду луч прожектора вырывал из серой мглы стальные тросы железнодорожного крана, подцепившего крюком бронзового коня. Крылатое изваяние вздыбилось к небу копыта, будто в отчаянном прыжке пыталось вырваться из обломков.

Бломберг успел заметить еще одну скульптурную фигуру. Она попала в сноп прожекторных лучей и четким светящимся контуром вырисовывалась на черном, словно залитом тушью, ночном небе.

«Ба, да ведь это же Франц-Иосиф, последний австрийский император!» — мысленно воскликнул инженер-майор. И тут же с тревогой подумал, не с этим ли составом шел и его груз «стратегического сырья» — целая коллекция бронзовых скульптур, собранная представителем концерна «Герман Геринг» в оккупированных городах России и отправленная для переплавки на металлургические заводы рейха.

— Очень похоже на диверсию, — прервал молчание Эйхенау. — Вы обратили внимание, — повернулся обер-лейтенант к Бломбергу, — под откос свалилась лишь хвостовая часть поезда. Как будто состав разорвали пополам. Локомотив же и несколько головных вагонов прокатились вперед.

— Возможно, — сумрачно ответил Бломберг.

Инженера все больше беспокоила судьба его многотонного груза. Еще в Харькове ему вручили телеграмму «молнию» из Линца. Дирекция концерна требовала срочно ускорить отправку «стратегического сырья» в Остмарк: заводы Геринга выполняли экстренные военные заказы гитлеровской ставки и остро нуждались в дефицитном сырье.

В Харькове один из знакомых генералов, акционер концерна «Герман Геринг» под строжайшим секретом рассказал Бломбергу о скором «решающем наступлении» немецких армий на Курской дуге. И Бломберг отлично понимал, какую важную роль в подготовке этого «реванша за Сталинград» играют заводы концерна в Австрии, поставлявшие броню для тысяч немецких танков и сырье для военных, в том числе и авиационных, фирм всего рейха. Любая задержка с поставками дефицитного стратегического сырья сказывалась на сроках выполнения военных заказов — следовательно, и на эффективности будущего наступления.

Инженер-майор машинально потрогал карман своего мундира. Пальцы нащупали толстый пакет. Среди служебных документов — телеграмм и писем, полученных Бломбергом от директора концерна и Восточного штаба рейхсмаршала, в пакете

хранилась и железнодорожная квитанция с точным перечнем всех бронзовых скульптур, собранных для переплавки.

Этот список Бломберг знал наизусть. Бронзовые фигуры еще совсем недавно украшали фонтаны и музеи, исторические памятники и площади русских городов, тенистые аллеи парков и заповедные места этой огромной и загадочной страны. Бломбергу, ценившему красоту и хорошо разбиравшемуся в искусстве, приходили странные мысли. Почему русские большевики, эти «сибирские варвары», как их называла пропаганда Геббельса, бережно сохраняли художественное наследие прошлых времен? Неужели им доступны эстетические чувства цивилизованного мира?

Заноса в блокнот вес бронзовых изваяний, Бломберг испытывал смешанное чувство. Он понимал, что эти памятники величественного прошлого большевистской России, ее громких побед будут переплавлены на заводах рейха, станут деталями немецкого оружия, вложенного рейхом и фюрером в руки немецких солдат, которые завоевывают Россию и весь мир. Но мысль о том, что уничтожаются произведения искусства, ценности истории и культуры, все больше тревожила инженера. Раньше она пульсировала в голове Бломберга чуть слышно, загнанная куда-то вглубь громкими фразами о «долге немецкого офицера», «безоговорочном подчинении приказам». Теперь же она заставляла серьезно задумываться над происходящим.

— Поразительна наглость этих бандитов, — снова заговорил Эйхенау. — Для меня остаются до сих пор загадкой духовные мотивы, которые побуждают русских партизан идти на нечеловеческие лишения, полудикарское существование в лесных берлогах, среди болот. Фюрер прав: их презрение к смерти — продукт азиатской отсталости. Фанатизм в боях — признак расовой неполноценности. С точки зрения цивилизованного человека поступки русских просто необъяснимы.

— Чем же вы, обер-лейтенант, объясните тогда диверсии и нападения на солдат и офицеров вермахта, совершаемые в оккупированных нами странах Западной Европы? — спросил Бломберг.

— Фюрер уже дал ответ на ваш вопрос, господин майор. Марксизм — вот главный враг рейха. Для русских безбожников он стал религией, идолопоклонством, священным алтарем, где они со скифским равнодушием приносят в жертву собственные жизни.

— Выходит, большевистская зараза успела проникнуть и сюда, в Альпы, — иронически заметил Бломберг.

— До тех пор, пока не уничтожим последнего русского, украинца, белоруса, казаха, грузина — всех до последнего большевика, мы не можем считать оконченной нашу священную миссию. Так учит наш фюрер, — с нескрываемой злобой и ожесточением проговорил гестаовец, зябко кутаясь в длиннополоую шинель.

— Просто истребить — этого еще мало, — неожиданно произнес сидевший рядом с Бломбергом грузный мужчина в форме партийного чиновника оккупационного аппарата генерал-губернаторства. — Главное — убить в русском человеке большевизм, искоренить марксистскую идею!

— Вы знаете, господа, что меня больше всего поразило в России? — снова заговорил Бломберг. — Кстати, случай, свидетелем которого я был, быть может, даст вам ответ и на загадочность «русской души»...

Надрывно гудел мотор, с трудом вытягивая перегруженный автобус на вершину холма. Небо быстро светлело. Шофер выключил фары, и сразу стала видна пыльная полоса дороги.

Бломберг закурил, откинулся на спинку сиденья и начал свой рассказ:

— Одно время я был прикомандирован к специальному отряду, подчиненному Восточному штабу рейхсмаршала Геринга. Следом за наступающими войсками мы вошли в Харьков. Обосновался я в штабе знакомого генерала, командира дивизии Ферча. Не успел я побриться, как адъютант генерала предложил съездить на окраину города, где подавлялись последние очаги сопротивления русских. В котельной одного из домов наши солдаты после жестокой перестрелки с какой-то отставшей группой русских захватили большой и тяжелый ящик. Вскрывать они его не рискнули, получив срочный приказ дожидаться офицера из Восточного штаба. Я не помню уже сейчас названия той улицы, но словно перед глазами вижу проломленную орудийным снарядом кирпичную стену котельной и с десятков трупов наших солдат, лежавших там, где их скосили русские пули. Отстреливались русские, засевшие в котельной, отчаянно. Потом мы обнаружили на трупах русских солдат — их было шестеро — по нескольку пулевых ранений. Но не удивительная стойкость Ивана поразила моих солдат. Вы бы видели их недоуменные глаза, когда я приказал взломать ящик и оттуда был извлечен... бронзовый бюст! Один унтер-офицер признался мне откровенно: его солдаты были уверены, что в ящике — его русские солдаты сняли с подбитой грузовой машины и унесли в котельную — были спрятаны ценности, может быть, золото. И чем ожесточеннее становился ответный огонь русских, тем больше крепла надежда наших солдат захватить богатую добычу. Этот унтер-офицер был, право, искренен в своем недоумении, господа. Согласитесь, ну кто бы без материальной выгоды стал сражаться за какой-то ящик, обрекая себя на гибель?

— Так что же это была за скульптура? — нетерпеливо перебил майора Эйхенау.

— Бюст Ленина!

Имя, произнесенное немецким офицером, прозвучало словно взорвавшаяся граната. Все в автобусе повернули головы к инженер-майору, удивленно и враждебно разглядывая Бломберга.

— Оказывается, солдаты фюрера проливали свою кровь, добывая бюст большевистского вождя, — бросил язвительную реплику в спину Бломберга сидевший сзади офицер. — Опасный трофей...

Майора не на шутку испугала реакция, с которой был встречен его рассказ. Его явно заподозрили в тайном преклонении перед мужеством и стойкостью русских! А это уже пахло «политической неблагонадежностью»... Ведь его еще в штабе Ферча предупреждали: об эпизоде захвата бюста Ленина лучше помалкивать...

— Господа, — громко заговорил майор, — помимо уничто-

жения русских фанатиков-большевиков, наши храбрые ландзеры * захватили несколько десятков килограммов дефицитного стратегического сырья! И сейчас бюст Ленина отправлен на переплавку в рейх! Символично, господа: цель нашего восточного похода не только истребление и покорение народов, населяющих пространство России, но и полное и окончательное ниспровержение марксистской, большевистской идеологии!

И все же Бломберг не был уверен, что трескучими фразами из фашистских газет ему удалось сгладить впечатление, вызванное неосторожными словами. Никто с ним больше не заговаривал. Эйхенау уткнул свой длинный, хрящеватый нос в поднятый воротник шинели и угрюмо молчал. Сосед справа, тучный партийный бонза, громко чавкал, поглощая огромный бутерброд с ветчиной. За спиной майора раздавалось неприятное покашливание.

Бломберг попытался думать о предстоящем отчете коммерческому директору концерна. Мысли майора вошли было в привычное русло цифр. Но тут он снова вспомнил о своем рассказе. Он допустил оплошность: здесь не место для откровенных высказываний. Кто знает, чем обернется для него эта, быть может, непоправимая ошибка?..

ЦЕНА РИСКА

Осталось проскочить самый опасный участок. Старый, залатанный, выдавший виды автофургон мчался с огромной скоростью. Днем бешеная скорость грузовика, обычно медленно и натруженно, словно ломовая лошадь, развозившего по домам Вены мешки с углем, вязанки мелко наколотых дров и торфяные брикеты, сразу же вызвала бы подозрения полиции. Но сейчас его борта и брезентовый верх, пропитанные угольной пылью, скрывала ночь, и водитель изо всех сил жал на педаль акселератора. Рядом с ним сидел молодой парень в форме железнодорожника.

В кузове грузовика, крытого брезентовым навесом, навалом лежали угольные мешки, брикеты и плетеные с заплочными ремнями корзины, которые угольщики взваливают на спину, разнося свою тяжелую ношу. В глубине кузова, скорчившись, сидели два человека. Их потертые комбинезоны и куртки ничем не отличались от рабочих костюмов трубочистов, хотя они и не были «черными верхолазами», как иногда называют в Вене людей этой профессии. Рядом с ними лежали автоматы, прикрытые рогожей.

Основная группа подпольщиков, совершивших нападение на товарный состав, разделилась и отходила на партизанскую базу, в глубь Штирийских Альп. Эти двое направлялись в горняцкий поселок Грюнбах.

Доставить в Грюнбах после завершения диверсии руководителя шахтерского подполья, немецкого коммуниста Альберта Крафта, и его товарища, молодого забойщика Роберта Дубовского, было поручено боевой группе подпольщиков с венского Восточ-

---

* Л а н д з е р — пехотинец (нем.). Так геббельсовская пропаганда называла гитлеровских солдат.

ного вокзала. Возглавлял ее опытный боец-коммунист Шуман. Он был тяжело ранен, и партизаны унесли его в горы. Теперь от находчивости и хладнокровия его двух юных боевых друзей — сцепщика вагонов Конрада Майера и шофера Гюнтера Корха — во многом зависело, удастся ли подпольщикам прорваться в поселок...

От разъезда, где ночью была совершена диверсия, на юг, в сторону невысоких предгорий Альп, отходила железнодорожная ветка. Рядом тянулось асфальтовое шоссе. Километров через тридцать обе дороги упирались в ворота высокого забора с колючей проволокой наверху. Он опоясывал территорию шахты, где работали австрийские горняки и «восточные рабочие», пригнанные из соседнего концентрационного лагеря, филиала Маутхаузена, «Грюнэхюгель».

* * *

Альберт Крафт пришел в шахту перед самой войной, летом 1939 года. В конторе он предъявил направление на работу, выданное венской биржей труда. Администрация остро нуждалась в опытных проходчиках; много кадровых шахтеров было направлено в казармы вермахта, дирекция же концерна «Герман Геринг», владевшего одной из многочисленных в Австрии каменноугольных шахт, требовала резко повысить добычу дефицитного топлива. Концерн полным ходом работал на войну. Уголь был крайне нужен для металлургических заводов в Линце и Бриглице.

Подписи и печати на биржевой карточке Крафта оказались в полном порядке, и нового шахтера дирекция поставила в забой.

Среднего роста, коренастый, широкий в плечах, Крафт всем своим видом свидетельствовал, что он потомственный горняк. Да так оно и было. Еще прадеды Крафтов выковыривали из угольных ям «горящий камень», удивляя всех недюжинной силой, выносливостью и сноровкой. Должно быть, с тех пор и прозвали их «крафтами» — «силачами».

Свой нелегкий трудовой путь юный Альберт начал в шахтах черного Рура, куда по совету отца он отправился «выходить в люди». Трудные это были годы. В Германии свирепствовала безработица. Горняцкие руки мало кому были нужны. Кризис двадцать девятого года жестоко ударил по всем капиталистическим странам. И все же у горняка было больше шансов подыскать работу в Руре, чем у себя дома, в Тюрингии. Не знал тогда Альберт, что навсегда прощается с отцом, матерью, сестрой. Жизненные пути-дороги повели молодого рабочего совсем другим маршрутом, чем думалось и ему и его отцу.

...Шел 1932 год. На улицах германских городов бушевали водовороты острых классовых битв. Фашизм яростно атаковал. Факельными шествиями, бандитскими налетами штурмовиков на рабочие митинги присягали нацисты на верность рурским магнатам, пушечным королям, генералам рейхсвера.

...В первых шеренгах рабочих дружин, сжимая кулак в пролетарском салюте «Рот Фронт!», смело шагал молодой коммунист Альберт Крафт.

В часы глубоких раздумий над смыслом жизни, над ее главной целью Крафт определил и «свою генеральную линию».

«Я буду жить и бороться по-ленински», — сказал он шахтерам-коммунистам Рура, принимавшим его в свою боевую партийную ячейку.

* * *

Рядом с Крафтом восемнадцатилетний Роберт Дубовский казался молодым, тонким тополем, поднявшимся возле могучего и крепкого дуба. Никто в шахте не удивлялся той сердечной привязанности и настоящей мужской дружбе, которая зародилась с первого же дня работы Крафта под землей между этими двумя людьми, столь разными по возрасту и характеру.

...На глазах Роберта новый забойщик первым ринулся в черный зев дальнего штрека, где обвальным эхом прогремел взрыв. Должно быть, где-то в глубине забоя от искры воспламенился скопившийся рудный газ: дирекция шахты жестоко экономила на средствах безопасности, и подземная вентиляция часто выходила из строя.

Часть смены бросилась к центральному стволу шахты, к подъемнику. Панические крики: «Спасайтесь!», «Метан!» — ворвались тогда в сознание Роберта вместе с обжегшей его мозг страшной мыслью: «Там же отец...»

Вслед за Крафтом к месту катастрофы устремились и двое «восточных рабочих» — москвич Иван Лемезов и донецкий шахтер Петр Уманец. Оба они входили в подпольную лагерную антифашистскую организацию, и через них Крафт поддерживал связь с товарищами из подпольного лагерного штаба. Иван и Петр в смене Крафта были заняты на ручной откатке вагонеток и погрузке угля.

Мастер, являвшийся одновременно и надсмотрщиком за «восточными рабочими», сбегал к подъемнику в числе первых подавленных страху шахтеров.

Роберт рванулся было вслед за Крафтом к месту катастрофы, но его схватили за руки шахтеры.

Угроза обвала по пятам преследовала смельчаков, бросившихся на выручку товарищей.

Те несколько томительных минут, пока из штрека, где произошла катастрофа, не вернулись Крафт и двое русских, показали Роберту вечность. Они несли, сгибаясь под низкими сводами забоя, чье-то безжизненное тело. Предчувствие беды резануло сердце Роберта.

Отца Роберта положили возле кучи нарубленного угля. Крафт опустился на колени и приподнял голову Дубовского. Один из шахтеров поднес к лицу Дубовского переносную лампу. Роберт с ужасом увидел, как струйка крови стекала с угла рта отца. Крафт расстегнул его куртку и приложил ухо к груди.

Когда он встал и снял с головы защитную каску, у Роберта затряслись плечи.

В тот же вечер Крафт пришел к ним домой. Он сел за столом на то же место, где всегда сидел отец. Роберт посмотрел на руки Крафта. Они были обвиты такими же синими, вздувшимися венами, как у отца. Только голос Крафта показался Роберту резче и суше.

Они проговорили до утренней зари. Велика была тяжесть обрушившегося на их семью горя. Она могла и сломить, подкошить юношу. И вот в такую критическую минуту жизненного испытания Роберт ощутил поддержку сильного человека с добрым сердцем и железной волей, наделенного чуткой душой и ясным умом.

А на следующий день Крафт организовал на шахте среди горняков сбор денег в помощь вдове погибшего горняка.

Позже, присмотревшись к шахтерам, проверив их настроение и взгляды, Крафт сколотил небольшую, но стойкую подпольную антифашистскую ячейку.

Создавать партийную организацию пришлось на шахте заново. Сразу после захвата Австрии гитлеровской Германией гестапо нагрянуло в горняцкий поселок и арестовало несколько коммунистов. Их семьи находились под постоянным полицейским надзором. Вскоре почтальон стал заходить в их дома, оставляя в ящиках извещения, присланные из Маутхаузена. Канцелярия концентрационного лагеря сообщала родным и близким о кончине заточенных шахтеров «вследствие заболевания». И только через письма, нелегально вынесенные из фашистских тюрем, семьи погибших узнавали о жестоких побоях и пытках, о бесчеловечном режиме в концентрационных лагерях, жертвами которого стали их отцы, сыновья, братья...

Накануне рейда подпольщиков и партизан к железнодорожному разъезду Крафт показал Роберту одно такое письмо. К тому времени Роберт уже стал надежным помощником Крафта по нелегальной работе, членом коммунистической партии. Рекомендовал его в партию Крафт. В боевые ряды коммунистов-подпольщиков юноша был принят на собрании их шахтерской ячейки, в заброшенном штреке, где сходились на конспиративные встречи члены подпольного комитета.

Вдвоем с Крафтом они вышли из поселка и лесной тропой, петлявшей среди скал, поднялись на гору, гигантской подковой охватившей Грюнбах с юга и востока.

Крафт положил свою тяжелую шахтерскую руку на плечо юноши. Роберт с волнением развернул сложенные вчетверо листки папиросной бумаги, исписанной мельчайшим, убогим почерком. Прежде чем это письмо попало к подпольщикам, оно прошло длинный путь. И люди, которые его вынесли на волю из тюремного застенка, рисковали собственной головой.

«...Я хочу на этих листках сообщить вам мои последние мысли и пожелания», — начал читать Роберт строки прощального письма забойщика с их шахты, профсоюзного вожака. Гитлеровцы схватили Карла Магера летом 1942 года вместе с другими товарищами по партии.

«При всей нашей выдержке и несмотря на постоянную готовность к встрече со смертью, — писал своей семье, оставшейся в Грюнбахе, Магер, — все же это ужасное испытание для нервов, когда из нашей или соседней камеры забирают узников на казнь. В те дни, когда это происходит, большей частью в среду, четверг или пятницу, вздрагиваешь еще тогда, когда слышишь приближающиеся к камере шаги или бряцанье ключей перед дверью».

Роберт, почувствовав на своем лице пристальный взгляд Крафта, оторвался от письма. «Зачем он раскрывает передо мной во-

рота тюремных ужасов? — неожиданно мелькнула недоуменная, беспокойная мысль в сознании юноши. — Неужели он думает, что я отступлю?»

«С 23 ноября 1942 года, — продолжал читать Роберт, — то есть на протяжении 55 дней моего пребывания здесь, было уже казнено 110 человек. Я ожидаю приближающуюся смерть, взяв себя в руки. Я всегда был верен моему народу и моей родине... Мое пролетарское мировоззрение привело меня к спланивавшему народ интернациональному социализму... Я должен умереть, потому что мои товарищи, их жизнь, мои коллеги по работе и их жизнь для меня дороже, чем собственное спасение».

Роберт опустил руку с письмом и прислонился спиной к шероховатому стволу могучей, высокой сосны. Она поднимала свою мохнатую крону, казалось, к самым облакам, проносившимся над скалистыми утесами альпийских предгорий. Отсюда с вершины горы открывалась свободная, пронизанная солнечным светом и расчищенная вольными ветрами панорама гор, долин, зеленых массивов, змеившихся рек и ручьев.

— Ты сейчас узнал, Роберт, о чем думают борцы-антифашисты на пороге смерти, подводя итог своей жизни, часто короткой, ибо многим из них лишь по девятнадцать-двадцать лет... — тихо произнес Крафт. — Вдумайся в то, что завещают они нам, своим товарищам по борьбе, когда в последний раз пишут письма родным, соратникам по подполью...

Роберт понимал: Крафт обращался к нему, к его разуму и сердцу.

— В чем видят они смысл жизни? Что помогает им переносить самые зверские пытки и мучения и победить в моральной схватке с гестапо, тюремщиками и юстицией «третьего рейха»? — Голос Крафта поразил Роберта незнакомой ему взволнованностью и силой, он заметил: Крафт говорит о погибших коммунистах-подпольщиках как о товарищах, которые по-прежнему стоят в их рядах. И ведь так оно и было: борьбу продолжали в тюрьмах и концлагерях соратники казненных!

Глубокое волнение охватило юношу. В душе его столкнулись два чувства. Одно было вызвано письмом казненного товарища-шахтера; другое — окружавшей его природой.

Еще никогда свобода не казалась Роберту таким драгоценным даром, как в то светлое и чистое утро. Все его юное существо противилось мысли о смерти. Когда он понял, как ему хочется жить, изведать счастья, познать радость дерзания и побед, быть любимым и самому любить, краска глубокого внутреннего волнения зарумянила его лицо. Ему вдруг стало стыдно этого нахлынувшего чувства, и он смущенно стал смотреть себе под ноги, боясь поднять голову и встретиться с глазами Крафта.

Но тот хорошо понимал состояние юноши и, помогая Роберту самому встать на ступеньки духовного возмужания, прочел заключительные строки письма из фашистского застенка.

«Дорогая, горячо любимая мама, дорогой отец! — обращался к родным Карл Магер. — Несмотря на все тяжкие испытания в заточении, мое мужество осталось несломленным и останется таким до конца.

...Я боролся за свои идеалы, я пожертвовал собой для буду-

щего миллионов людей. Поверьте мне, наши идеи стоят того, чтобы за них умереть! Вы же знаете, еще с самых ранних лет я был на стороне бедных и бесправных. Коммунистическое движение, наконец, дало мне возможность делами, действиями приблизить осуществление моих самых горячих стремлений, которые в конечном счете являются стремлениями миллионов угнетенных. Вот почему я воспринимаю свою смерть лишь как уход из строя после выполненного долга».

Над головой Роберта и Крафта зашумели сосны. Большая свинцовая туча выползла из-за ледяных пиков гор. Сразу стемнело. Потянуло сырой изморосью.

Они заторопились вниз, спускаясь по тропинке, проложенной рабочими высокогорных лесоразработок, усыпанной блестящими порыжевшими хвойными иголками. Рядом широкой просекой пролежала трасса канатной дороги. Казалось, будто огромное бревно, сброшенное с горы, прокатало в лесу лыжный трамплин, над которым провисли от мачты к мачте стальные тросы подъемника.

Расставаясь с Робертом возле маленького домика Дубовского, сложенного еще его дедом из грубого кирпича, Крафт задержал протянутую на прощание руку юноши.

— Мы верим в тебя, Роберт. Верим: ты не подведешь своих товарищей, бойцов-антифашистов в трудную минуту. Сегодня вместе со всеми подпольщиками ты выйдешь на первый бой...

* * *

— Хальт! Стой!

Резко взвизгнули тормоза. Крафт и Дубовский не смогли удержать равновесия, повалились на мешки и брикеты.

После неугомонного рокота мотора и тягучего посвиста ветра наступила пугающая тишина. И в ней — тяжелый стук об асфальт кованых сапог жандармов, подбежавших к грузовику.

— Документы! — услышали Крафт и Дубовский нетерпеливый приказ, видимо, старшего из жандармов. Они остановили машину на перекрестке шоссежных дорог, последнем перед Грюнбахом.

Через несколько секунд в резко откинутую брезентовую дверцу просунулось дуло автомата и ударил свет карманного фонаря. Луч света проскользнул по опрокинутым плетеным корзинам, груде черных мешков и снова исчез за пологом фургона.

Подпольщики, укрывшись под рогожей, держали пальцы на спусковых крючках автоматов, затаив дыхание вслушивались в голоса жандармов, окруживших кабину грузовика.

К счастью, все обошлось благополучно. То ли патруль удовлетворил ответ Гюнтера, что они, мол, едут на склад шахты «Грюнбах» за углем и дровами, то ли жандармы не захотели пачкать об угольную пыль свою новенькую, только что полученную униформу. Проверив документы у шофера и пассажира, они махнули рукой и пропустили машину.

Гюнтер молниеносно выполнил приказ. Грузовик, взревев мотором, рванулся к повороту на Грюнбах.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

— Где, где? — Брови фон Зальца, жесткие, как щетина, сошлись на переносице. — Не может быть... Какая наглость!

Заместитель начальника венского гестапо нервно крутил телефонный шнур, сползавший на персидский ковер, где, вытянув мощные лапы, лежал серый дог. Маленькие уши собаки были настороженно повернуты к хозяину. Она чутко улавливала волнение, звучавшее в голосе фон Зальца. Беспокойство хозяина передавалось догу. Его бока бурно вздымались. Из раскрытой пасти на темно-красные узоры ковра капала слюна.

— Перекройте все дороги вокруг Вены, поднимите на ноги жандармерию, хватайте всех подозрительных, немедленно докладывайте мне! — прокричал фон Зальц дежурному офицеру гестапо.

Он швырнул трубку на рычаг. Дог глухо зарычал. Фон Зальц цыкнул на собаку и заметался по кабинету, зябко кутаясь в длинный шелковый халат, наброшенный поверх пижамы.

Со стороны ратуши донесся бой часов. До рассвета оставалось часа два. Фон Зальц остановился перед столом и снова схватил трубку.

— Поднимите с постели, где угодно разыщите и сейчас же доставьте ко мне всю оперативную группу. Да не на дом, идите, а в гестапо! — раздраженно кричал фон Зальц. — Пришлите за мной машину, немедленно!

«Неслышанно дерзкая диверсия — и где, за тысячи километров от фронта! У нас под носом!» — растерянно думал гестаповец.

Фон Зальц распахнул дверцу бара. Целая батарея бутылок пестрела этикетками знаменитых винных погребов и подвалов Европы. Фон Зальц вытащил четырехгранную флягу. Внутри у него нестерпимо печло: накануне они здорово кутнули в погребке «Святой Августин», празднуя «окончательный» разгром коммунистического подполья в Остмарке. В Берлин уже полетел пакет, засургученный фон Зальцем. Он был адресован шефу гестапо Мюллеру. Фон Зальц не пожалел красок, расписывая операцию, завершившуюся арестом группы подпольщиков-коммунистов в столице Австрии. Известие о ночной диверсии поразило его как гром с ясного неба.

«...Пустить под откос эшелон, с оружием в руках напасть на охрану... О, это дело опытных рук!»

С улицы донесся протяжный гудок автомобиля. Фон Зальц коротко свистнул, и дог стремительно поднялся с ковра.

* * *

К приезду фон Зальца вызванные в управление гестаповцы уже находились в приемной его кабинета. Фон Зальц прошел к себе мимо строя вытянувшихся подчиненных. С неудовольствием заметил на их физиономиях следы ночного кутежа. Винные пары явно не выветрились из голов гестаповцев.

В кабинете фон Зальц подошел к сейфу, повернул диск, похожий на телефонный, и открыл тяжелую дверцу. Осторожно просунул руку в глубь сейфа и извлек зеленый пузырек. Потом на-

правился к столу, где стоял сифон с содовой водой, окруженный хрустальными стаканами, открыл пузырек и отсчитал по несколько капель в каждый стакан. Спрятав пузырек в сейф, фон Зальц вызвал гестаповцев.

— Прошу освежить мозги!

Фон Зальц налил гестаповцам в стаканы из сифона.

— На железнодорожном участке Винер-Нейштадт — Вена взорван эшелон. Но это еще не все. Неизвестными бандитами

уничтожена охрана поезда, в котором на военные заводы рейха следовали оборудование для ракетных заводов и стратегическое сырье! Вы понимаете, какое значение придается сохранности этого груза в РСХА*? Мы все, — фон Зальц сделал угрожающую паузу, — попадем на Восточный фронт, в штрафные роты, если не поймем мерзавцев.

Фон Зальц резко взмахнул рукой.

Дог, лежавший на привычном месте, возле двери, поднял массивную голову и проследил за движением руки хозяина. Ему давно и хорошо был знаком этот жест. Достаточно было иногда одного такого движения, и собака с яростью бросалась на человека.

Гестаповцы слушали молча и сосредоточенно. Лекарство, подлитое фон Зальцем в стаканы с «сода-вассер», быстро нейтрализовало действие алкоголя. Протрезвление гестаповцев уже отметил их шеф.

— Немедленно отправляемся на товарную станцию Восточного вокзала.

Фон Зальц подозвал к себе дога и стал чесать короткую шерсть под массивным серебряным ошейником. Делал он это привычно, словно перебирал монашеские четки, — успокаивало взбудораженные нервы.

— Займемся железнодорожниками, — продолжая ласкать собаку, медленно говорил фон Зальц. — В первую очередь необходимо узнать, кто был в поездной бригаде, кто в диспетчерской. Проверять надо всех, кто имел какое-либо отношение к рейсу состава. И с двух концов — от пункта отправления до станции назначения.

Фон Зальц вдруг вспомнил, что завтра утром он должен явиться во дворец Хофбург на доклад к гаулейтеру Вены Бальдуру фон Шираху. Помощник гаулейтера бригаденфюрер СС Дальбрюгге накануне предупредил фон Зальца и порекомендовал составить «полицайберихт»** на основе фактов, которые бы «порадовали» имперского наместника. Еще вчера это было сделать нетрудно, но теперь...

Фон Зальц нажал кнопку звонка, врезанную в крышку стола.

— Срочно выясните, не было ли донесений от «Монаха», — приказал он своей секретарше, фрейлейн Инге. — Я выезжаю на Восточный вокзал.

* * *

— Ефрейтор Вок, помощник начальника пакгауза «Ост-Банхоф VI», при исполнении служебных обязанностей!

Ефрейтор, совсем еще молодой новобранец, мигом вскочил, когда фон Зальц рывком распахнул дверь дежурной комнаты.

Еще раньше ефрейтор услышал рев автомашины, подкатившей к железнодорожному складу, а потом увидел и самих гестаповцев в окно дежурной комнаты, когда они вошли в помещение

---

* РСХА — Главное управление имперской службы безопасности (нем.).

** П о л и ц а й б е р и х т — полицейский отчет (нем.).

пакгауза. Нервы юноши напряглись до предела. «Быстро они всполошились, — мелькнула у Густава тревожная мысль. — Не случилось ли что с Крафтом? Лишь бы их не перехватили по дороге на шахту. Может быть, арестовали курьера, с которым я передал Крафту информацию об этом эшелоне? Фу ты, черт возьми, взбредет же такое в голову! Ну, чего я паникую! Все так и должно быть: эшелон мы пустили под откос на нашем же участке, гестапо и бросилось сюда. Рельсы от того разезда ведут к Восточному вокзалу...»

Фон Зальц метнул подозрительный взгляд на ефрейтора и направился к нему. Густав, по-прежнему вытянувшийся, не спускал глаз с гестаповца.

— Где документация грузов, следовавших товарным составом номер сорок семь? — резко спросил фон Зальц.

— Ее взял к себе начальник товарной станции «Ост-Банхоф» Кюльман, господин майор!

— Почему?

— Состав номер сорок семь — специальный поезд, и порядок прохождения документов изменен.

— Вы, ефрейтор, знали, что именно вез сорок седьмой?

— Так точно, господин майор. Накладные поступили из Варшавы три дня тому назад.

«...Нам удалось установить: товарным составом, маршрут № 47, в районе Бад-Аусзее, а также на авиационные заводы Юнкерса в Винер-Нейштадте отправлены детали и материалы для подземных заводов, выпускающих ракеты ФАУ...» — промелькнули в голове Вока строки информации, которую он незадолго до диверсии передал по поручению руководства подпольной организации железнодорожников шахтерам-подпольщикам Грюнбаха.

— Кто был еще в курсе дела?

— Начальник товарной станции, его помощник и секретарь.

— А поездная бригада? Диспетчеры? Обходчики? Телеграфисты?

— Господин майор, правила военного времени под страхом смертной казни запрещают разглашение секретных сведений. Я всегда действую строго по инструкции. Документы на поступление и отправку грузов хранятся в особом отделе. Я получаю и сдаю их под расписку только в служебное время.

— Предупреждаю вас, ефрейтор, ночное происшествие с поездом номер сорок семь — это тоже абсолютно секретное дело. Карать болтунов мы будем так же беспощадно, как за разглашение военной тайны!

Фон Зальц и сопровождавшие его агенты тайной полиции вышли из дежурной комнаты. Но в дверях, загородив выход, остался один гестаповец. Он приказал ефрейтору заниматься своим делом. Гестаповец недвусмысленно ткнул пистолетом в сторону рабочего места Вока.

Внутренним коридором фон Зальц прошел к центральному зданию и по винтовой железной лестнице поднялся на второй этаж в кабинет начальника товарной станции «Ост-Банхоф».

Катастрофа с эшелонем № 47 потрясла Кюльмана, ревностного службиста и фанатичного нациста.

Фон Зальцу самому пришлось просматривать пачку накладных

на столе начальника товарной станции. У Кюльмана от страха дрожали руки. Он заикался, сбивчиво называл станции, путал номера поездов...

— А это что? — Фон Зальц поднес к глазам Кюльмана синюю накладную. Она лежала в стороне от остальных бумаг.

— Документ поступил ко мне только сегодня утром, господин майор... Это квитанция партии груза, который находился в вагоне, прицепленном к эшелону номер сорок семь на промежуточной станции в Нижней Силезии. Вот, пожалуйста, копия телеграммы дирекции концерна «Герман Геринг». Мы получили ее из Линца позавчера.

Фон Зальц быстро прочел телеграмму. Дирекция концерна категорически требовала от железнодорожной администрации срочно обеспечить транспортировку груза, направленного в Линц уполномоченным концерна инженер-майором Бломбергом. Вагон с бронзовыми статуями, возмущалась дирекция концерна, почему-то застрял на захолустной станции на расстоянии суточного перегона от Линца...

— Ваш ефрейтор, как его?..

— Вок!

— ...Знаком с этой телеграммой?

— О нет, господин майор! Я не посвящаю нижних чинов в такие деликатные случаи. Мною лично было отдано распоряжение прицепить вагон к эшелону номер сорок семь.

Фон Зальц внимательно перечитал весь список бронзовых скульптур, значившихся в накладной уполномоченного концерна.

— Где сейчас этот груз? — спросил фон Зальц Кюльмана таким тоном, что у того пробежали по спине мурашки.

— Платформа пять, путь седьмой, — испуганно пробормотал начальник станции.

— Сейчас мы отправимся туда.

* * *

Возле пакгаузов стояли тяжелые, трехосные армейские грузовики. Вперемежку с ними прижимались к дверям складов высокими бортами автомашины венских заводов и фирм, пестревшие яркими фирменными эмблемами. Грузы вручную перетаскивали в пакгаузы истощенные люди в полосатых тюремных одеждах. За их работой наблюдала эсэсовская охрана.

Гестаповский «мерседес» круто развернулся и притормозил около пакгауза, рядом с которым протянулся целый состав зачехленных брезентом железнодорожных платформ. Вдоль состава ходили часовые.

Фон Зальц вместе с начальником станции быстро поднялся по лестнице внутрь серого бетонного здания. Вызванный Кюльманом кладовщик, старый унтер-офицер, торопливо снял тяжелые замки с окованных железом дверей склада и раздвинул их в обе стороны.

Фон Зальцу показалось, будто он попал в подвал музея или в мастерскую скульптора. На бетонном полу причудливо громоздились бронзовые фигуры. На многих были видны царапины и вмятины — следы осколков и пуль. В хаосе опрокинутых, наваленных друг на друга скульптур гестаповец никак не мог

отыскать бронзовый бюст человека, имя которого фон Зальц боялся даже произнести.

— Сколько нужно людей, чтобы растащить эти груды? — нетерпеливо спросил фон Зальц. — Вызовите пристанционный наряд жандармерии!

...Когда потные и красные от переноски многопудовых бронзовых скульптур жандармы поставили, наконец, на деревянный ящик бюст Ленина, в пакгаузе воцарилась необычная тишина.

Гитлеровцы молча разглядывали бюст, запечатлевший образ русского человека, который — фашисты этого не забывали — и после своей смерти остался вождем, знаменем большевистской России, мирового пролетариата, всех коммунистов на Земле.

Фашисты знали, какая титанически страшная для них сила заключена в этом русском имени. Его произносили запекшимися кровью губами немецкие коммунисты, сыны партии Тельмана, пройдя сквозь муки гестаповского ада, не сломленные пытками, гордые своей принадлежностью к великой ленинской армии бойцов за счастье трудового люда. Его писали на стенах казематов узники фашизма, уходя на казнь. С этим именем поднимались в атаку солдаты Советской России и бойцы антифашистского Сопротивления.

Имя Ленина прорывало колючую проволоку концентрационных лагерей, врвалось сквозь тюремные решетки в камеры, вселяло в людей мужество, объединяло их, сплавляло, укрепляло силы и веру в победу над фашизмом и капиталистической тиранией.

Фон Зальц смотрел на бюст Ленина; и ему мерещилось, будто вокруг Ленина, взявшись за руки, грудью заслоняя своего вождя, встают подпольщики, антифашисты — живые и мертвые, те, кто продолжает сражаться, и те, кто замучен в застенках гестапо, расстрелян, казнен, задушен...

Фон Зальцу хотелось сорвать перчатки и зажать уши: ему слышалось и здесь, в бетонных стенах пакгауза, клятва верности Ленину, антифашистской борьбе, которую повторяли узники гестапо, когда их мучили гитлеровцы и истязали, надеясь заставить коммунистов отречься от ленинского учения, предать партию, изменить своему делу...

Фон Зальц провел ладонью по лицу, прогоняя страшное видение: «Уничтожить! Бросить в огни! Навеки!» Гестаповец чувствовал, как страх душит его. Сейчас был уже не сорок первый год! На немецкие окопы Восточного фронта пала пугающая тень пережитой сталинградской катастрофы.

— Что здесь написано? — Фон Зальц ткнул пальцем в выгравированные по бронзе строки.

— У нас никто не знает русского языка, господин майор, — робко ответил начальник станции. — Может быть, кто-нибудь из восточных рабочих...

— Не надо! — резко оборвал его фон Зальц.

— Господин майор, разрешите я попробую! — неожиданно обратился к гестаповцу стоявший поодаль унтер-офицер. — Я был в русском плену еще в ту мировую войну...

— Хорошо, — подумав, ответил фон Зальц.

Унтер-офицер вытащил из старенького футляра очки и подошел к бюсту.

Художник, изваявший скульптурный портрет Ленина, запечатлел Ильича задумавшимся, сосредоточенным.

— «Храните единство партии, как хранил его Ленин. Десятому Всеукраинскому съезду КП(б)У от рабочих и служащих Жмеринского узла», — медленно, по слогам, делая паузу после каждого слова, прочел старый унтер-офицер.

Он снял очки и, обратившись к фон Зальцу, добавил:

— На бюсте дата, господин майор. Тринадцатого ноября 1927 года.

— Погрузить немедленно на самое дно вагона! Завалить всем этим хламом, чтобы не дотянулась ни одна рука! — закричал гестаовец срывающимся голосом.

* * *

...Густав делал вид, что углублен в свои служебные бумаги. Он механически перебирал накладные, делал пометки синим карандашом, подкалывал документы в тяжелые, с металлическими запорами папки. Но мысли юноши блуждали вокруг одних и тех же вопросов: «Что узнало гестапо? Насколько опасен налет полицейских ищеек на Восточный вокзал? Как поступать дальше?»

Внезапно Густав вздрогнул. Хлопнула дверь, он увидел за стеклом промелькнувший плащ охранявшего его гестаповца. В ту же секунду на столе ефрейтора зазвонил телефон. Начальник станции приказал Густаву немедленно подняться в специальную часть.

Не зная, что и предположить, но готовый к худшему, Густав поднялся по винтовой лестнице на второй этаж, миновал таможенный отдел и остановился перед стальной дверью с закрытым маленьким окошком. Рядом на стене вровень с виском ефрейтора чернела кнопка звонка. Она сейчас напоминала Густаву влившуюся в кирпич пулю.

Ефрейтор нажал на кнопку. Прошла минута. За дверью послышались тяжелые шаги. Скрипнули замки, и начальник спецчасти жестом приказал Густаву войти.

Пройдя длинным коридором, Густав вошел в помещение, похожее на огромный стальной сейф. Он и не подозревал, сколько там было железных ящиков, полок, впаянных в стену ручек. И в одном из этих ящиков в пачке с другими «делами» лежало и его собственное, помеченное грифом «Совершенно секретно».

Начальник специальной части молча поставил на стол, за который сел Густав, железную коробочку, похожую на те, в которых хранят печати.

— Давай сюда руку, — приказал Густаву хозяин железного склада.

Недоумевая, что же задумал этот неприятный тип с лицом, выщербленным оспинами, который буравил ефрейтора маленькими крысиными глазками, Густав протянул левую руку.

— Обе! — приказал гестаовец.

Он раскрыл коробку, схватил большой палец правой руки Густава и с силой прижал его к черной, сочившейся краской подушке. Потом, не выпуская палец, придавил его к листку бумаги.

Взволнованный неожиданным вызовом к гестаповскому чиновнику, Густав не сразу увидел на столе заранее приготовленный формуляр. Теперь же ему все стало ясно. С него взяли отпечатки пальцев.

* * *

— Эй, Вок!.. Пойдем прополощем горло!

Густав вздрогнул. Он и не заметил, как вышел из здания станционного управления.

Рядом с ним оказался унтер-офицер, начальник соседнего пакгауза. Алоис Фегль давно уже с симпатией относился к молодому новобранцу, которого по состоянию здоровья — Густав страдал врожденным плоскостопием — армейские врачи зачислили на пестроевую службу в тыловых частях вермахта. Фегль частенько заглядывал в дежурку Густава, чтобы «поболтать об умных вещах», как он, смеясь, говорил ефрейтору, и послушать его рассказы о людях, изобретающих машины. Густав действительно был великолепным рассказчиком, в особенности когда речь заходила об истории техники, великих ученых, изобретателях.

— Неприятности? Какая-нибудь зазноба подвела? — шутливо толкнув в бок ефрейтора, засмеялся Фегль. — Давай выпьем по кругелю швехатского. Я приглашаю!

Густаву было неудобно отказаться: Фегль был старшим по званию, и это обязывало Густава выпить с ним по кружке пива.

В небольшом пристанционном гастхаузе «Дер гольдене лам» собрались на обеденный перерыв знакомые Густаву железнодорожники. Они разложили на столах завтраки, принесенные из дому, и запивали бутерброды с колбасой добрым швехатским пивом.

— Ты знаешь, Густав, мне сегодня снова пришлось вспомнить о далеких годах, когда я был вот таким же, как ты, braveм молодым солдатом.

Унтер-офицер Фегль пододвинул к Густаву высокую граненую кружку с пенившейся янтарной жидкостью.

— Красивые, я тебе скажу, в России девчата! Ведь я чуть было не остался там после плена. Заколдовала одна черноокая. Под Полтавой это было, в восемнадцатом...

Густав молча слушал, стараясь не выдавать охватившего его волнения. Он поставил на стол кружку и вынул из портфеля бутерброд, аккуратно завернутый в целлофан.

— А какие там галушки! Горилка!..

Густав никогда не слышал, чтобы Фегль говорил по-русски или по-украински. «Почему он вспомнил Россию, да еще так прочувствованно?» — мелькнула тревожная мысль.

— Ты, наверное, ломаешь голову, с чего это вдруг старый болтун ударился в воспоминания, да еще о Советской России...

— Мое дело солдатское: слушать то, что говорят старшие, и не морочить себе голову глупыми вопросами, господин унтер-офицер.

— Ну да ладно, меня, старика, не проведешь...

Фегль сдунул пену и отхлебнул пиво из полного до краев кругеля.

— Видел я сегодня тут, у нас, одного человека, — навалив-

шись на стол, зашептал Фегль. — Он-то и заставил меня вспомнить о русском плене... Гестапо у тебя было?

— Да, с час назад или поболее, — быстро ответил ефрейтор.

— У меня тоже. Ленина искали. Бюст. С эшелона, который так и не докатился до Вены...

Густав почувствовал, как у него перехватило дыхание. Но он боялся вызвать подозрения унтер-офицера излишним интересом к его рассказу. Кто мог поручиться, что Фегля не обработало гестапо? Хотя интуитивно Густав почувствовал: унтер-офицер не из числа нацистских холоуев.

— Грузы с того, сорок седьмого, привезли к нам на грузовиках под утро, — все так же шепотом продолжал Фегль. — Крапом свалили ко мне в пакгауз штук тридцать бронзовых памятников. Так и лежали они горой до прихода гестапо. Я и не знал, за кем они охотятся. Главный их начальник — как его, фон Зальц? — злой такой, пригнал жандармов. Они растащили

памятники, нашли бюст Ленина. Долго рассматривали. И все молчком, словно языки проглотили, — с неожиданной для Густава ненавистью заговорил старый унтер-офицер. — Фон Зальц хотел узнать, что было выгравировано на бюсте. Я и вызвался прочесть. Трудновато было, столько лет уже минуло. Позабыл я русский-то. Но все же разобрался... Не простой это памятник!

Фегль с неожиданной для Густава проницательностью взглянул ему в глаза и, чуть прищурившись, добавил:

— В тысяча девятьсот двадцать седьмом году сделали этот бюст рабочие и служащие в подарок съезду большевиков Украины... Вот, должно быть, почему гестапо так заинтересовалось этим бюстом. Фон Зальц лично проконтролировал, чтобы на бюст сверху, когда памятники снова грузили в вагон, навалили побольше самых тяжелых. Боятся, должно быть, как бы кому в голову не пришло взять бюст Ленина...

Густава поразили и то, как откровенно говорил унтер-офицер, и нескрываемая враждебность Фегля к гестапо, и в особенности его намеки на то, что, мол, можно было бы и спасти бюст Ленина. «А вдруг все это тонко подстроенная гестаповская ловушка? — обожгло Густава возникшее подозрение. — Быть может, никакого бюста нет и в помине? И все, что здесь мне наговорил унтер-офицер, подсказано тем гестаповским офицером?»

Густав лихорадочно перебирал в памяти все железнодорожные квитанции, которые прошли через его руки за последние дни, в особенности те, где значились грузы товарного состава № 47. Нигде и упоминания не было о бронзовых памятниках. Как же гестапо могло узнать о бюсте Ленина?

Унтер-офицер Фегль задумчиво и грустно смотрел на ефрейтора. Он понимал, в каком смятении находится сейчас молодой человек. Но больше того, что сообщил он Густаву, унтер-офицер Фегль сказать не мог. Он никогда не был ни коммунистом, ни социалистом, ни членом какой бы то ни было партии. Всю жизнь он трудился вот на этой товарной станции. Но Фегль был настоящим пролетарием. Только путь своей борьбы он избрал иной — одиночную борьбу. Фегль глубоко верил, что, действуя в одиночку, сможет подольше наносить вред фашизму, гарантируя себя от предательства и провала. Унтер-офицер протавлял неправильные данные в железнодорожных накладных, задерживал вагоны с военными грузами в пути, посылая дальней, кружной дорогой... Только сегодня, стоя перед бюстом Ленина, он понял, что ошибся в главном: надо было бороться вместе с товарищами, сообщая! Вот почему Фегль впервые теперь решил рискнуть, приоткрыться Густаву, о котором он знал: сын его старого знакомого машиниста Вока не подведет. Унтер-офицер Фегль догадывался об антифашистских настроениях многих железнодорожников, в том числе и Густава. Но слишком долго он хранился, замыкался в себе, чтобы вот так сразу взять и разорвать панцирь своей собственной замкнутости.

— Этот бюст погонят на переплавку? — нарочито грубо и как бы безразлично спросил Густав.

— На заводы Геринга, — сразу посуровев, ответил Фегль. — Ну, мы с тобой тут, кажется, засиделись. Прощай...

Унтер-офицер бросил на стол мелочь и вышел из гастхауза.

Густав вдруг понял, что неправильно повел себя с Феглем.

Но он не имел права верить ему на слово, а унтер-офицер почему-то не высказался до конца... Это Густав почувствовал очень хорошо. Разве мог он знать, какие барьеры пришлось преодолеть Феглю, чтобы довериться Воку, и сколько еще барьеров преграждали в душе унтер-офицера дорогу к товарищам, антифашистам, подпольщикам?

«Если бы мне удалось прочесть накладную, по которой оформлены эти бронзовые памятники, быть может, я бы узнал точно о бюсте Ленина, — подумал Густав. — Но как это сделать? Вся документация у начальника станции. Должно быть, оформление бронзового груза прошло мимо меня. Досье с документами уже заперто в спецчасти. Нет, туда совать нос опасно, безрассудно! Что же делать?»

Вдруг до его слуха донесся чей-то шепот:

— Я собственными руками поднял крапом бюст Ленина! Не веришь? Да его прожекторы так осветили, словно наводили под жерла зенитных пушек!

Густав обернулся и увидел машиниста железнодорожного крана и знакомого проводника. Они сидели за соседним столиком. Машинист пришел в гастхауз уже после ухода Фегля. Оба, видимо, заметили или почувствовали, что Густав прислушивается к разговору. Машинист поднял кружку пива и нарочито громко заговорил о другом.

Густав больше не слушал. Он выскочил из гастхауза и бросился к телефонной будке. Надо было немедленно поставить в известность руководство подпольной организации о бюсте Ленина.

Условившись о встрече, Густав позвонил своей невесте и попросил ее подождать его у него дома, чтобы потом провести вечер в кафе «Аида». Это была хорошая идея: пойти на встречу со связной вместе с Эльзой! Лишь бы его невеста согласилась зайти в самое фешенебельное кафе Вены, всегда полное немецких офицеров!

ПОБЕГ

Перед большим окном в кабинете директора шахты стоял офицер в черной форме СС. В руке он держал длинный стакан с узким дном, в каком обычно размешивают коктейль.

Рядом с эсэсовцем почтительно наклонил голову грузный директор шахты. Округлый, точно бочонок, живот мешал дипломированному инженеру Зауэру принять еще более подобострастную позу. И он старался компенсировать эту погрешность лакейской улыбкой. Она не сходила с его красной физиономии с той самой минуты, когда в его кабинет без стука вошел штурмбаннфюрер Вольт — помощник «по особым делам» бригаденфюрера Бухманна.

Бухманн нагрянул в провинциальный уголок «гау» Остмарка как снег на голову. Уполномоченный рейхсмаршала Геринга прилетел из Берлина, чтобы лично разобраться в причинах участвовавших катастроф на шахте концерна. Но директор Зауэр терялся в догадках: и раньше на его предприятии случались обвалы, взрывы газа, но Берлин на эти «обычные» происшествия не реагировал столь нервно. Правда, из-за катастроф временно снижалась добыча угля. Но дирекция каждый раз повышала нормы

выработки, загоняла под землю новые партии «восточных рабов» и под угрозой жестоких репрессий подхлестывала и без того изнурительный темп в забоях, на откатке и погрузке угля.

Приезд берлинского уполномоченного «самого рейхсмаршала» был в самом деле из ряда вон выходящим случаем. Он ошелолил и напугал всю администрацию шахты.

От взгляда холодных белесых глаз эсэсовца по спине директора пробегали мурашки. Он торопливо и сбивчиво отвечал на вопросы Вольта, но тот, как все же быстро сообразил директор, еще до прихода к нему в кабинет установил «технические причины» всех тех случаев, когда на шахте резко падала добыча угля, а на горняцком кладбище появлялись новые могильные холмы.

«Проклятые акты экспертизы! — в сердцах чертыхнулся про себя герр Зауэр. — Вольт, конечно, докопался до этих бумажек. Ревизорам-то что: зафиксировали то-то и то-то — и руки умыли. Их дело — сторона! А прятать акты «в долгий ящик» пришлось мне...»

— Меня удивляет, господин директор, — неожиданно тонким, визгливым фальцетом заговорил штурмбаннфюрер, обращаясь к инженеру Зауэру. — От вас в Берлин не поступило ни одного рапорта, где бы значились фамилии подлинных виновников катастроф!

Директор почувствовал, как холодный пот выступил на его жирном затылке. Он вынул платок и старательно вытер шею, выигрывая время для ответа. Дипломированный инженер и без актов экспертизы великолепно знал, почему в штольнях подламывалось гнилое крепление, засорялась вентиляция, прорывалась вода... Деньги от «экономии» на технике безопасности в шахте, и немалые суммы, шли в сейф концерна, в карман самому рейхсмаршалу. Но об этом и заикнуться рискованно! Правда, и сам директор «грел руки» на подрядах, по которым в шахту шел крепежный лес. «Неужели пронюхали?» — испуганно подумал Зауэр. Он тупо уставился в физиономию эсэсовца.

Вольт раскрыл рот и высыпал из пакетика на язык порошок с каким-то лекарством, запил его содовой водой. Он по-прежнему сжимал коктейльный бокал своими костистыми пальцами с неестественно длинными желтоватыми ногтями.

— Здесь, на шахте, господин Зауэр, ежедневно работают десятки кацетников, — не дожидаясь ответа, продолжал штурмбаннфюрер. — Все ваши катастрофы — это акты саботажа, организованного кацетниками. Вы понимаете меня, господин директор?

— Яволь*, герр штурмбаннфюрер!

О, господин Зауэр хорошо понял намек! Эсэсовец ухватился за несчастные случаи и аварии на шахте, в которых была повинна дирекция, как за повод для репрессий против заключенных и тех, кого гестапо подозревало в антифашистской деятельности.

«Сразу двух зайцев хочет убить эта ловкая bestия», — не без зависти прикинул инженер Зауэр.

— Тогда не позднее сегодняшнего вечера составьте точный

---

* Я в о л ь! — Так точно! (нем.).

список кацетников, работавших на шахте в те дни, когда у вас случались производственные неприятности, — приказал Вольт. — И, кроме того, познакомьте меня со всеми немецкими рабочими. Сперва, конечно, по вашим кадровым делам.

* * *

Еще издали у ворот шахты рядом с обычным постовым из местной жандармерии Крафт заметил силуэт второго часового. Он стоял с автоматом, широко расставив ноги.

«Черное воронье», — с неприязнью подумал Крафт, направляясь к проходной с группой шахтеров своей смены. Австрийский вахтер брал пропуска из рук подходивших шахтеров, придирчиво сверял их с длинным списком, приколотым на стене. Очередь продвигалась медленно, и шахтеры, не скрывая раздражения, переругивались с постовым.

— Опоздаем в забой, вычтут из моего заработка, а не из твоего кармана, — возмущенно сказал пожилой шахтер. Его дружно поддержали товарищи.

— Приказ начальства, — огрызнулся жандарм, боязливо оглянувшись на дежурившего рядом эсэсовца.

В раздевалке, стоя у шкафчика, откуда только что забрал свои вещи его напарник из ночной смены, Крафт пошарил рукой в ящике, куда клали обувь. Пальцы нащупали окуроч. Крафт незаметно положил его в карман брезентовой куртки, в которой работал в забое.

— Перед спуском зайдите в канцелярию! — громко, чтобы все слышали, крикнул мастер.

Слух о приезде берлинского начальства разнесся по всей шахте. Никто не знал толком, с какой целью пожаловал в Грюнбах бригаденфюрер с внушительным эсэсовским escortом. По дороге в канцелярию шахтеры изредка перебрасывались короткими фразами, делились предположениями и догадками. А за каждым их движением со второго этажа здания, из кабинета директора шахты пристально следил штурмбаннфюрер Вольт. И как только первый шахтер открыл дверь канцелярии, штурмбаннфюрер спустился вниз и незаметно занял место за стеклянной матовой перегородкой, из-за которой видны были и коридор и канцелярия.

Один за другим шахтеры подходили к маленькому окошку, расписывались в какой-то книге и отходили с запечатанным конвертом, похожим на тот, в котором выдавалась зарплата.

Крафт получил конверт последним и, когда шел по коридору к выходу, внезапно почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Он обернулся, коридор был пуст. «Нервы расшалились», — недовольно отметил Крафт и устремился вдогонку за шахтерами. Они на ходу вскрывали конверты.

«...Герр Ламбер, — пробежал взглядом Крафт первые строчки распоряжения директора шахты, — позавчера мы продолжительное время наблюдали, как вы исключительно дружеским образом обращались с восточным рабочим № 41 и греческим гражданином Даларасом».

«Это не из нашей группы», — промелькнуло в голове Крафта. Он догнал товарищей и дочитал отпечатанный под копирку текст.

«Как грек, так и восточный рабочий в служебное время долго

сидели на скамейке, и как вы, так и оба вышеупомянутых на протяжении длительного времени не работали. Нашему взгляду на жизнь противоречит тот факт, что вы братаетесь с этими людьми».

«Плоды нашей работы дают всходы», — удовлетворенно отметил Крафт.

Подпольная коммунистическая ячейка Крафта завязала хорошо налаженные и законспирированные связи с подпольным штабом узников кацет-филиала Маутхаузена. Здесь же, на шахте, товарищи Крафта оказывали узникам посильную помощь продовольствием и медикаментами. Два русских военнопленных, Петр и Иван, стали надежной опорой Крафта. С их помощью Крафт переправлял в кацет антифашистские листовки и короткие радиоперехваты из Москвы, информировавшие о положении на фронтах великой битвы с германским фашизмом.

Передачи делали с величайшей осторожностью: эсэсовская охрана дважды поголовно обыскивала всех узников, доставляемых на шахту из концентрационного лагеря — перед началом работы и в конце смены, когда «восточные рабочие» поднимались из шахты. Но риск оправдывался сторицей: добрые вести с родины поднимали дух узников, придавали истощенным людям силы выдержать муки фашистского ада и вступить в неравный поединок с нацистской властью.

Крафт наотрогу запретил подпольщикам общаться с узниками кацет где-либо, помимо шахтных забоев. Под землей легче было обмануть ревностных ищеек гестапо и администрации; иное дело — на территории шахты наверху. Там каждый метр находился под неусыпным наблюдением. Новое распоряжение директора хотя и адресовано одному шахтеру, но угрожало карающими последствиями всем горнякам Грюнбаха и, розданное шахтерам, было предостерегающим подтверждением этой гестаповской слежки.

«...Строжайше запрещается любая попытка товарищеского сближения с иностранными рабочими, — торопливо дочитывал распоряжение Крафт. — Вы, как немец, — внушал директор шахты Ламберу, — должны показывать своим поведением вышеупомянутым нациям, что мы являемся ведущей и господствующей нацией. Своим поведением вы же нанесли удар в спину сражающимся на фронте немецким войскам. Настоящим я предупреждаю вас самым строжайшим образом.

Хайль Гитлер!»

Крафта поразило не само предупреждение нацистского начальства, а то, как оно было доведено до сведения шахтеров. Подобного типа приказы издавались и раньше. Но обычно они вывешивались на видных местах. Теперь же их почему-то вложили в конверты и персонально, под расписку, вручили каждому шахтеру.

Тревога все больше охватывала Крафта. Он интуитивно чувствовал, как, пока неведомая, опасность шла по следам подпольщиков. «Внезапная инспекция из Берлина. Столь же неожиданная проверка всего рабочего состава шахты. Конверты с угрозой...» — Крафт лихорадочно искал взаимосвязь между всеми этими событиями и осуществленной подпольщиками диверсией на железной дороге.

Как назло, ему не удалось прочитать записку, вложенную в окуроч. Сделать это незаметно для других можно было, только сплустившись в забой. Но, быть может, записка была экстренным сигналом, предостережением?

...Решетчатая дверь закрылась за первой партией шахтеров, и клеть начала стремительно проваливаться в глубину шахты.

Крафта со всех сторон стиснули спины и плечи товарищей по смене. Роберта рядом не было. Он должен был спуститься в забой часом позже.

«Что в записке?» Мысль о ней неотступно преследовала Крафта. Как только он добрался до забоя, сразу же укрылся за вагонеткой и быстро разломал окуроч.

«С бригаденфюрером приехал известный тебе Вольт», — прочел Крафт записку. Ее незаметно положила в ящик там, в шахтерской раздевалке, Эрна, сестра электрика Стефана Гротта. Сам Гротт стал правой рукой Крафта в подпольной ячейке. Брат Гротта служил в лесничестве в горах Штирии, где начала действовать группа австрийских партизан, и Стефан наладил через брата связь с этой группой Сопротивления.

Семнадцатилетняя Эрна Гротт работала уборщицей в дирекции шахты. Ей часто приходилось убирать подносы с выпитыми чашками кофе из кабинета самого директора, наводить чистоту и блеск во всех служебных помещениях, мыть и натирать покрытые линолеумом полы, выбрасывать из корзин для бумаг накопившийся за день мусор, вытряхивать окурки из пепельниц.

Крафт сразу прикинул, каким ценным источником информации для подпольщиков может стать эта скромная, худенькая девушка с большими, чуть недоуменными глазами, словно Эрна впервые видела все то, с чем она сталкивалась каждый день. Он переговорил с Гроттом, и Эрна была включена в их подпольную работу.

«Фрейлейн Эрна» — так обычно звали ее чиновники конторы — нравилась всем своим прилежанием, вежливостью и самоотверженной готовностью с утра до поздней ночи убирать, чистить, мыть посуду, мебель, стекла, полы. Ее появление и присутствие в помещениях дирекции стало привычным. Как само собой разумеющееся служащие воспринимали безукоризненную чистоту и образцовый порядок, царивший в их комнатах, на их письменных столах. И незаметно для себя аппарат дирекции поставил знак равенства между служебным рвением фрейлейн Эрны и ее лояльностью нацистскому рейху и фюреру.

Эрна передавала через брата Крафту извлеченные из корзин вместе с мусором скомканные копии, обрывки телеграмм, конверты со служебными адресами. Чуткий слух Эрны ловил целые фразы из разговоров чиновников. Те часто не стеснялись ее присутствия — вернее, просто не замечали, когда Эрна приносила им на подносе кофе. Их руки жадно тянулись к дымящимся чашкам и, сказав привычно «данке шен», чиновники продолжали прерванные было при ее появлении служебные разговоры, даже не всегда дожидаясь, пока за Эрной закроется дверь.

Из этих отрывочных сведений и реплик, кропотливо и тщательно собранных Эрной, постепенно складывались важные детали и целые фрагменты общей картины добычи каменного угля не только на шахте в Грюнбахе, но и на остальных шахтах

концерна в Австрии. Подпольщики могли точнее представить себе военные усилия этой отрасли нацистской индустрии в Альпах. Это помогало более целенаправленно и эффективно организовывать акты саботажа.

«Вольт... Да, я как-то рассказывал Гротту об этом фашистском оборотне. Он сделал в рейхе головокружительную карьеру — от штрейкбрехера и фаумана * до штурмбаннфюрера СС. Мы с ним были «знакомы» еще в Руре; и тогда я сумел уйти от него, но для этого должен был уехать в Вену. А сейчас он там, наверху, готовится захлопнуть крышку ловушки», — с тревогой подумал Крафт.

Мысль Крафта металась в поисках выхода из западни. Первой мыслью была мысль о побеге. Но если он убежит, подозрение тут же падет на всех, с кем он вместе работал, — на Дубовского, Ивана, Петра... Гестапо арестует их по одному подозрению, даже без доказательства вины. А арест — это значит допросы, пытки...

Он знал: его самого даже самые зверские пытки не заставят выдать ни одного имени. Но выдержит ли Роберт? Крафт не сомневался в стойкости юноши. Но ему было мучительно больно сознавать, что, быть может, скоро гестапо оборвет молодую жизнь его верного товарища.

Крафт вытянул из кармана часы и посветил фонарем. Роберт должен был давно уже спуститься в забой.

— Плохо подают воздух! — сквозь грохот отбойных молотков прокричал мастеру, наблюдавшему за работой узников из кацет. — Пойду посмотрю — может быть, течь в шланге.

— Хорошо, только быстрее, — недовольно ответил мастер.

Он подозрительно взглянул на согнутую фигуру забойщика, быстро удалявшегося к центральному стволу шахты.

Теперь Крафту стало ясно, зачем штурмбаннфюрер Вольт устроил всю эту комедию с вызовом шахтеров в канцелярию и конвертами под расписку. Старая полицейская лиса хотела увидеть в лицо каждого шахтера, оставаясь незамеченной. Он вспомнил, как почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд.

Крафт остановился и присел возле рельсов, делая вид, будто обнаружил разрез в шланге, по которому подавался сжатый воздух к отбойным молоткам. В этом месте, за свайей, в углублении, закрытом куском антрацита, находился «почтовый ящик» подпольщиков. Его Крафт устроил специально для экстренных случаев. О существовании тайника знали только двое — Роберт и брат Эрны.

Крафт вынул из своего индивидуального санитарного пакета ролик с пластырем и, подсвечивая шахтерской лампочкой, стал накручивать ленту на шланг. Потом чернильным карандашом написал на ленте несколько слов. Оглянувшись и убедившись, что за ним нет слежки, Крафт сорвал ленту и спрятал в тайник.

В случае его ареста пароль для связи грюнбахских подпольщиков с товарищами в Вене был оставлен Гротту.

Внезапно в глубине штрека Крафт увидел Роберта и двух кацетников, прятавшихся за вагонеткой. Они делали ему какие-

---

* Фауман (ферттраунсманн) — осведомитель, агент (нем.).

то знаки. Крафт оглянулся и, не заметив наблюдения, подкрался к вагонетке. И тут он узнал своих русских товарищей Ивана и Петра. В двух словах Роберт объяснил Крафту, что произошло наверху. Эсэсовцы сменили вахтеров у всех выходов с территории шахты. Никого не впускают и никому не разрешают покидать пределы шахты. Даже служащим дирекции приказано оставаться на местах, в кабинетах.

Теперь, когда они все вместе, можно было снова думать о побеге. Но как вырваться из подземной ловушки?

— Мы вчера работали на расчистке. Там, в заброшенном штреке... Помнишь, где погиб отец Роберта? — прошептал Иван. — На всякий случай мы проделали там брешь в соседний, третий ствол. Оттуда можно подняться по деревянным лестницам...

— Давай, ребята, быстрее! Этот ствол выходит за территорию шахты. Там пустырь и кустарники. Пошли!

* * *

Штурмбаннфюрер взбежал на второй этаж и снова занял место у окна.

Директор Зауэр с удивлением заметил на лице Вольта что-то подобное улыбке. Он явственно слышал, как хрустнули пальцы штурмбаннфюрера, сплетенные за спиной.

— Я уверен, господин директор, — внезапно повернулся к инженеру Вольт, — бригаденфюрер останется доволен охотой.

Не понимая, к чему клонит штурмбаннфюрер, директор лишь угодливо улыбался. Вольт подошел к письменному столу, снял трубку с телефонного аппарата.

— Немедленно блокируйте все выходы непосредственно с шахты, — приказал он командиру отряда эсэсовцев, расположившихся на территории шахты. — Никого не впускать и не выпускать. Трех автоматчиков — к подъемнику. Задержите по выходе из клетки всю смену. Я сам подойду туда через... — Вольт посмотрел на часы, — десять минут!

— Слушаюсь, герр штурмбаннфюрер, — послышался в трубке ответ.

Штурмбаннфюрер натянул на руки черные кожаные перчатки, холодно кивнул директору и вышел из его кабинета.

«Какая неожиданная удача! — думал Вольт, торопливо спускаясь по лестнице. — Где Крафт, там наверняка целая организация коммунистов. Мы устроим в Берлине громкий процесс по делу подпольной коммунистической организации. На скамье подсудимых Крафт во главе дюжины «восточных рабочих». Благодарность Гиммлера обеспечена; быть может, похвала самого фюрера!»

Сдерживая себя, чтобы не броситься бегом, штурмбаннфюрер пересек мощный булыжником двор, пролежавший между зданием дирекции и копром шахты, и вошел в помещение подъемной машины. Там уже находились автоматчики. Вольт окинул взглядом эсэсовцев и приблизился к двери лифта. Подъемник опускал клеть в ствол шахты.

...Когда последний шахтер вышел из клетки, Крафта среди них не оказалось.

Мастер, бледный как полотно, стоял перед Вольтом. Штурмбаннфюрер, широко расставив ноги, держал за спиной руку, в которой сжимал пистолет.

— Ну-с, господин штрекмайстер, где же вы потеряли Крафта? Марш вниз! Расстреляю! Всех!

СВИДАНИЕ НА МОСТУ ШВЕДЕНБРЮККЕ

Эльза с нарастающим волнением ждала, когда, наконец, пройдет поток машин и полицейский-регулирующий поднимет руку, меняя направление движения транспорта на перекрестке венского кольца — Ринга и фешенебельной Кертнерштрассе.

Сердце девушки билось так, словно она бежала, преследуемая по пятам. Щеки Эльзы заливал румянец. Она прижимала к груди маленькую черную сумку, тщетно пытаясь побороть тревогу. Губы беззвучно шевелились, произнося одно и то же имя...

Эльза только что покинула дом, где жил ее жених Густав.

Сейчас Эльза уже не могла вспомнить, почему в комнате Густава, где она ждала своего жениха, ее взгляд задержался на выцветшем переплете старого евангелия. Церковная книга по наследству переходила от одного поколения Воков к другому. Евангелие было засунуто на самую верхнюю книжную полку. Видно было, что им редко пользовались. Это огорчило Эльзу, воспитанную своей матерью в глубокой вере и послушании церкви.

Девушка пододвинула стул и, едва дотянувшись до полки, с трудом вытащила евангелие, стиснутое учебниками и книгами по физике, математике, химии. Эльза хотела положить евангелие на тумбочку рядом с кроватью, где спал ее любимый. Неожиданно из книги выпал тонкий, вчетверо сложенный листок. Эльза никогда бы не позволила себе заглянуть в чужое письмо или записку. Но тут ее что-то подтолкнуло, и она развернула бумагу. Это была листовка. От первых же прочитанных строк девушка вздрогнула, словно ненароком прикоснулась к обнаженным электрическим проводам.

«Австриец! Последняя минута, которая ставит тебя перед самым трудным решением в твоей жизни, уже наступила! Переходи на сторону антифашистского Сопротивления с оружием в руках. Только тогда ты снова прочно встанешь на ноги, на твердую землю, которая обеспечит твое будущее».

Эльза почувствовала, как страх холодными тисками сжал сердце.

«Австрийский железнодорожник! Саботируй войну! Если ты сможешь разрушить гитлеровскую военную машину, ты сократишь войну и спасешь себя и свой народ», — словно в бреду Эльза продолжала читать листовку. Она была в смятении.

«...Нет иного спасения для смертного, как в служении всевышнему и в смиренном послушании церкви — храму господню...» — слышался Эльзе осуждающий голос пастора. Кровь гулко стучала в ушах девушки. Но как, как она спасет своего Густава?! «Неповиновение германским властям, фюреру — тяжкий грех! Долг каждого подданного рейха — следовать путем, указанным церковью и национал-социализмом», — беззвучно повторяла Эльза слова воскресной проповеди. Ведь и Густав был с ней на этой мессе. Так почему же он?.. Эльза боялась подумать дальше.

Она хотела сжечь, забыть этот листок бумаги, так внезапно ворвавшийся в ее жизнь смерчем страшных сомнений, противоречивых и дерзких мыслей, холодивших сердце. Нет, нет! Она должна до конца прочесть и знать, чем грозят их любви бунтарские, противозаконные призывы неизвестных ей людей, быть может уже толкнувших Густава на пагубный путь.

«Австрийцы, действуйте! На карту поставлена судьба вашего народа! Только тот народ, который в борьбе завоевывает свою свободу, достоин ее!»

Даже самый незначительный акт саботажа является делом чести для нашего угнетенного, опозоренного народа.

Австрийцы, вступайте в наши ряды! Партизанские бои уже идут в Каринтии, русские армии бьют фашистских оккупантов!

Австрийцы! Становитесь из гитлеровских солдат солдатами

свободы! Только так возможно в борьбе найти выход из гитлеровской массовой могилы и завоевать свободу.

Да здравствует свободная, независимая Австрия!»

Эльза закрыла глаза. Из темноты на нее наползали огромные готические буквы судебного объявления, которое она видела на кирпичной стене дома в самом центре Вены. Грозная имперская столица оповещала жителей Остмарка о казни в Берлине «за государственную измену» австрийка из провинции Штирии.

Девушке стало жутко от внезапно промелькнувшей мысли: вот так однажды она будет стоять перед таким же судебным оповещением и читать имя казненного в гестапо Густава... Ее охватил нервный озноб. Эльза машинально вложила листовку в евангелие и положила книжку на тумбочку. Теперь ею владела лишь одна мысль: спасти Густава... спасти!..

И девушка бросилась туда, где мать приучила ее искать совет, поддержку, помощь.

* * *

Июньский вечер гасил последние солнечные блики в окнах Вены. Город мрачнел. Лишь карманные фонари патрулей да прикрытые козырьками подфарники автомобилей напоминали прохожим о скором наступлении комендантского часа.

Эльза взглянула на циферблат больших уличных часов, висевших рядом с вывеской самой старой аптеки Вены, основанной еще в XVII веке. Стрелки неумолимо двигались к тому часу, когда в любое мгновение ночное небо над бывшей австрийской столицей мог разорвать вой сирен фашистской ПВО, давящий гул авиационных моторов, оглушительные хлопки зенитных батарей и пронзительный свист фугасных бомб.

«Если я опоздаю, может случиться непоправимое. О святая дева Мария!» Эльза вздрогнула, ей показалось, будто кто-то другой рядом произнес эти слова. Устремившиеся к переходу прохожие затолкали Эльзу. Погруженная в свои тревожные мысли, она пропустила момент, когда рослый полицейский высоко поднял правую руку и четко повернулся, щелкнув каблуками тяжелых сапог.

Эльза перебежала мостовую, едва не угодив под колеса «мерседесов» и «опель-адмиралов», направлявшихся к подъездам оперного театра. Нацистская знать торопилась к первому звонку премьеры «Нибелунгов» — любимой оперы фюрера, обожавшего Вагнера.

Эльза ускорила шаг. Впереди вырисовывался шпиль собора святого Стефана. Когда Эльза вошла в собор, из глубины Стефанс-дома доносилось пение: кончалась служба. В полумраке мерцали свечи. Эльза опустила мелочь в церковную кружку, зажгла от горевшей свечи еще одну длинную, тонкую и поставила ее рядом с другими. Мимо, как тени, проходили сгорбленные под черными вуалями женщины. Многие прижимали к глазам платки. До Эльзы долетели приглушенные рыдания. Молитвы читались шепотом. Орган молчал. Эльзе казалось, будто само горе людское застыло и окаменело под холодными, поднимавшимися ввысь сводами собора. Все здесь напоминало о смерти. Сюда сейчас приходило много вдов и сирот. Сыновья, отцы, мужья,

братья умирали на фронте... Сотни тысяч австрийцев, одетых в шинели вермахта, послал Гитлер на бесславную смерть. Их матери, жены, дети гибли у себя дома под бомбами. Близкие молились «за упокой души» и мысленно проклинали того, кто навлек горе и бедствие на их страну, на их дом. За стенами маршировали по венским мостовым кованые сапоги оккупантов. Над крышами столицы присоединенной к нацистской Германии Австрии развевались флаги со свастикой. А католическая церковь призывала к покорности, смирению, сотрудничеству с фашистской властью. Проповеди стали похожими на приказы гауляйтера.

Эльза неслышно проскользнула к исповедальной. Она не опоздала. Преподобный отец только что отпустил прихожанку и пригласил Эльзу исповедоваться.

* * *

Не застав Эльзу у себя дома, Густав отправился в кафе один. Войдя, он занял свободный столик, который всегда обслуживала молодая и очень привлекательная официантка Анна. Однако к новому посетителю она подошла не сразу. Обворожительно улыбаясь, закидывая грациозным движением головы за плечи густые волны волос, увенчанные кружевной белой наколкой с фирменными вензелями кафе «Аида», Анна подавала чашки кофе и пирожные немецким офицерам, занимавшим самые лучшие места.

Наконец девушка остановилась перед Густавом и, вынув из карманчика белоснежного кружевного фартука блокнот, с кокетливой улыбкой приняла заказ.

Когда Анна принесла на серебряном подносе чашку кофе и стакан с содовой водой, Густав сразу расплатился. Официантка поблагодарила за чаевые и скрылась в дверях служебного помещения.

В туалете Анна вынула из передника деньги. Среди марок, полученных от Густава, она нашла ассигнацию, на одной стороне которой чуть заметно карандашом (чтобы в случае опасности легко можно было стереть или замазать пальцем) было написано: «Срочно нужно встретиться с Альбатросом».

Анна стерла ластиком карандашный след, поправила прическу перед зеркалом и как ни в чем не бывало все с той же прелестной улыбкой вернулась в зал.

Приняв очередной заказ, девушка вышла в коридор и позвонила по телефону Альбатросу. Под этой кличкой в их подпольной организации работал владелец одного аттракциона, старый цирковой артист-акробат, давно уже покинувший арену, когда после рокового падения с трапеции закончилась его артистическая карьера.

Когда-то на афишах многих столиц Европы часто мелькала фамилия знаменитого «акробата под куполом цирка». Тогда Карл Ледер, он же Альбатрос, восхищал зрителей бесстрашием и мужественным мастерством, а своих коллег-артистов еще и теплым товарищеским отношением к собратьям по рискованному и смелому искусству. Когда на его родину и народ с приходом гитлеровских оккупантов обрушилась трагедия, Альбатрос

сумел снова вернуться в строй; только на этот раз на самую опасную арену за всю свою долгую жизнь. Он предоставил себя и все, что имел, в распоряжение антифашистской организации. В тайнике его аттракциона в парке Пратер и нашли временное, но зато надежное убежище Крафт и Дубовский.

* * *

Эльза стремительно вошла в кафе и отыскивала взглядом Густава. Должно быть, вид девушки был необычен, и посетители с удивлением оборачивались ей вслед. Густава поразила необычайная взволнованность и бледность его невесты.

Эльза устало опустилась в кресло, поспешно пододвинутое Густавом. Анна тут же подошла к их столику. Женским чутьем она сразу угадала, что на сердце невесты Густава легла тень большого несчастья. Но проявить сейчас излишнее внимание к молодой паре было рискованно. Анна лишь многозначительно посмотрела на Густава, когда записывала заказ в свой блокнот. Ее взгляд означал: «Будь осторожен. За вами наблюдают десятки глаз».

Густав понял. Он взял холодную, чуть вздрагивающую руку Эльзы, улыбнулся ей широко и доверчиво.

— Что с тобой, дорогая? Почему ты не дождалась меня?

— Прости, я просто вспомнила, что договаривалась увидеться с подругой. А потом я так спешила в кафе... — сияясь улыбнуться, тихо ответила Эльза и осторожно, но настойчиво попыталась освободить свою руку из горячей ладони Густава.

Только огромным усилием она сдерживала душившие ее рыдания. Эльза хотела спасти человека, который был ее единственной радостью в этом бушующем мире смерти, ужасов и скорби. Она надеялась бросить ему спасательный круг в опасный водоворот, в который, как она думала, обязательно затянет Густава эта подпольная листовка.

— Густав, милый, давай уйдем отсюда, — Эльза не в силах была дольше скрывать своего отчаяния.

— Успокойся, прошу тебя, — настойчиво повторял Густав, нежно глядя руку невесты. — Выпей кофе. К тебе сразу же вернутся силы.

«Он меня возненавидит, если я признаюсь, что я наделала», — в отчаянии думала Эльза.

Густав не знал, что и предположить. Он никогда не видел свою невесту такой подавленной.

Тихо звякнула посуда на подносе. Анна поставила на мраморную плиту столика чашки с горячим кофе и пирожные. «Мокко мит шляг» * было любимым напитком Эльзы, одним из немногих радостных воспоминаний о детстве и отрочестве, о довоенном мире. И Густав знал об этом.

Эльза поднесла к губам фарфоровую чашку и увидела, как дрожит ее рука. Она подняла глаза и встретилась со взглядом Густава. Столько в нем было теплоты, доверия и нежности! И Эльза решилась.

---

* «Мокко мит шляг» — кофе со взбитыми сливками (нем.).

— Мне необходимо сказать тебе одну очень важную вещь, только не здесь. Это опасно, — чуть слышно сказала Эльза.

— Фройляйн, битте, цалюнг! * — обернулся Густав.

Анна подошла и протянула новый счет, написанный, как всегда, ее торопливым почерком на листке, вырванном из блокнота.

«15 марок 16 пфеннигов. Еще кофе и пирожные. Альбатрос ждет в 23 часа. Шведенбрюкке», — прочитал Густав, отсчитал деньги и положил их сверху счета.

Анна тут же взяла листок и деньги и спрятала в фартук.

* * *

Выйдя из кафе, Густав и Эльза свернули в один из бесчисленных переулков, выходивших на Грабен, и быстрым шагом направились вниз, к каналу.

Эльза на секунду обернулась и увидела памятник Чумы. Мраморная колонна-obelisk стояла на Грабене, воздвигнутая в самом центре Вены по случаю избавления австрийской столицы от эпидемии чумы, свирепствовавшей во времена средневековья. В глубоких подвалах собора святого Стефана гиды-монахи и теперь показывали прихожанам пожелтевшие черепа и кости — останки людей, скошенных «черной смертью».

Эльза, проходя мимо колонны, всегда с суеверным страхом смотрела на символику мраморных барельефов обелиска, обращенную в глубокое прошлое. «Карающий меч божества» целится в коленопреклоненных грешников. Четыре раскрытых рта обдувают «земную обитель», ниспосылая свыше кару, чумное поветрие. И согбенные под своей ношей могильщики у самого подножия обелиска.

Когда Эльза шла в «Аиду» из собора святого Стефана, она старалась не смотреть на фигуры скрюченных в конвульсиях адских мук чумных больных-грешников. Теперь же ей показалось, будто разинутые рты кричат ей вслед, вдогонку...

Густав несколько раз останавливался. Обнимая девушку, оглядывал длинные мрачные коридоры переулков и улиц. Но, кажется, за ними никто не следил. Предательская ночная мгла! Они не заметили, как, прячась в нишах и подъездах, за Густавом и Эльзой неотступно следовал какой-то человек.

Рассказ Эльзы ошеломил Густава. Он винил не свою невесту, а себя за свое намертво-легкомысленное отношение к глубокому религиозному чувству девушки. Он никогда не принимал его всерьез. А ведь он хорошо знал, как цепко католическая церковь Австрии держала в своих сетях души и сердца миллионов людей. И угораздило же его спрятать эту листовку именно в евангелие! Листовку он должен был вообще уничтожить либо использовать как боевое оружие, как он это сделал с остальными. Но ему жалко было расставаться с самой первой листовкой, написанной им самим после долгих и мучительных раздумий, когда Густав искал единственно верные, идущие к самому сердцу его соотечественников слова. Теперь он расплачивается за недопустимое нарушение правил конспирации.

Крепко сжимая худенький локоть девушки, Густав напряжен-

---

* Фройляйн, битте, цалюнг! — Девушка, пожалуйста, счет! (нем.).

но искал выхода из ловушки, созданной его неосторожностью. Через двадцать минут он должен встретиться на мосту Шведенбрюкке с Альбатросом, передать руководству подпольной организации очень важное сообщение. Отменить это свидание уже поздно. Но ведь если священник, у которого исповедовалась Эльза, донес в гестапо, то за ним наверняка уже следят. Хотя нет. Так быстро из Стефансдома до гестапо не доберешься. Но, быть может, у гестапо есть свои шпики в самом соборе? И они уже пошли по следу Эльзы сразу же, как только она покинула собор?

Впереди едва заметно засветилась электрическая надпись у входа в метро. У Густава мелькнула мысль использовать единственный появившийся шанс, чтобы проверить, повисли у них «на хвосте» гестаповцы или нет.

Он как мог успокоил Эльзу, посадил ее в поезд подземной железной дороги, направлявшийся в ту сторону, где она жила с матерью, а сам быстро перешел на противоположную платформу.

Густав пропустил еще один поезд и остался на платформе один. Был уже поздний час, и поезда ходили с большими интервалами.

Но вот от касс метро по железной лестнице начали спускаться на платформу редкие пассажиры «подземки». Густав каждого прощупывал настороженным взглядом. Его мускулы были напряжены, как сжатая пружина.

Из черного зева тоннеля послышался отдаленный грохот колес. Густав рассчитал место на платформе так, чтобы вскочить на ходу в последний вагон поезда, когда он отойдет от станции, забрав всех пассажиров. Если бы за ним велась слежка, полицейский шпики обязательно выдал бы себя.

Когда длинный состав из ветхих, конца прошлого века, вагонов, напоминавших фургоны конок, с шумом и скрежетом вырвался из тоннеля, притормаживая у платформы, Густав заметил священника, торопливо спускавшегося по лестнице. Ему пришлось даже поднять полы рясы, чтобы не споткнуться и не упасть. Густав и священник почти одновременно вскочили на площадку последнего вагона отходившего поезда.

Мимо проплыли серые, закопченные стены станции, облепленные пестрыми плакатами. Загорелые женщины в разноцветных купальниках нежились под смеющимся солнцем, и надпись на рекламе приглашала купить «самый модный костюм Евы». А рядом угрюмый мужской профиль, угрожающе подняв указательный палец, предупреждал: «Дер файнд херт мит!»*

Густав облегченно вздохнул. Опасность миновала. По крайней мере здесь, в «подземке». Он спокойно прислушивался к дробному постукиванию колес и вдыхал тоннельный воздух, еще оставшийся для него воздухом свободы.

Поезд то стремительно нырял в узкие и длинные траншеи, похожие на русла высохших рек с высокими и крутыми берегами, по дну которых проложили рельсовую колею, а «стены» облицевали гранитом, то грохотал по фермам мостов, перекинутых через перекрестки улиц. Старенькие вагоны метало из стороны в сторону, и пассажиры то и дело сталкивались спинами, плеча-

---

* Дер файнд херт мит! — Враг подслушивает! (нем.).

ми, чертыхаясь в темноте или торопливо извиняясь. Большею частью это были рабочие, возвращавшиеся домой с заводов либо спешившие в ночную смену.

До остановки «Шведенбрюкке» оставались считанные минуты. Поезд снова влетел в сырой тоннель. Жидкий свет вагонных фонарей едва-едва разгонял темноту.

Внезапно Густав почувствовал на своей щеке чье-то горячее дыхание, и незнакомый голос быстро прошептал: «Ваша невеста исповедовалась у меня. Она ни в чем не виновата. Бедное дитя! Ее признание я унесу с собой в могилу. Поберегите себя и Эльзу. Желаю вам обоим счастья. Только прошу вас никому, в особенности вашей невесте, не говорить об этом. Ведь я нарушил тайну исповеди. Прощайте...»

Густав не успел ни ответить, ни поблагодарить незнакомца. Когда состав вынырнул из тоннеля и сбоку засветились огни станции, священника рядом уже не было.

* * *

Возле моста Шведенбрюкке на набережной Венского канала расположился небольшой колесный фургон с откидным прилавком. У фургона толпилось несколько проголодавшихся прохожих. Они ели горячие сосиски «хундеврст»*, запивая их пивом.

Еще издали Густав заметил среди них сутулую фигуру Альбатроса. Он стоял спиной к мосту и неторопливо ел сосиски, обмакивая их в сладкую горчицу, выдавленную прямо на булочную тарелку.

Густав подошел к ночной закуской, взял двойную порцию «хундеврста» с красным маринованным перцем и кружку пива. Потом встал к прилавку рядом с Альбатросом.

Густав подождал, пока они остались у фургона одни, и пересказал слово в слово все, что узнал о бюсте Ленина от унтер-офицера Фегля и что он услышал из разговора между кладовщиком и машинистом крана, который лишь под утро вернулся в Вену с места крушения того самого состава, в котором находился вагон с бронзовыми скульптурами.

— ...Машинист клянется, что собственноручно поднял из-под насыпи бюст Ленина и погрузил его в грузовик. Аварийный состав, с которым груз взорванного эшелона пойдет дальше, уже прибыл в Вену. Он стоит в тупике, на Восточном вокзале. Унтер-офицер Фегль утверждает, что в адрес концерна «Герман Геринг» в Линц или в Бриглице следует несколько тонн металлических статуй. Среди них и ленинский бюст. На переплавку.

— Когда вагон с этим грузом будет отправлен в Линц? — тихо спросил Альбатрос.

— Еще не знаю, но боюсь — скоро. В накладных эшелона номер сорок семь было помечено: «Срочно! Стратегическое сырье». Задерживать не будут.

— Гестапо у тебя на складе было?

— Все перерыли.

— Кого-нибудь подозревают?

---

* Хундеврст — собачья колбаса (нем.).

— Допрашивали всех дежуривших прошлой ночью... Да, совсем забыл: у меня взяли отпечатки пальцев и подписку о невыезде. До особого распоряжения...

Оба помолчали. Аккуратно намазали горчицей оставшиеся ломти хлеба и допили пиво. Сперва Альбатрос, а потом Густав возвратили фургонщику свои кружки.

— Узнай точно, когда отправляют вагон с металлом, и сообщай через Анну. Только как можно скорее! Это очень важно. Ну, прощай, смотри не подцепи за собой «хвост».

И тут Густав совершил непростительную ошибку. Он умолчал и об истории с листовкой, случайно найденной Эльзой, и о ее исповеди. Постеснялся бросить тень подозрения на свою невесту. Густав был почему-то уверен: все обошлось, ведь священник специально плутал за ним, таясь и скрываясь, чтобы успокоить и его, и Эльзу. Доносчики так не поступают.

Разошлись Альбатрос и Густав так же молча, как и встретились. Владелец аттракциона вскочил на подножку проезжавшего по мосту трамвая, а ефрейтор спустился в «подземку».

СЕКРЕТНАЯ ПАПКА ДАЛЬБРЮГГЕ

Помощник гауляйтера торопливо поднимался по мраморной лестнице дворца Хофбург. Настроение у бригаденфюрера СС Дальбрюгге было испорчено: предстоял неприятный доклад Бальдуру фон Шираху, а имперский вождь «Гитлерюгенда» и гауляйтер Вены не любил выслушивать вещи, которые не укладывались в его хвастливые реляции фюреру.

На ступеньку ниже шел штурмбаннфюрер Вольт. За его спиной, на положенной дистанции, — фон Зальц.

Вольт был мрачен, таким его подчиненные видели обычно во время обострения желудочной язвы. Штурмбаннфюрер тупо смотрел в спину Дальбрюгге, словно на черном мундире генерала можно было прочесть его мысли. Вольт крайне досадовал на эту вынужденную задержку в Остмарке и на то, что ему пришлось выпрашивать у помощника гауляйтера срочное свидание с Ширахом. Возвращаться же в Берлин без так удачно раскрытых и теперь внезапно бежавших политических преступников и кацетников Вольт не собирался.

В роскошных апартаментах дворца заместителя начальника венского гестапо фон Зальца не оставляло предчувствие надвигающейся грозы. Он знал: гроза неминуемо разразится там, в кабинете гауляйтера, как только фон Ширах узнает о случившемся. На исходе были вторые сутки, как фон Зальца поднял с постели телефонный звонок, а гестапо все еще никак не могло напасть на след подпольной организации.

Дальбрюгге, следовавшие за ним Вольт и фон Зальц быстро прошли по парадным залам дворца мимо отсалютовавших эсэсовцев внутренней охраны резиденции гауляйтера в просторную приемную Бальдура фон Шираха.

Секретарша гауляйтера, высокая блондинка с пепельно-светлыми волосами, собранными в пучок и подколотыми булавкой с бриллиантовым эсэсовским вензелем, окинула генерала и его спутников взглядом холодных голубых глаз. Потом подала

Дальбрюгге тяжелую черную папку в кожаном переплете, на котором распластал серебряные крылья имперский орел, сжимая в хищных когтях фашистскую свастику.

— Шеф ждет вас, господин бригаденфюрер, — сухо сказала секретарша, одернув полы черного эсэсовского мундира.

Перед тем как пройти в кабинет гауляйтера, Дальбрюгге снова просмотрел бумаги в подготовленной для доклада секретной папке и, подумав, переложил на первое место сверху остальных документов только что полученное из Берлина письмо Гиммлера.

* * *

Гауляйтер Ширах стоял перед окном, выходившим на дворцовую площадь Хельденплац, и выстукивал ногтями по стеклу монотонную дробную мелодию фашистской песни «Барабаны гремят по всей стране».

«Мы — солдаты будущего. Все, что против нас, упадет от наших кулаков...» — напевал Ширах строки песни, сочиненной им самим для сборника, принятого «на музыкальное вооружение», как он хвастался фюреру, всей германской молодежи.

Гулко печатая шаг, к парадному подъезду Хофбурга следовал сменный караул эсэсовцев. Ширах сменил ритм постукивания и начал барабанить по окну в такт «гусиному шагу» караула.

«Все, что против нас, упадет от наших кулаков!» — Ширах повторил эту фразу несколько раз, взвинчивая себя дурманящей силой слов, точно шаман колдовскими заклинаниями.

После сталинградской катастрофы и трехдневного траура, окутавшего рейх черным крепком скорби по разгромленной отборной 6-й армии фельдмаршала Паулюса, «фюреру имперской молодежи» и гауляйтеру Вены Бальдуру фон Шираху все чаще приходилось опьянять себя громкими, трескучими, как барабанная дробь, фразами, цитатами и лозунгами из истеричных речей Гитлера, Геббельса, которые, «несмотря ни на что», обещали «скорый поворот в войне и окончательную победу немецкого оружия».

Гауляйтеру Вены по дороге в Берхтесгаден, где ему предстояло докладывать фюреру о положении в Остмарке, нужно было завернуть в Линц, на металлургические заводы концерна «Герман Геринг». Акционерное горное общество «Альпине Монтан», присоединенное рейхсмаршалом к своему концерну вскоре после захвата Австрии, было крупнейшим в Остмарке производителем стали и брони. И ставка Гитлера, готовя свое «решающее наступление» на Курской дуге, в котором большую роль отводили танковым таранам из тысяч «тигров», «фердинандов» и «пантер», требовала от металлургической промышленности рейха максимального напряжения сил. Ширах знал: в Берхтесгадене его в первую очередь спросят о том, насколько бесперебойно снабжение концерна рабочей силой, о состоянии транспортных коммуникаций в Остмарке, по которым идет снабжение концерна сырьем, насколько ему удалось подхлестнуть добычу угля. «И я еще должен помогать этому разжиревшему наркоману наживать новые миллионы, доннер веттер!»*.

---

* Доннер ветер — гром и молния! (нем.).

Имперский наместник заложил руки за спину и, скрестив пальцы, начал мерить кабинет длинными, как у журавля, ногами. Ему уже не хотелось думать о цифрах, тоннах, диаграммах выпуска стали, фабричных человеко-часах, из которых складывались головокружительно высокие, как альпийские пики, прибыли концер-на «второго после фюрера» повелителя рейха.

Гауляйтер, как это всегда с ним бывало перед посещением гитлеровской ставки, искал в сфере своей деятельности факты, которые произвели бы выгодное впечатление на фюрера.

На письменном столе гауляйтера вспыхнула сигнальная лампочка селектора, связывавшего кабинет Шираха с главными служебными помещениями резиденции.

— Бригаденфюрер Дальбрюгге готов к докладу, господин имперский наместник, — прозвенел чуть жестче обычного голос секретарши. Шираху льстило, когда его приближенные из всех его титулов называли этот.

— Пусть войдет, — садясь за стол, коротко бросил в микрофон Ширах.

Так что же он скажет фюреру? Ширах потер ладонью лоб, пытаясь свести воедино разрозненные мысли. Ему так и не удалось сосредоточиться на каком-нибудь одном эффектном предмете. То он думал о посылке новых контингентов подростков из «Гитлерюгенда», достигших призывного возраста, в войска СС — на этот счет у него была специальная договоренность с ведомствами Гиммлера, то перескакивал к последнему еженедельному секретному отчету о карательных операциях против партизан в Штирии, то мысленно перелистывал отчеты об уничтожении евреев.

Штаб рейхсфюрера СС Гиммлера рассылал эти сверхсекретные отчеты — всего в ста экземплярах — для осведомления представителям нацистской «элиты», пользовавшейся особым доверием Гитлера. Конечно, размышлял гауляйтер, фюреру приятно будет узнать о мерах, принятых лично им, Ширахом, для полного и окончательного очищения Вены от евреев. Их оставалось не больше пятидесяти шестидесяти тысяч. Но эта акция вряд ли поразит воображение фюрера. Служба Гиммлера в докладах Гитлеру оперирует миллионными цифрами загнанных в кацет и умерщвленных там в газовых камерах евреев. Вот это были имперские масштабы! Ему же, Шираху, надо будет козырнуть перед фюрером другой картой, из его собственной колоды руководителя «Гитлерюгенда», ответственного за использование в войне всей германской молодежи. «Интересно, как разворачивается «Хей-акцион»? * — внезапно пришло на ум Шираху. — Да, да, вот счастливая идея».

— Хайль Гитлер!

Ширах мгновенно согнал с лица довольную ухмылку и, приняв величественно-надменную позу, встретил Дальбрюгге, застывшего у дверей кабинета.

Ширах недолюбливал и втайне опасался Дальбрюгге, доверенного Генриха Гиммлера. Гауляйтер Вены не без основания окре-

---

* Хей акцион — акция «Сено» (нем.).

стил своего помощника «черной тенью Генриха», следовавшей за ним по пятам.

— Господин имперский наместник, — раскрыв папку и подходя к письменному столу, за которым сидел Ширах, начал свой утренний доклад Дальбрюгге. — Мы только что получили распоряжение из берлинской СД, подписанное рейхсфюрером Гиммлером. Приказано в самые ближайшие дни «окончательно решить еврейский вопрос» в «гау» Вены.

— Я никогда не забываю о предначертании моего фюрера, — резко ответил Ширах. — «Вена должна стать немецким городом, и евреи и чехи должны быть постепенно эвакуированы из Вены». Такова воля фюрера, и я ее выполняю!

Ширах знал наизуток эту директиву фюрера, как, впрочем, все гитлеровские приказы, помогавшие ему воспитывать в немецкой молодежи расовую ненависть.

— Ну, а что вы, Дальбрюгге, можете мне сообщить о ходе «Хейакцион»?

Вопрос гауляйтера не застал врасплох его помощника. Дальбрюгге внимательно следил за операцией, к которой Ширах проявлял повышенный интерес. Ведь акция «Сено», разработанная бюро Розенберга, имела прямое отношение к сфере деятельности фюрера «Гитлерюгенда».

В соответствии с этой секретной операцией, осуществлявшейся на оккупированных территориях, специальными отрядами СС и СД было насильственно вывезено в рейх более сорока тысяч подростков в возрасте от десяти до четырнадцати лет. Гитлеровцы рассчитывали так «перевоспитать» этих мальчиков, оторванных от родного дома, семьи и народа, чтобы они навсегда забыли свою отчизну, родной язык и превратились в послушное оружие фашизма. Часть из них была направлена на имперские заводы, где велась подготовка «надежной рабочей силы» для использования на захваченных территориях Советского Союза. Эстонских, латышских и литовских ребятишек после соответствующей «подготовки» гитлеровцы направляли во вспомогательные соединения СС. Русских, белорусских и украинских детей зачисляли в секретные шпионско-диверсионные школы, замаскированные под сиротские приюты. Несколько из них действовали и в Остмарке.

— Вы можете доложить фюреру, эксцеленс, «Хейакцион» уже дает свои результаты. После прохождения профессиональной подготовки и завершения перевоспитания в организациях «Гитлерюгенда» мы отправили на заводы Юнкерса несколько сот молодых подмастерьев. Иван теперь зовется Иоганном, Федор — Фердинандом, Тарас — Томасом. Через год, а может быть и раньше, кое-кто из подростков, вывезенных из России в самом начале осуществления «Хейакцион», будет заброшен с диверсионными задачами за линию Восточного фронта, в тылы русских армий. Наиболее же способные будут переданы для совершенствования и последующего использования абверу и зарубежной разведке СД.

— Очень хорошо, великолепно! — Ширах поднялся из-за стола и возбужденно зашагал по кабинету. Предстоявшая поездка в Берхтесгаден к Гитлеру обещала вплести еще один лавр

в победный венок фюрера нацистской молодежи, гауляйтера Вены.

Однако его помощник все еще держал раскрытой докладную папку. Ширах остановился перед бригаденфюрером и выжидающе посмотрел ему прямо в глаза.

— На железнодорожном перегоне, эксцеленс, в сорока километрах юго-восточнее Вены неизвестными пущен под откос товарный поезд...

Дальбрюгге не успел закончить фразы, как Ширах разразился неистовой бранью:

— Какой идиот подsunул вам эту фальшивую версию о диверсии? Мало ли катастроф случается из-за неисправности железнодорожных путей, преступной халатности стрелочников, ошибок машинистов! Заснул, мерзавец, и проглядел светофор...

— К сожалению, эксцеленс, на поезд было совершено вооруженное нападение.

— Партизаны? В двух шагах от Вены? — Ширах нервно захохотал. — Покажите мне хотя бы одного, и тогда я поверю в этот бред...

Дальбрюгге понимал причину столь дурной, похожей на истерику реакции гауляйтера. Ширах хотел свести чрезвычайное происшествие на подвластной ему территории рейха к заурядному железнодорожному крушению. Ведь в Берхтесгадене Ширах мечтал нарисовать перед фюрером захватывающую картину монолитной отомобилизованности своего «гау», тотального послушания подданных Остмарка третьей империи, железного порядка, безупречного и безостановочного, как в хронометре, хода всех винтиков и колесиков военно-промышленного комплекса Остмарка. Ночная диверсия вдребезги разбила эту иллюзию. Но Дальбрюгге не собирался выводить Шираху из затруднительного положения. Доверенный шефа имперской безопасности, рейхсфюрера Гиммлера, прикомандированный к гауляйтеру Вены, был достаточно проницателен и изворотлив, чтобы умело лавировать между двумя фаворитами Гитлера, ненавидевшими друг друга.

— Я могу вам показать трупы застреленных охранников, сопровождавших вагон с агрегатами для ракет ФАУ, эксцеленс!

— Пусть этими разинями любитесь гестапо! — Ширах понял: ему не удастся замаять скандальное происшествие, бросившее тень на весь аппарат гауляйтера. Но он все еще надеялся свалить ответственность на других. — Берлин уже оповещен?

— Так точно, эксцеленс. Венское гестапо подозревает, что в этой диверсии замешана группа особо опасных политических преступников из подпольной коммунистической организации, действовавшей на одной из шахт концерна Геринга в Грюнбахе. Ее только что раскрыл представитель РСХА штурмбаннфюрер Вольф, сопровождавший бригаденфюрера Бухманна во время инспекционной поездки на шахту. Он же хотел отправить в имперскую столицу подпольщиков, которым, к сожалению, удалось бежать с территории шахты, для проведения над ними громкого политического процесса. В этом деле, эксцеленс, проявил большой интерес сам рейхсфюрер СС...

«...Значит, в Берхтесгадене обо всем этом тоже известно, — размышлял Ширах. — Что же делать? Эта лиса Дальбрюгге

вряд ли подскажет сейчас нужный ход, он не станет из-за меня подставлять лоб под берлинские шишки. Нет, здесь надо выбирать клин клином. Но почему Дальбрюгге мне не ответил на вопрос о партизанах?»

— И до сих пор никто из преступников не пойман?

— Увы, эксцеленс...

— Позор! Вызовите ко мне начальника гестапо. Немедленно, сейчас же!

— Он в Берлине, эксцеленс. В приемной ждут его заместитель фон Зальц и штурмбаннфюрер Вольт.

«Испугался, прибежал! Он и будет распутывать этот дьявольский клубок». Ширах какое-то мгновение молча смотрел на своего помощника. Но, кроме сосредоточенной внимательности и готовности выполнять приказания гауляйтера, Ширах ничего не увидел. Решать надо было самому.

— Пусть сперва войдет фон Зальц.

Дальбрюгге щелкнул каблуками и, круто повернувшись, вышел в приемную.

— Хайль Гитлер! — Фон Зальц застыл на месте, едва переступив порог кабинета гауляйтера.

— Кто отвечает за состав номер сорок семь? — Ширах задал вопрос тихо, но гестаповцу показалось, будто все стены огромного зала отозвались громовым эхом.

— Венский железнодорожный узел. Он был сформирован по приказу комиссара безопасности, эксцеленс.

— Значит, СД?

— Так точно, эксцеленс!

— Охрана вагона ваша или службы безопасности?

— СД.

— Доложите, только коротко, о ходе расследования, — приказал Ширах.

— Диверсия совершена с помощью взрывного устройства с дистанционным управлением, подложенного под рельсы. Эшелон следовал в Вену с различными грузами — большинство из оккупированных восточных территорий: станки, металлолом, но самое главное — в поезде было несколько вагонов с оборудованием для ФАУ. Вот, эксцеленс, список подозреваемых подпольщиков-диверсантов.

Ширах быстро пробежал взглядом листок и удивленно поднял брови.

— Целый интернационал...

— Прошу прощения, господин имперский наместник, но я позволю обратить ваше внимание на одну деталь.

— Ну, говорите.

— С эшелонном в Линц, на заводы рейхсмаршала, следовал вагон с дефицитным стратегическим сырьем: несколько тонн бронзовых скульптур, и среди них бюст большевистского вождя Ленина...

— Дальше! — Гауляйтер встал и, обогнув стол, вплотную подошел к фон Зальцу.

— Все уцелевшие грузы были подобраны на месте крушения и доставлены в Вену. Я лично осмотрел этот бюст и с помощью переводчика прочел надпись на скульптуре. Это ценная больши-

вистская реликвия. Подарок съезду большевиков Украины от железнодорожников депо.

— А насчет бюста Ленина, господин фон Зальц, предупреждаю, не болтайте лишнего.

— Яволь, эксцеленс!

— Какие приняты вами меры?

— Под наблюдение взяты все железнодорожники, знавшие о прохождении этого поезда. Специальная группа тайной полиции ведет расследование на шахте и в филиале кацет Матхаузена — «Грюнэхюгель».

— И это все?

Фон Зальц подавленно молчал. Гауляйтер обрушил на него и «нерадивое гестапо» поток отборных ругательств. Потом как-то сразу погас, словно у него иссяк весь запас нецензурной брани.

Дальбрюгге вовремя заметил перемену в настроении Шираха и быстро выдворил фон Зальца из кабинета. Гауляйтер приказал позвать штурмбаннфюрера.

— Через два дня я буду разговаривать с Кальтенбруннером, возможно, и с рейхсфюрером Гиммлером в Берхтесгадене, — сказал Ширах штурмбаннфюреру Вольту, выслушав его подробный доклад о неудавшемся аресте подпольщиков на шахте концерна в Грюнбахе. — Я думаю, они одобрят мое предложение, чтобы вы, штурмбаннфюрер, включились в расследование железнодорожной диверсии и возглавили операцию по поимке и аресту государственных преступников.

— Благодарю вас, эксцеленс, за оказанное доверие и честь работать с вашими людьми. Хайль Гитлер!

Проводив Вольта до дверей приемной, помощник гауляйтера прошел в свой кабинет. Просмотрев в записной книжке пометки, сделанные у Шираха, Дальбрюгге обвел красным карандашом фамилию инженер-майора Бломберга, на чье имя была составлена железнодорожная накладная, куда был занесен и бюст Ленина.

ПОДПОЛЬНЫЙ ФРОНТ

— Я же вам запретил приходить сюда, да еще днем, на виду у всех! — раздраженно выкрикнул фон Зальц, наступая выпяченной грудью на шупленького мужчину, похожего на старого, нахвалившегося грача. Тот, не моргая, смотрел на гестаповца бесцветными, навывкате глазами.

Длиннополая коричневая сутана скрывала согбенную годами и постами фигуру монаха. Он, казалось, совершенно не реагировал на вспышку гестаповца. Пронзая костлявые пальцы под крученый веревочный пояс, он прошепелявил беззубым ртом:

— Господин фон Зальц не должен терять драгоценного времени. Ах, если бы я знал, какая дичь угодит в мои силки, разве я бы дожидался сегодняшнего утра! Ваш посыльный всегда приходит к слуге божьему слишком поздно...

Фон Зальц с трудом заставлял себя терпеливо выслушивать витиеватую речь иезуита. Ему так и хотелось схватить монаха и вытрясти из него донос, словно конверт из почтового мешка.

— Хорошо, выкладывайте, что там у вас экстренного. — Фон Зальц открыл крышку магнитофона.

Монах запустил руку под полу сутаны и вытащил маленькую кассету.

— Комментарии потом, — поспешил предупредить фон Зальц.

Из динамика послышался чей-то простуженный кашель. Он пережегся прерывистыми всхлипываниями. Потом прозвучал то-ропливый, захлебывающийся шепот:

«Я в смятении, патер... Помогите!»

Монах отошел от столика, где на магнитофоне прокручивалась пленка, снятая с аппарата подслушивания, тайно установленного гестапо в исповедальне собора святого Стефана, и удобно расположился в глубоком мягком кресле.

«Успокойся, дочь моя, облегчи свою душу...» — шуршала пленка.

Фон Зальц хотел было спросить гестаповского осведомителя, кому из священнослужителей собора принадлежит этот голос, но тут же передумал. Он побоялся упустить какую-нибудь важную деталь из магнитофонной записи, срочно доставленной монахом в нарушение установленных фон Зальцем строгих правил конспирации.

«Святой отец, — вздрагивающим голосом продолжала исповедоваться неизвестная молодая женщина. — Мой жених попал под пагубное влияние людей, которые могут навлечь на него несчастье и даже гибель...»

Гестаповец весь напрягся. Кажется, ему удалось наконец ухватиться за нить, которая позволит добраться до «врагов рейха»...

Все последние дни мысли фон Зальца металась вокруг запутанного клубка событий, связанных с пущенным под откос поездом. Он только еще не подозревал, как близко протянулась эта пойманная гестапо нить к тем самым железнодорожным путям, где подпольщики осуществили свою последнюю диверсию.

«Сегодня я нашла в евангелии жениха листовку, патер... Она призывает к неповиновению властям и фюреру! Ведь это же страшный грех. Я не хочу, чтобы мой жених слушался советов дурных людей и стал саботажником. Он ведь работает на вокзале, а листовка подстрекает совершать акты саботажа как раз на железных дорогах...

— Твой жених когда-нибудь говорил тебе, дочь моя, что он связан с этими людьми, написавшими листовку?

— Нет, патер...

— Может быть, он и не сделал еще ничего плохого...

— О, если бы это было так... Но листовку мой жених не выбросил, а спрятал в священное писание... Что же мне делать, патер?

— Успокойся, дитя мое, и молись... Всевышний подскажет тебе, и ты сердцем поймешь, как спасти своего любимого...»

Фон Зальц щелкнул выключателем. Ему хотелось тут же отдать приказ об аресте этого священника: слишком громко еще звучали в его ушах язвительные реплики гауляйтера Вены, брошенные в адрес гестаповцев, «разжиревших от безделья и очнувшихся от пьяной дремоты только тогда, когда к их носу подпольщики подсунули фитиль своей бомбы!»

Фон Зальц перехватил насмешливый взгляд монаха. Тот ждал его решения и словно читал его мысли. Гестаповец сказал:

— Кто исповедовал девушку?

— Преподобный отец Клайментис.

— Арестовать его было бы неосмотрительно и даже вредно: мы только рассекретили бы наш тайник и лишились столь выгодного источника информации. А кардинал вряд ли одобрил бы такое бесцеремонное вмешательство в дела церкви и в тайну исповеди. Он смотрит на это сквозь пальцы только до тех пор, пока мы работаем чисто...

— Но Клайментис не донес гестапо о государственных преступлениях! Если бы не запись, вы бы так ничего и не узнали... Ему надо арестовать, фон Зальц. Он опасный человек в нашем приходе, и потому торопитесь с выводами. Да и кто тогда назовет вам имя этой фрейлейн?

— Узнаем... Для этого у нас есть специальные люди. В Вене не так уж много вокзалов. Еще меньше военных-женихов, которым удалось зацепиться в столице «гау». Зачем вспугивать птичек: пусть летят за духовным кормом к преподобному отцу Клайментису. Быть может, девчонка снова придет в собор... Выяснение личности невесты и ее жениха — дело нашего сыска...

Монах ничего не ответил, только поклонился, чуть скривив тонкую полоску своих бледных губ. За ним тихо закрылась потайная дверь в противоположной от входа стене, где от потолка до пола спускались книжные полки. Фон Зальц слыл в гестапо большим книголюбом...

Зазвонил телефон. Посты внутренней охраны сообщили фон Зальцу, что монах вышел из гестапо.

«Я еще дождусь, когда выскочка Ширах будет с благодарностью пожимать мне руку!» — подумал фон Зальц и, отдав срочный приказ вывезти жениха исповедовавшейся девушки, пригласил в кабинет только что вернувшегося с Восточного фронта обер-лейтенанта Эйхенау. Его рекомендовал взять в венское гестапо сам шеф фон Зальца. Рекомендация звучала как приказ, и фон Зальца распирало любопытство поближе познакомиться с «фронтовым офицером», которому так ловко удалось заручиться столь высоким покровительством и улизнуть с фронта в глубокий тыл рейха в разгар тотальной мобилизации.

* * *

Гигантское колесо «Ризенрад» с раскачивавшимися подвесными кабинами медленно совершало полный оборот. Потом замедляло на минуту-другую, вываливая из нижней кабины на зеленую траву пассажиров, удовлетворивших свое любопытство, и зачерпывало новую группу посетителей парка Пратер, жаждущих взглянуть на Вену с высоты птичьего полета.

...Эльза и Густав прижались лицами к стеклу. Девушка впервые в жизни поднялась на такую головокружительную высоту и боялась посмотреть хоть что-нибудь из захватывающей панорамы австрийской столицы и окрестных мест.

Девушка старалась забыть мучительные переживания минувшего дня. Ее Густав был рядом. Но все же изредка воспоминания о смертельной опасности, которой она так безрассудно

подвергла своего жениха, тенью проскальзывали по лицу девушки.

— Густав, ты меня обещал покатаь на гоночном треке, — Эльза взяла ладонь юноши и прижала к своей щеке.

Густав вздрогнул от охватившей его нежности.

— Но ведь ты же никогда не соглашалась, — засмеялся Густав, обняв Эльзу.

Кабина качнулась в последний раз и замерла, словно причаленная к пристани лодка. Густав и Эльза, взявшись за руки, побежали к аттракциону, откуда доносился оглушительный треск моторов, выкрики, смех, перебиваемые гремевшими из динамиков фокстротами, вальсами и танго.

* * *

Обер-лейтенант не успел увернуться. Подросток, бешено вертевший рулем встречной машины, злорадно скалясь, врезался бампером в борт приземистой, похожей на утюг машины Эйхенау.

Сидевшая рядом с Эйхенау секретарша его нового шефа фрейлейн Ингрид громко взвизгнула, расхохоталась и вырвала маневский руль из рук обер-лейтенанта.

Обе машины волчком завертелись на месте, то и дело сталкиваясь бортами, обтянутыми толстыми резиновыми обручами, с беспорядочно мчавшимися по кругу такими же двухместными «утюгами», покрашенными в яркие цвета. Из-под колес вырывались искры от заземленных к металлическому сетчатому настилу трека контактов. Водители автолилимпутов отчаянно жали на педали, вытягивая из электромоторов предельную скорость. И вся эта дьявольская карусель отражалась в зеркальном потолке аттракциона. Эйхенау казалось, что и потолок тоже крутится волчком, сверкая загадочными, искаженными бликами.

Обер-лейтенант с трудом следил за мелькавшей на другой стороне круга машиной, где молодой ефрейтор катал свою невесту.

...Эльза на секунду взглянула вверх. Сразу закружилась голова. Она испуганно прижалась к Густаву. Обняв одной рукой девушку, Густав лихо крутил руль, издавела целясь в машину, где сидел неприятный тип с вульгарно размазанной девицей. Густаву не понравился очень новый костюм, точно снятый с витринного манекена, и особенно дымчатые очки, скрывавшие глаза незнакомца. Но, видимо, дело было не во внешнем виде этого господина, а в чем-то другом, что неосознанно тревожило Густава. И ему хотелось быстрее задеть борт его «утюга». Но Густаву все время мешал юркий парень, который на какую-то долю секунды опережал его и яростно таранил машину хлыща.

Резкие наскоки парня, вызывавшие шумный восторг спутницы Эйхенау фрейлейн Ингрид, мешали обер-лейтенанту вести наблюдение за Густавом и Эльзой, за которыми он шел по пятам вот уже целое утро...

Фрейлейн Ингрид, высокая, костлявая девица, то и дело задавала Эйхенау кокетливые, но на редкость глупые вопросы.

хотя ей и казалось, что она обворожительно флиртует с новым сотрудником фон Зальца.

«Черт меня дернул притащить сюда этого крокодила в юбке!» — подумал Эйхенау, хотя отлично понимал, для какой именно цели он пригласил секретаршу фон Зальца «поразвлечься в Пратере». Фрейлейн Ингрид играла роль «подставной куклы», как на своем жаргоне гестаповцы называли женщин из управления, которых для собственной маскировки брали с собой переодетые в штатское гестаповские шпики.

Как только обер-лейтенанта ввели под начало фон Зальца (еще одно манто из магазина отца Эйхенау перешло в гардероб жены шефа фон Зальца), обер-лейтенант сразу попросил включить его в оперативную группу, которая начала охоту за подпольщиками и бежавшими антифашистами. У обер-лейтенанта был свой расчет: ему хотелось быстро и эффектно закрепить свое положение в венском гестапо и больше не возвращаться на фронт. Эйхенау уже изучил запутанный лабиринт городских улиц и переулков, как морщины на своих ладонях. И он решил лично последить за попавшим в поле зрения подозрительным ефрейтором. Гестапо уже установило за Воком круглосуточное наблюдение. Но, к величайшей досаде фон Зальца, ефрейтор не ходил на встречи с подпольщиками в явочные квартиры, бывал только дома и на службе в привокзальном складе. Слежка за Эльзой тоже ничего не дала. Фон Зальц досадовал, отводя душу на шпиках, возвращавшихся в управление, словно провинившиеся ищейки, потерявшие след.

— Где связи? Фамилии? Адреса? — кричал на гестаповцев фон Зальц, выслушав очередной разнос от бригаденфюрера Дальбругге или штурмбаннфюрера Вольта.

Но вот один из шпииков засек Эльзу и Густава, когда они вышли из дома, и проводил молодую пару до самого входа в Пратер, откуда, не теряя ефрейтора из виду, сообщил об этом по телефону-автомату Эйхенау. Спустя короткое время Эйхенау уже сам был в Пратере вместе с фрейлейн Ингрид.

— Мой милый Эйхенау, ну разве можно в присутствии своей дамы так откровенно таращить глаза на чужих женщин? — игриво скривила густо на помаженные губы фрейлейн Ингрид, когда Эйхенау помогал ей выйти из машины.

— Прошу прощения, фрейлейн Ингрид, но я только смотрел, чтобы вас не сбил какой-нибудь близорукий болван. Ведь здесь гоняют машины без водительских прав!

Неожиданно Эйхенау больно сжал локоть Ингрид и потащил ее сквозь толпу. Обер-лейтенант заметил, как за одной из колонн мелькнуло светло-розовое платье Эльзы. Густав замешкался, и сразу его загородили чьи-то спины.

«Не преднамеренно ли он это сделал? Быть может, кто-нибудь из стоявших у барьера специально ждал этой минутной суматохи?» — растерянно подумал гестаповец, стараясь не упустить из виду Эльзу.

Девушка остановилась и оглянулась, отыскивая взглядом Густава. Потом приподнялась на носках и замахала рукой.

Эйхенау заметил, как Густав протолкался сквозь толпу, побежал к девушке и увлек ее на центральную аллею, где, тесно

прижавшись друг к другу, соседствовали самые разнообразные аттракционы.

По широкой асфальтированной дорожке медленно текла людская река. Больше всего здесь мелькало серо-зеленых мундиров. Эйхенау с трудом следил за ефрейтором и его невестой.

Фрейлейн Ингрид была в восторге. Ее сегодняшний «кавалер» оказался, на удивление, щедрым. После гоночного трека они заглянули в открытый ресторанчик, где поели жареных колбасок, запивая их знаменитым швехатским пивом. Из ресторана Эйхенау провел уставшую фрейлейн к станции узкоколейной железной дороги, кольцом пробегавшей по территории парка. Эйхенау едва успел посадить свою даму в уже отходивший поезд, состоявший из доброй дюжины крохотных открытых вагончиков, где попарно сидели пассажиры. Где-то впереди состава, почти у самого паровоза, обер-лейтенант снова увидел светло-розовое платье невесты ефрейтора.

* * *

Билетная касса аттракциона «Гайстербан» притулилась у стены, раскрашенной «под цвет скал» фанерной горы, высотой с двухэтажный дом. Старый Альбатрос с утра засел в тесную будку и внимательно наблюдал в окошко кассы за всеми, кто подходил к его «Дороге привидений».

Сегодня Карл Ледер был вдвойне бдителен: внутри «горы», в небольшой комнате, где помещался электрический мотор, приводивший в действие маленькие вагончики аттракциона, Крафт созвал экстренное совещание руководящего звена подпольной организации. Накануне через связную из кафе «Аида» он известил товарищей. И теперь Ледер, поджидая подпольщиков, пристально всматривался в лица посетителей Пратера, направлявшихся в сторону аттракциона «Гайстербан».

Прошло всего несколько десятков часов, как Крафт и Дубовский бежали с шахты и, расставшись с Иваном и Петром, которые решили пробираться на восток, к Родине, нашли убежище у Альбатроса. Вынужденное пребывание в тесном «чреве» аттракциона было для их натур, привыкших к активным действиям, чем-то вроде «домашнего ареста», хотя они и понимали неизбежность этого предохранительного карантина. Трудно было подыскать более надежное убежище, чем аттракцион «Гайстербан».

— Здесь вы действительно превратитесь в неуловимых «духов», — шутил старый Альбатрос, когда он наведывался к Крафту и Дубовскому в их тайник.

Подпольщики были от души благодарны отеческой заботе старого циркового артиста, который сейчас балансировал на краю пропасти. Дознайся гестапо, кого Ледер прячет в своей «горе», и Альбатросу пришел бы конец...

Мысли Крафта часто возвращались к шахтерам-подпольщикам, оставшимся в Грюнбахе. Ведь ему пришлось так внезапно их покинуть. А связь с шахтой установить еще не удалось. Тревожила Крафта и судьба русских, польских и французских товарищей из подпольного штаба в концлагере. Особенно беспокоило Крафта, удалось ли Петру и Ивану добраться до парома на Дунае, где работал мотористом один из членов подпольной

организации, действовавшей в Венском речном порту и на судах Дунайского пароходства. Предупрежденный Крафтом (ему удалось позвонить на паром из одного местечка по дороге в Вену), он должен был помочь русским товарищам, которые решили самостоятельно пробираться дальше, на восток, к линии фронта. Если бы это не удалось, то Крафт попросил паромщиков укрыть обоих русских кацетников от гестаповцев, а потом перекинуть на одну из партизанских баз в Альпы, как это он уже делал не раз, помогая бежавшим из фашистских лагерей смерти антифашистам.

В ту ночь, когда Ледер вернулся со своей встречи на мосту Шведенбрюкке с ефрейтором Воком и рассказал Крафту о бюсте Ленина, подпольщики не сомкнули глаз до утра. Известие, принесенное Густавом, взволновало их.

— Мы не только должны спасти бюст, — говорил Крафт. — Скульптура Ленина будет всегда с нами как символ нашей борьбы, нашего сопротивления и нашей грядущей победы над фашистской тиранией!

Лицо Крафта озаряло вдохновение бойца-революционера, а в словах шахтера-коммуниста звучала такая сила внутренней убежденности и веры в правоту своего дела, которая способна была сокрушить любые преграды!

— Мы неизмеримо сильнее фашистов, хотя нас, коммунистов, в Германии и Австрии со всех сторон преследуют гестаповские ищейки. За нашими с вами плечами, друзья, не бесплодно прожитые годы. Они безраздельно отданы рабочему классу, коммунистической партии. Но разве мы посмеем потом, когда отгремит эта страшная война, взглянуть, не краснее, в глаза своим товарищам, если теперь не спасем бюст Ленина?

Альбатрос выпрямился и, посуровев, глухо сказал:

— Когда соберем руководителей боевых групп?

— Самое позднее — завтра! — ответил Крафт.

* * *

Мимо аттракциона «Гайстербан» проходят сотни людей. Сегодня старый Альбатрос бесплатно роздал бы все билеты, лишь бы побольше людей уселись в вагончики «Гайстербана» и отправились «путешествовать по дороге духов». Это помогло бы подпольщикам проникнуть в комнату, где их с нетерпением ждал Крафт, не привлекая внимания сновавших по Пратеру гестаповских шпииков.

Неожиданно Ледера выручила целая группа старшекласников, которых привел к аттракциону их наставник — одетый во все черное пожилой мужчина, с длинными седыми волосами, ниспадавшими на плечи из-под широкополой, выгоревшей шляпы. Он заметно прихрамывал, опираясь на трость с резиновым набалдашником.

Ледер отсчитал учителю целую пачку билетов, и юноши, подталкивая друг друга и весело смеясь, выстроились в очередь перед входом в черный тоннель «горы».

За старшекласниками встали еще несколько человек. Среди них Альбатрос увидел Бруно Шмица, машиниста с Восточного

вокзала. Он руководил там группой подпольщиков, в которую входил и ефрейтор Вок.

Наконец, из наружного выхода «Гайстербана» выполз вагончик, где в обнимку с раскрасневшей девицей сидел немецкий унтер-офицер. Он горделиво выставлял грудь, украшенную лентой Железного креста. Девица торопливо поправила растрепанную прическу и с визгливым смехом выскочила из вагончика.

Освободившееся место заняла первая пара школьников. Вагончик двинулся и под озорные крики мальчишек медленно уполз в темную пасть тоннеля.

Наконец очередь дошла до Бруно Шмица. Старый Альбатрос постарался, чтобы он оказался в вагончике один. Когда вагончик доехал до центра «горы», Шмиц вдруг почувствовал, как чья-то рука сдавила его плечо.

Бруно, ответив на шепотом произнесенный ему пароль, выскочил из вагончика и, нащупывая стену тоннеля, двинулся за проводником. Роберт подсвечивал дорогу синим фонарем. Через несколько метров они завернули за угол и пролезли в узкую, как щель, дверь.

...Старый Альбатрос протянул билет последнему из подпольщиков, вызванных Крафтом. Неожиданно Ледер заметил в конце аллеи ефрейтора Вока, спешившего к аттракциону «Гайстербан». С ним была девушка.

Ледер встревожился: Густав ведь не должен был знать, что под сводами «Гайстербана» разместились конспиративная квартира их подпольной организации. Этого требовали строжайшие правила нелегальной работы. До сегодняшнего дня об этом тайнике, где скрывались Крафт и Дубовский, знали лишь несколько человек. Густав появился возле «Гайстербана» именно в тот день и час, когда здесь собрались руководители их подпольной организации. Что же его привело сюда? Если Густаву понадобилось срочно известить Альбатроса об отправке бронзового бюста дальше на запад, то он должен был это сделать через Анну. Ведь так они условились на мосту Шведенбрюкке. Карл Ледер разговаривал с Анной еще вчера в «Аиде», но связанная с ефрейтором пока не встречалась. Быть может, ее внезапно арестовало гестапо? И Густаву пришлось самому выходить на связь?

Ледер не на шутку обеспокоился. В голову лезли самые мрачные мысли. Ему следовало бы немедленно предупредить Крафта. Но старый Альбатрос не мог покинуть своего поста. Закрыть кассу в разгар гуляний в Пратере было бы верхом неосторожности: даже соседи-конкуренты заподозрили бы неладное, а что уж говорить о полицейских ищейках...

Оставалось ждать. Густав, наконец, мог и просто так оказаться возле аттракциона. Мало ли куда забредут в Пратере молодые парни и девушки. И все же смутное предчувствие беды стеснило грудь умудренного опытом и житейскими невзгодами Ледера.

Густав оставил Эльзу у низенького зеленого заборчика, за которым по кругу ходили пони, и направился к кассе. Вскоре девушка увидела, как Густав машет ей рукой с зажатými в ней билетами.

Когда вагончик, где поудобнее устроились молодые люди, скрылся в тоннеле, Ледер развернул записку, которую ему передал Густав, расплачиваясь за билеты.

«...Бронзу отправляют завтра, — писал Густав, — в ночь на вторник. Конечный пункт не Линц, а Брегенц. Линц состав проходит без остановки. Остановки дальше — в Зальцбурге и на разьезде Вергль. Вагон помечен... Анна заболела...»

Ледер снял очки. Возле кассы было пусто. Только чуть поодаль раздраженным, капризным голосом вычурно одетая блондинка спорила со своим кавалером. Женщина взмахивала пестрым шелковым зонтиком в сторону аттракциона, словно хотела проткнуть стены «Гайстербана» его острым концом. Мужчина упрямо стоял на месте, все время поглядывая на выход из тоннеля.

Как только вагончик с Густавом и Эльзой выполз из тоннеля, кавалер раскрашенной блондинки подхватил ее под руку и увлек под густую крону каштана.

Ледер с нарастающей тревогой следил за подозрительным поведением этой пары. Он видел, как мужчина выглянул из-за каштана и, посмотрев, в какую сторону пошли Густав и Эльза, быстрыми шагами двинулся за ними. Его дама устало поплелась следом. Что-то знакомое показалось Ледеру в ее угловатой, худой фигуре. Туалет этой женщины отличался поразительным отсутствием вкуса, а ведь венки славятся природным умением красиво одеваться. И тут он вспомнил, где видел эту рослую блондинку. Она же выходила из подъезда гестапо, предъявив пропуск часовому, как раз в тот момент, когда мимо этого мрачного здания шел старый Альбатрос.

«Неужели Густав притащил за собой гестаповский хвост?» Когда, наконец, подоспело время, Ледер повесил на окошко кассы табличку «Закрыто на обед» и скрылся в тоннеле аттракциона.

* * *

Крафт тщательно обдумал операцию по спасению бюста Ленина. После успешной диверсии, осуществленной подпольными организациями грюнбахских шахтеров и венских железнодорожников, гестапо и служба безопасности взяли под усиленную охрану и круглосуточное наблюдение всю сеть шоссейных и железных дорог. Спасти бюст Ленина можно было поэтому только при одном условии: если действовать наверняка, точно зная, где и когда остановится на промежуточной станции эшелон с грузом, направляющийся к металлургическому центру Остмарку. Но это еще не гарантировало успеха задуманного Крафтом извлечения бюста из вагона, в котором транспортировался бронзовый груз. Далеко не на всех станциях и разьездах имелись подпольные группы Сопротивления, надежные люди, на которых можно было бы целиком положиться. Ведь речь шла не только о том, чтобы вынести бюст из вагона, где наверняка он лежит под многотонными бронзовыми статуями. Бюст Ленина нужно было доставить сюда, в Вену, и переправить затем в партизанский отряд.

Спасение бюста Ленина становилось делом нескольких под-

полных организаций, многих людей, которые борются против фашизма в разных местах страны. Необходимо было как никогда основательно продумать, кого привлечь к этой чрезвычайно рискованной операции, кому поручить организацию транспортировки тяжелой бронзовой скульптуры, наметить промежуточные тайники, где можно было укрыть спасенный бюст.

От подпольщиков требовались хладнокровная решительность и отважная быстрота. Дорога была каждая минута. Ефрейтор Вок успел сообщить, что гестаповцы уже обратили внимание на бюст Ленина.

Когда Крафт предложил товарищам совместно разработать окончательный план операции, первым взял слово Бруно Шмиц.

— Поручите это дело нам, железнодорожникам. Не подведем!

— Разобьем операцию на несколько этапов, — предложил Иозеф Кернау.

Он давно уже снискал глубокое уважение товарищей по подполью за свой аналитический ум, четкое понимание сложной обстановки. Кернау по профессии был мастером-часовщиком, настоящим самородком, чьи способности и познания в области механики поражали его постоянных клиентов — маститых профессоров и инженеров, доверявших починку своих самых дорогих и уникальных хронометров и фамильных часов золотым рукам Кернау.

— Извлечение бюста из вагона, безусловно, самая ответственная часть операции, — обратился Кернау к машинисту. — А дальнейшую транспортировку поручим, очевидно, той группе, которая территориально окажется ближе всего. Мы пока еще не знаем, где задержится состав. Но у меня предложение: быть может, лучше спрятать бюст там, где мы его спасем? Зароем неподалеку от железнодорожного полотна? Задачу мы выполним и бюст спасем, зато стоит ли рисковать, везти бюст в Вену?

— Ты хоть и часовый мастер, а все-таки упустил из виду очень важную деталь, — возразил третий участник их встречи, Оскар Вайс.

Он служил рулевым на буксире, совершавшем рейсы между Линцем и Черным морем. А до этого Оскар провел молодость в высокогорном лесничестве, в Тироле. Там, среди снежных гор, он на всю жизнь полюбил суровую романтику Альп с их острыми, как кинжал, пиками, перевалы, сверкающие под солнцем своими ледниковыми латами, шумные водопады и глубину бездонных пропастей. У Оскара Вайса была твердая и сильная рука альпиниста, зоркий и точный глаз охотника, горячее и бесстрашное сердце, мягкая и романтическая душа. Вот почему ни одна боевая операция подпольщиков, где успех решала удесятеренная отвага и бесстрашие, не обходилась без участия Вайса. И конечно, именно он вместе с Робертом тут же вызвался извлечь бюст из вагона.

— Бюст Ленина нельзя прятать, он нужен нам как знамя на переднем рубеже антифашистского фронта, дорогой Кернау, — сказал Вайс.

— Товарищи! — снова заговорил Крафт. — Спасение бюста Ленина является для всех нас исключительно важной боевой задачей. Операция по спасению бюста Ленина станет для всех

антифашистов нашей подпольной организации той интернациональной акцией, которая еще теснее скрепит узы классовой солидарности с советским народом, с братской Коммунистической партией Советского Союза.

Крафт расстелил на столе карту Австрии и осторожно разгладил ее твердой, мозолистой ладонью.

— Ты, Шмиц, свяжешься с подпольщиками железнодорожного узла Линца. Съезди туда сам. Кернау отправится в Линц сегодня же. Он скоординирует операцию на месте. Явочная квартира — у Мари Клекнер. В состав боевой группы, которая извлечет бьют из вагона, войдут Вайс и Роберт. Я здесь подготовлю переправу бьют Ленина партизанам в Штирию. Предупреждаю, товарищи, — Крафт поднял руку, — необходимы крайняя осторожность и осмотрительность. Малейшая оплошность может сорвать всю операцию.

Роберт по одному вывел через потайной выход подпольщиков. Когда в комнате остались Крафт и Бруно, наконец, появился запыхавшийся, встревоженный Ледер.

— Крафт, вот записка от Густава. Он приходил сюда только что, — старый Альбатрос перевел дух. — За ефрейтором Воком следят гестаповцы. Он притащил за собой «хвост» и сюда, в Пратер. Я видел шпика собственными глазами... Вок, конечно, не знает, что за ним повели охоту гестаповцы. Это очень опасно. Нам нельзя терять ни минуты...

Бруно Шмиц повернулся к Крафту.

— Мы теперь точно знаем, где останавливается эшелон с бронзовым грузом: в Зальцбурге и на разъезде Вергль. — Крафт сжег на огне спички записку Вока и молча посмотрел на товарищей.

— В Вергле у нас крепкая база! — быстро добавил Бруно. — Вайс и Роберт могут пробраться в вагон в Зальцбурге, оттуда до Вергля лишь несколько часов пути. Так меньше риска.

— Тогда тебе, Бруно, необходимо без промедления выехать в Вергль, — сказал Крафт. — Если все пойдет по плану, бьют будем переправлять по цепочке через Линц. Кернау справится в Линце один. Запомни пароль: «Письмо племяннику запечатано. Надо опустить в ящик». Ответ получишь от почтмейстера разъезда Вергль старика Клекнера: «Багажный вагон стоит на путях. Письмо не запоздает...» Будешь там встречать Вайса и Роберта, которых мы сегодня же переправим в Зальцбург, где они будут ждать эшелон.

(Окончание в следующем выпуске)

Научно-фантастический рассказ

Капельки сверкали на солнце: грибной дождь. Даже в городе он производит впечатление чего-то радостного, внезапно налетевшего в изменчивый мир природы. Здания в смягченной конфигурации, глядящиеся по-новому в бегущей сетке стеклянных нитей, словно ожили, впитывают влагу, слизывают каждую капельку.

От дождя не хочется даже прятаться. Правда, мокнуть тоже неинтересно. Особенно сидя за столом. И тут нас ожидал сюрприз.

Не было ни навеса, ни прозрачной крыши, невидимой для глаза, — ничего. Но светлый косой дождь не ронял ни капли на круглые разноцветные столики, расставленные на пластиковом полу. Дождь как-то улетучивался в трех-четыре метрах над нашими головами — наверное, какое-нибудь силовое поле распростерло защитительную длань. Известно, что работники сферы обслуживания любят удивлять чем-нибудь неожиданным.

В остальном, впрочем, избранное нами кафе на веранде двадцать четвертого этажа мало чем отличалось от обычной «двухминутки». Стандартное меню из ста блюд, которые подают свежееизготовленными через две минуты после получения

заказа. И, как заведено неведомо когда, несколько блюд «фирменных», которые можно получить только здесь и более нигде.

Не помню, кто первый придумал так, что мы собирались каждый раз в новом месте. Во всяком случае, не я. Мне больше по душе облюбованные уголки, где тебя как бы ждет стул, на спинку которого ты уже откидывался.

Я не гурман и заказал самую обыкновенную яичницу-глазунью, известную человечеству с давних времен и, как я полагаю, способную послужить ему еще века. Стандартизация быта имеет свои преимущества: я помнил индексы своих любимых снедей в унифицированных меню так же прочно, как многозначный номер моего блок-универсала. Некоторый консерватизм в быту, очевидно, вообще мне свойствен. Я, например, уже десять лет не меняю типа знаменитых «разовых» пляжных туфель — к ним так привык, что их не ощущаю.

Колзин же не упустил, естественно, случая испытать фантазию художников-кулинаров. С любопытством ребенка он набрал трехзначный номер и нетерпеливо стал поглядывать на середину стола, откуда в такт музыке, почти торжественно-церемониально вылезали уже тарелки, вилки и все прочее, что предшествует появлению блюд, подобно тому, как во время корриды кавалькада пикадоров и шестие бандерильерос предваряют выход главного персонажа — матадора.

Что касается Вундеркинда, любящего поражать окружающих неожиданностью, а если ему удавалось, то и нелепостью своих поступков, то на этот раз он, к моему удивлению, ограничился тривиальным бифштексом. Вероятно, он был просто элементарно голоден.

Голубев заказал жареную картошку с арбузом, моченые яблоки и еще что-то столь же изысканное. Чего-то не оказалось в меню, но он, нажав клавишу «не срочно», выразил согласие подождать минут десять-пятнадцать, пока это «что-то» доставят из ближайшего ресторана.

В наших традиционных встречах вошло в привычку разыгрывать друг друга. Чем это нас увлекло? Психологические неожиданности, игра с разгадыванием ходов противника, своеобразный спорт, самодетельный театр, умственное развлечение. Колзин, самый большой среди нас знаток мелких деталей истории, сказал однажды, что в старину, бывало, подобным образом на досуге коллективно решали кроссворды.

Сейчас, раскладывая ножи и вилки, он произнес:

— Типичная забегаловка двадцать первого века.

— Как ты сказал? — поинтересовался Вундеркинд.

— Забегаловка.

— Угу, — мотнул тот головой, словно понял.

Возможно, розыгрыш уже начался, но кто из них кого разыгрывал или они оба дурачили нас с Голубевым, оставалось пока неясным. Всякой игре предшествует какой-то разбег, первые, еще не определившиеся шаги. Началом мог служить самый обыкновенный разговор.

— Ну, это уже пиканство, — проворчал Колзин, разглядывая тарелку нежно-голубого цвета, напоминающую очертаниями лист водяной лилии. Тарелки в этом заведении были под цвет столиков, но только более светлых тонов.

— Как ты сказал? — переспросил Вундеркинд.

— Я сказал: пижонство, — чуть сердито повторил Колзин. Он считал себя человеком большого вкуса.

— Ага, — понимающе кивнул Вундеркинд.

— А ведь было время... — заговорил Голубев. Он имел обыкновение сообщать общеизвестные вещи с видом человека, излагающего бог весть какую мысль. — Было время, когда люди сами приготавливали себе еду и даже не представляли, что...

— Верно, — с важным видом подтвердил Вундеркинд. — Было. Жили в пещерах и прямо на костре...

— Да нет же, — возразил Голубев. — Я говорю о другом. Ну вот к примеру. Еще сто лет назад чуть не в каждой квартире была кухня с плитой и холодильником. В холодильнике держали продукты, а...

— В каждой квартире был ресторан?

Удивление Вундеркинда, похоже, не было наигранным.

— Со всеми подсобными устройствами? Организовать столько ресторанов! — покачал он головой.

Невежество Вундеркинда в некоторых вопросах было просто поразительным. Иногда он даже щеголял им, полагая, что человек, чьей игрой на скрипке заслушивается полпланеты, может и даже должен проявлять свою необычность не только в музыке. Благодаря столь своеобразному пониманию оригинальности Вундеркинд представлял собой трудный орешек в той игре, которую мы вели в застольных беседах. Не так-то просто было раскусить, когда он всерьез чего-то не знал, а когда прикидывался неким чудачком.

Во всяком случае, Голубев клюнул на крючок, если то был крючок.

— Никто их не организовывал, эти домашние рестораны, — начал он объяснять. — Наоборот, скорее, можно сказать, что организовывали дело так, что в них с течением времени отпадала необходимость. — Вундеркинд изобразил недоверчивость на своем лице. — Это исторически... Ну не всегда же уметь хранить продукты свежими сколько угодно времени, а высокочастотные печи, жарящие вам бифштекс с сохранением всех питательных свойств мяса за несколько секунд, еще... — Он растерянно посмотрел на Вундеркинда, на лице которого читалось тупое непонимание. — И автоматизация не достигла... Потом сама организация общества...

Я всегда считал Вундеркинда артистом по части мимики. Я не хочу несколько умалить его достоинств скрипача-виртуоза. Но он мог бы сниматься в фильмах, особенно в комических. Может быть, я еще как-нибудь подобью его на подобную авантюру. Сейчас он так мучительно морщил лоб, словно слушал пришельца из инозвездного мира.

На Голубева стало просто жалко глядеть.

— Вообще, еда для человека, отдельного человека, представляла целую проблему, пока... — пытался он еще что-то втолковывать упавшим голосом, в котором уже чувствовались нотки отчаяния.

Но тут вмешался Колзин.

— Мы не в лектории. — Он поморщился. Колзин терпеть

не мог, когда при нем излагается всем известное. — Вот еда, — он показал на яичницу, появившуюся, как Афродита из пены, в благоухании свежего горячего масла, на сверкающей, как солнце, сковородке. — Решим эту проблему. На современном уровне.

Ему не терпелось узнать, что за выигрыш окажется в лотерее под № 103.

Я забрал яичницу. Вундеркинду еще раньше подали бифштекс. Голубев принялся за свою жареную картошку. Коронное блюдо явилось последним — гречневая каша с напиханными туда маленькими овальными штучками, которые я принял сначала за сливы, но оказались они чем-то вроде маленьких котлет. Колзин выглядел несколько разочарованным. Но не ожидал же он, что ему подадут хобот слона или соловьиные языки!

Рисунки Н. ГРИШИНА

— Если обратиться к литературе, — заметил я, поглощая свою глазунью, отлично приготовленную, к слову сказать, — то нетрудно заметить, что раньше в романах и повестях гораздо больше внимания уделяли еде — во всех сложностях ее приготовления, подачи и поглощения, — чем теперь. Сейчас об этом пишут главным образом в научных трудах, а в художественной литературе...

Но Колзин, клевавший свою кашу с мини-котлетками с видом воробья, набревшего на что-то незнакомое, не дал мне закончить мысль. Он почему-то считал, что в разговоре о старой литературе ведущая роль должна принадлежать ему, и до смешного ревниво относился к проявлению всякой посторонней инициативы в этом вопросе. (Глядя на этого, вероятно, самого,

в сущности, серьезного среди нас человека, я иногда ловил себя на мысли, что многие люди, должно быть, долго еще будут сохранять некоторую детскость в душе, несмотря на всю приобретаемую с годами и веками мудрость.)

— Старая литература... — многозначительно сказал он и даже поднял палец. — А знаете ли вы, каким представляла себе эта литература мир, в котором мы с вами живем? Не вся, конечно. А та ее ветвь, которая называется фантастикой.

Мы молчали. Мяч, если прибегать к спортивной терминологии, повел Колзин. Теперь надо было ждать, где он начнет свой розыгрыш.

— Так вот, — Колзин усмехнулся. — Наш мир — это мир роботов.

— Кого? — не моргнув глазом, задал вопрос Вундеркинд.

— Кого или чего — это тоже вопрос. Но в общем роботов. На каждого человека по несколько штук.

— А что такое роботы?

— Такие искусственные человеки.

— А зачем? Разве мало населения без них?

— Они должны были обслуживать настоящих людей.

— Как обслуживать?

Вундеркинд мог задавать вопросы без конца, и притом с самым невинным видом.

— Ну, работать на фабриках и заводах. Подавать нам с вами еду. Готовить ее. Содержать в порядке жилища. Быть прислугой, если вам понятно, что это такое.

— Кто писал такие романы?

— Фантасты. Не все, правда, но довольно многие. А в некоторых романах людям вообще не предоставлялось никакого дела. Можете вообразить?

Вундеркинд с минуту изображал на своей физиономии размышление.

— Эти авторы жили в рабовладельческом обществе? — осведомился он.

И, не дожидаясь ответа, вывел свое заключение:

— Инерция мышления. Конечно, будущее они могли представлять себе только по собственному подобию, как библейский бог. А чтобы рабы не восставали, они придумывали искусственных рабов. Ограниченность фантазии.

— Искусственные тоже восставали, — заметил Колзин. — Иногда. Но фантасты, о которых я говорю, писали в прошлом веке.

По правилам игры подлинные истории могли приводиться вперемежку с вымыслом. Очки засчитывались и в том случае, когда вымысел слушали с открытым ртом и когда правду принимали за выдумку. Можно было делать вид, что чепуху слушаешь всерьез, а потом выложить доказательства того, что лишь играл роль. Тогда, естественно, разыгранным считался тот, кто пытался тебя разыграть. Самым сбивающим с толку приемом было хорошо разыгранное недоверие к абсолютно верным фактам. Несчастный, кто принимался доказывать свою правоту всерьез, получал впоследствии минус за то, что не сообразил, что с ним просто шутили.

Из нас четверых, как я полагал, только я, кроме, разумеет-

ся, Колзина, кое-что смыслил в фантастической литературе. Вундеркинд, наверное, и правда не имел о ней никакого представления. Голубев с его трезвым умом и профессиональной конструкцией автоматических заводов вообще не любил отрываться от реальной действительности. Услышав о роботах, заполняющих толпами заводские цехи, он только фыркнул. О такой чепухе он не мог разговаривать даже в шутку.

— О роботах действительно писали фантасты, и в сравнительно не такие уж давние времена, — сказал я. Надо было как-то двигать дальше мяч, введенный в игру Колзиным. — Тогда не все догадывались, что будут квартиры без пыли, а каждый входящий в помещение будет подвергаться мгновенной и незаметной для него чистке одежды и обуви. Ну и прочее все. Мы забываем, что жизнь развивается очень быстро. Да представляете ли вы, — я обвел компанию взглядом, — что сто лет назад не существовало даже в помине камуфляжей, кречантов, добриков, свистелей, — я назвал еще десятка два домашних животных и огородных растений, столь же популярных.

— А коровы были? — поинтересовался Вундеркинд. — И огурцы?

— Так не пойдет, — заметил Колзин. — Надо назвать что-нибудь одно.

— Так все дело в числе, — возразил я. Я-то знал, сколько же было вложено труда в эту новую флору и фауну!

— Мы не на уроке биологии. Кто помнит, когда какой вид вывели.

— Камуфляжи существовали еще в Древнем Египте, — сказал Вундеркинд. — Овцы — другое дело. Их изобрелиそろок восемь лет назад.

Они просто смеялись надо мной. Я ощутил себя в положении Голубева и искренне посочувствовал ему. Кажется, я не заработал сегодня ни одного очка. Больше всего, конечно, набрал их этот чертов Вундеркинд. Но спорт есть спорт!

Мне предстояло совершить новую попытку. Увы, я не смог найти новую тему и опять уперся в сто лет, отделяющие нас, сидящих за столиком заурядного кафе, от минувших времен, и опять не выпутался из тенет своей биологии.

— Сто лет назад, — сообщил я слушателям, ждущим очередного хода с моей стороны, — человечество всерьез занималась проблема чистоты воздуха и воды на нашей планете. Некоторые даже предсказывали, что цивилизация, вступив в противоречие с природой, погубит и себя и природу.

— Фантасты? — осведомился Вундеркинд.

— Ну, фантасты погубили нашу планету множество раз, — засмеялся Колзин. — Различными способами.

— Кто избавил ее от бед?

— Люди. Проблемы действительно возникали серьезные. Не только эта, но и другие. Решались они в ходе социального прогресса. Поработать, правда, тут пришлось основательно. Ничего не скажешь.

— И это фантасты тоже как-то пытались выразить?

— Тут что-то не очень, — сказал Колзин. — То есть смотря к какому периоду относиться и о каких писателях говорить. Со временем, разумеется, все больше и больше стало по-

являться произведений, показывающих неограниченные создательные возможности людей и перспективы их осуществления. И людей-борцов, и людей-творцов.

— Гм, — вмешался в разговор Голубев. — Если там есть вещи на реальной основе, то, пожалуй, стоит что-нибудь и почитать.

Колзин завладел разговором, и у меня с моей темой ничего не вышло. Это тоже был один из приемов — перехват инициативы. Не успеешь раскрыть рот, как разговор продолжает другой, а у тебя увели мяч, и ты лишаешься возможности бить по воротам — следовательно, получать очки.

В то же время разговор принял серьезный характер. А коль так, то мне захотелось по-деловому его и закончить. В конце концов мы собирались вовсе не для того, чтобы только острить и перебрасываться шуточками. Меня беспокоило, что Вундеркинд и Голубев могли получить из нашего разговора неполное и, следовательно, неверное представление о фантастической литературе. А как все поклонники жанра, я старался привлечь новых приверженцев.

— Видите ли, — начал я, — в фантастике работали и работают отличные писатели. Некоторые вошли даже в хрестоматии. Я могу назвать из любимых своих авторов таких, например, как...

Я начал перечислять, но меня заглушил дружный хохот...

Вундеркинд и Голубев принялись наперебой пересказывать содержание произведений названных мною литераторов. Вдобавок у нас обнаружили некоторые общие симпатии. Генерально разыгранным оказался я.

Дождь кончился. Солнце, висевшее низко, теперь совсем закатилось за горизонт. На город спустились сумерки.

Над нашим столиком возникло мягкое сияние из ничего. Просто так — из воздуха. Над остальными столиками, которые теперь были уже почти все заняты, тоже висели как бы абажуры света. Люди оживленно разговаривали, не спеша разделяясь со своими бифштексами из барбазона и котлетами из маракана и божественной гардели.

Я подошел к парапету и взглянул на город. Начинали светиться окна, всюду воздушные башни, легкие пирамиды, гигантские листья, тонкие и раскрытые как ладони, темная сейчас зелень на всех этажах...

Каким будет город завтра? Через сто лет? Ведь жизнь не стоит ни минуты. Еще вчера, исторически вчера, Колзин едва ли не хвастливо говорил, что прогресс совсем не затронул его способа творить. Бумага и карандаш — вот все, что нужно физику-теоретику для его работы. Бумага может измениться, карандаш стать другим, но главный инструмент — Колзин хлопал себя по лбу — остается таким же. А сегодня десяток машин подхватывает идеи семидесятилетнего Колзина, они мгновенно развивают их, просчитывают варианты, обнаруживают ошибки, выдают результаты, которые избавляют Колзина от утомительнейшей работы по проверке самого себя, — словом, усиливают мощь его мозга во много раз. И Колзин успевает за полгода сделать то, на что прежде не хватило бы ему жизни. Легко предсказать, что сила мозга человека будет возрастать

с каждой из тех новых машин, которые сейчас, может быть, только изобретаются кем-то.

Звезды выступили на потемневшем небе. Одни мерцали, не сдвигаясь с места, рисуя знакомый облик созвездий. Другие роились, прочерчивали небо в разных направлениях. «Как они там не запутываются, — подумал я, — все эти космические корабли и спутники».

«Когда-нибудь, — пришло мне вдруг в голову, — подвижных звезд будет больше, чем неподвижных. Ведь последних всего три тысячи, видимых простым глазом. Вот бы взглянуть на такое небо!»

«Вообще, — подумал я снова, — неплохо бы посмотреть хоть одним глазом в завтрашний день. Интересно, что там ни говори! О чем будут спорить, думать люди через сто лет?»

РД о продлении

Рассказ

Федор вышел на перевал, постоял несколько минут, с наслаждением чувствуя, как ветер сушит на лице капли пота.

Сентябрьский вечер размывал гряды сопок с побелевшими макушками. Кончилось короткое чукотское лето, оставив тяжесть в плечах, боль в припухших суставах пальцев и ломаные линии маршрутов на картах. Весенние надежды отодвинулись на следующий год. Не каждый сезон бывают удачи. Зато район отработан, и можно спокойно отчитаться: на золото бесперспективен...

— Два ручья еще осталось, — сказал утром начальник партии Анатолий Алексеевич. — Нам за них в Певеке, в управлении, головы оторвут.

— Сделаем, Толя, — Федор прихлебнул из кружки чая, взял папиросу. — Пустые они. Уверен.

— Я в Певеке твою уверенность на стол положу? — Анатолий усмехнулся. — Пошлют они меня туда, где наш друг Тынет с оленями не бродил... — Анатолий, сутулясь, прошелся по палатке, сел за стол, тоже закурил и бросил спички на левый верхний угол карты. — Вот Кружевной меня беспокоит, хотя и отработан. Знаки ты там намыл... А дальше?.. Тебе не кажется...

Федор двумя пальцами погладил прямой тонкий нос:

— Интуиция, что ли?

— А черт его знает. По науке там нет ничего — вулканогенные рядом. В них на Чукотке золота пока никто не видал...

— А знаки? Объясни.

— Федь! Я не гений. Знаки там только в осадочных. Откуда они взялись? Откуда их вынесло? Может, проглядел что?

— Не должно... Давай еще раз. Я схожу.

— Время нас подпирает.

— Да.

— Сентябрь. Шесть канав не добыто. Два ручья эти: пусто, не пусто — шлихи нужны. Неделю клади. Заметет скоро. Эх, сезончик выдался... — Анатолий вздохнул, побарабанил длинными пальцами по столу. — За Кружевной

с нас никто не спросит, шлихи с него есть. Ну — знаки. Вулканогенные рядом. Заведомо пусты. Откуда знаки? А, Федь?

— Я ж говорил; объясни.

— А я говорил, что не гений.

— Осталось одно: сходить.

— Пожалуй. Но, кроме завхоза Сергея, я тебе никого не дам. И то — если согласится. Он сейчас на канавах, понес ребятам сахар и хлеб. Вечером должен вернуться. Ты его можешь перехватить у Ясного — дорога одна. Чтобы к пятнадцатому сентября был на базе — нашу партию снимают второй. А ручейки эти сам отработаю, у меня там как раз два последних маршрута. На канавах пока дела идут... Все...

Понятно поведение начальника партии. Недоделки эти, поганое лето... Только середина августа побаловала сухой погодой, да вот сейчас несколько дней. Хоть район в общем и отработан, но нервы у всех на пределе... Ну что ж, пора вниз, через час будет темно.

* * *

Сумерки загустели, когда Федор спустился с перевала к Ясному, прошел по течению и на высокой терраске над ручьем сбросил рюкзак с привязанными к нему спальным мешком и маршрутной палаткой. Распаковав вещи, Федор

Рисунки В. КОВЫНЕВА

быстро поставил палатку, прикрепив углы к упругим ветвям ивняка, и сполз к ручью. На берегу в изобилии напутался плавник, и Федор натащил к палатке несколько охапок выбеленных солнцем и ветром сучьев.

Костер отсюда будет виден далеко, и завхоз, конечно, не пройдет мимо.

Сергей, действительно, появился скоро, еще не успела закипеть вода для чая.

— А я думаю, кто это у нас объявился, — он осторожно установил в развилке куста ружье. — Здравствуй, Федор Васильевич.

— Здорово, Сергей. Садись, сейчас чайку, потом ужин.

— Чайку — это хорошо. А куда вы собрались, на канавы?

— Да нет, на Кружевной.

— Вы же там в июле были.

— Еще разок надо. Со мной пойдешь?

— С вами? Что я там буду делать?

— Поможешь. Один не успею.

— А как же база? Начальник ругаться будет.

— С ним договорились. Специально тебя на полдороге встретил, чтобы время не терять.

— Если так, я с удовольствием. Тоже все лето на базе просидел, надоело. Одна забота — шурфовщикам еду таскать. Пойду... А спать в чем?

— Я спальный мешок самый большой выбрал, на двоих хватит. И таскать легче один.

— А надолго мы туда, Федор Васильевич?

— На неделю, не больше. Кружка есть с собой?

— Есть. Кто же в тундру без кружки ходит?

— Усек первое правило? Доставай.

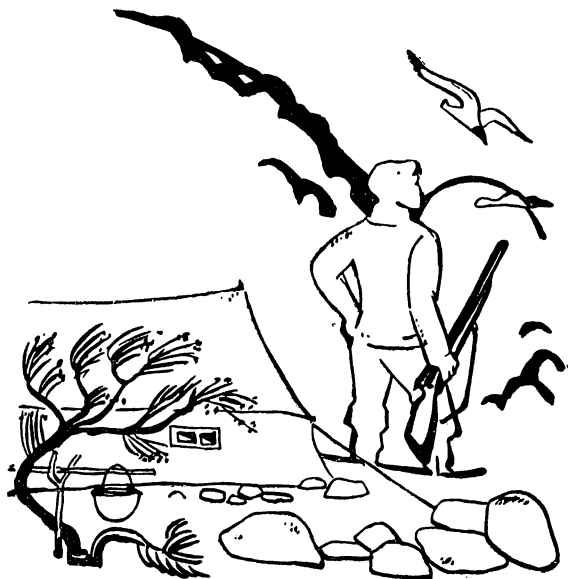
После чая они покурили, дожидаясь, пока сварится пакетный борщ, заправленный банкой тушенки, потом снова пили чай и легли спать уже в двенадцатом часу. Один спальный мешок для двоих был немного тесноват, но с таким недостатком можно мириться. Главное — тепло и сухо. Спальный мешок из оленьих шкур обладает по сравнению с другими неоценимым достоинством: в нем можно спать под открытым небом на снегу и чувствовать себя при этом, как в хорошо натопленной избе, на нарах, усталых мехами. Страшна ему только вода — начинается подпревать. Поэтому в плохую погоду так тщательно закатывают его в маршрутные палатки.

* * *

Федор проснулся, когда сквозь полог палатки засочился серый свет. Поворочавшись несколько минут, он осторожно встал, оделся и, расстегнув полог, выполз наружу.

Тени под натиском рождающегося дня уходили в долину. За ручьем, напротив палатки, тянулся на северо-восток широкий распадок. Небо в его выемке и сам пологий склон были залиты желтым светом. Постепенно желтизна рассеивалась, светлела и через какой-то неуловимый для глаза барьер

ер набирала розовый оттенок. Прозрачные лучи скользнули слева, поджигая склон, пламя охватило его, и из-за края сопки высунулся блестящий край солнца...

— Рай, — сказал, вылезая из палатки, Сергей. — Раньше я сомневался, есть ли он, а теперь вижу своими глазами.

— Дай бог, — в тон ему ответил Федор. — Нам бы недельку этого рая.

Быстро позавтракав, они разложили продукты и вещи по двум рюкзакам.

Федор посмотрел по сторонам: ничего не забыли?

— Дом забрали и пошли! — пропел Сергей.

Вниз по течению долина Ясного постепенно сузилась, по сторонам ее начали громоздиться серые, коричневые, грязно-белые осыпи. Было первобытно тихо. Изредка ухо ловило журчание воды на перекатах да легкое позванивание ветерка в скалах. В небе скользили чайки-мартыны. Распластав длинные белые крылья, они кружили над ручьем, выискивая стремительных фиолетовых хариусов.

— Я ведь, кроме как на шурфы и канавы, никуда не ходил, — вздохнул Сергей. — А лето прошло. Год, как приехал, ничего еще не видел. Дома говорили: куда едешь, там снег, да лед, да белый медведь. А тут...

* * *

Часа через два долина стала расширяться, осыпи сменились невысокими увалами, и, наконец, за одним из них открылась ровная тундра. Неисчислимое множество озерков

сверкало в лучах солнца, словно какой-то щедрый человек рассыпал по желто-красной скатерти горсти драгоценных камней. Далеко над тундрой, чуть влево, торчала темным пузырем одинокая сопка. Древний мастер, создававший этот уголок планеты, наверняка знал живительную силу асимметрии.

В распадках этой сопки брал начало Кружевной и уходил влево, огибая горный кряж, у края которого стояли сейчас Федор и Сергей. Ясный здесь тоже поворачивал и вдоль отрогов кряжа добирался до Кружевного.

— Еще километров пятнадцать, — сказал Федор. — К вечеру доберемся.

— Только перекурить минут десять не мешает, — дернув плечом, сказал Сергей.

— И чаек пятиминутный сообразим, — согласился Федор.

Дальше они опять шли по берегу Ясного и на месте его впадения в Кружевной оказались перед сумерками.

— Как олени, — Сергей повалился на чисто отмытую береговую гальку. — Многовато с непривычки за один день. Километров пятьдесят отмахали.

— Тридцать пять, — сказал Федор.

— Ух... Палатку ставить, Федор Васильевич?

— Стая, а я пройду по ручью, пока не стемнело.

Прихватив лоток и лопату, Федор медленно пошел вверх по Кружевному. На ровной тундре ручей делал невероятные петли. Оттого Кружевным и назвали.

Нагнувшись, Федор набросал в лоток песка, зашел в ручей и отмыл пробу, потом снял бинокль, перевернул его и приблизил окуляр к шлиху. Шлих почти целиком состоял из железистых соединений. Федор долго разглядывал его. Стальным блеском отливали четырехгранные пирамидки арсенопирита, искрились ярко-желтые зерна халькопирита, красные, малиновые, красно-желтые гранаты. Железистые соединения, спутники золота... А вот и оно само. В ложбинке лотка тускло поблескивало несколько еле видных чешуек...

За спиной грохнул выстрел, и следом за ним раздался восторженный рев Сергея:

— Э-ге-гей!

Не промазал... Да... Вот так же и прошлый раз: вели, вели эти блески, а потом хлоп — и нет их. Корова языком слизнула...

Когда Федор вернулся к палатке, над костром уже шипела крупная тушка серой тундровой утки.

— Ловко я ее срезал, — похвалился Сергей. — Влет. Так в землю и саданула — все кругом задрожало. Через пять минут будет готова.

— Раздобреешь ты в тундре, как кот, — усмехнулся Федор. — И так толстоват был, а на этих харчах...

— А что? — Сергей, согнув короткие руки, похлопал себя по бокам. — Не поеду я на материн, там в магазин ходить надо. И вообще...

Разбудил Федора нудный, тягучий шум. Как будто на крыше палатки сидела унылая осенняя мышь и меланхолично скребла лапкой, вспоминая ужасы прошлогодней зимы.

«Дождь, — тоскливо подумал Федор. — Вот и осень кончается, и хорошо, если будет только дождь. Ну что ж, надо вставать».

Серые завесы скрыли горный криж, небо и одинокую сопку в верховьях Кружевного. Горизонта не было, он размывался совсем близко. Не то дождь, не то туман висел в воздухе — самое паршивое явление Крайнего Севера. От обычного дождя можно укрыться под любым навесом, от этого нет укрытия. Где бы ты ни прятался, чувствуешь себя так, словно обложили мокрой ватой и задохнули в спичечный коробок.

— Ад! — коротко сказал Сергей.

После завтрака они закатали спальный мешок в палатку, прихватили рюкзаки и пошли по Кружевному, срезая бесчисленные петли. Федор часто брал пробы, и в каждом шлихе тускло светились золотишки. Сергей сначала заглядывал с любопытством в лоток, но с полдня нахохлился и молча шагал сзади, молча работал лопатой, когда останавливались. В сущности, здесь можно было не брать пробы, вся эта часть Кружевного была хорошо отработана в июле, но Федор искал хоть какую-нибудь зацепку, которая может помочь через несколько часов, когда они выйдут к району, сложенному вулканогенными породами. Зацепок не было. Кружевной являл пример классического пути, ведущего к золотой россыпи: вверх по ручью с каждой пробой золота становилось все больше. По всем канонам ближе к верховьям или в самых верховьях должна открыться россыпь. Но летом он ее не нашел. И близко не было.

Туман чуть приподнялся, открыв видимость метров на пятьсот. Капли дождя стали крупнее и туго забарабанили по спинам и рюкзакам.

— Дом на месте стоять должен, а не висеть за плечами, — сказал Сергей. — Промочим мешок.

— Да, — согласился Федор. — Давай располагаться, тут совсем рядом.

В кустарнике на берегу они выбрали маленькую прогалину, поставили палатку, задохнули в нее все вещи и пошли дальше, прихватив лоток и лопату. В такую погоду единственное спасение — сухой и теплый ночлег.

Обратно к палатке они пришли поздно, мокрые насквозь. Пока собирали плавник на костер, потянул сырой ветер. Федор глянул на компас — ветер шел с севера. Значит, завтра-послезавтра надо ждать снег. В сентябре северный ветер устойчив.

Дождь перестал. Кое-где в сизой мути образовались провалы, и оттуда на землю глянули тусклые звезды. Ветер усиливался, влага в нем быстро исчезала, и порывы сухо обжигали лицо и руки.

Костер развели большой и начали торопливо раздеваться, развешивая одежду вокруг огня на кусты.

— Даже кости промокли, — стуча зубами, сказал Сергей. — Бери и выкручивай, потечет вода... Уеду после сезона на материк. Провались эта жизнь пропадом.

— Там же магазины, — сказал Федор.

— А что магазины? Зашел и бери, чего хочешь, по ночкам бегать не надо.

— Ладно. Нырять пока в мешок, — Федор, спрятавшись от ветра за огнем, выкрутил мокрые трусы.

— А чай кто будет ставить, Федор Васильевич?

— Сам поставлю.

— Ну, ладно...

— Завтра копушить начнем.

— А как это?

— Копуша — выработка глубиной полметра. Чтобы опробовать поточнее...

* * *

Сжав синие губы, Сергей равнодушно глянул на Федора, насыпавшего в лоток породу, потом посмотрел на рядок копушей, перечеркнувших долинку Кружевного, и опустился на гальку. Дождь вперемешку с ледяной крупой хлестал и хлестал частыми, сливающимися в одну полосу зарядами, и конца ему не было видно. Копуши заполнялись водой за какой-нибудь час. Провались все пропадом! Дернул черт идти! Сидел бы на базе, слушал, как печь гудит, кота дрессировал...

Федор забрел в ручей, долго мыл пробу, часто ставил лоток на берег и дышал на согнутые пальцы. Вот они, значки, и среди них уже выделяются довольно крупные зернышки, они так и кричат на черном фоне шлиха...

Обмыв лоток, Федор побрел вверх по ручью. Вот и контактная зона, разделяющая изверженные и осадочные породы. Капли пляшут по воде, залившей пробитые еще летом копуши. Бить добавочную линию? А что это даст? Результат известен заранее. Разве только парочку?

— Сергей!

— Чего там?

— Давай одну вон под той сланцевой щеточкой, видишь, у бортика? А я здесь. Да не стой, совсем замерзнешь. И побыстрее. Вечер уже.

— А я и так быстро... Как могу...

Копать пришлось долго. Лопата не слушалась.

Стандартная глубина — полметра. Набрав в лоток со дна копуши грунт, Федор пошел к воде, отмыл шлих. Шлих осветлел. В нем теперь преобладали кремний, яшма, роговики, И всего только два значка. А там дальше пропадут и они... Вот так... Чудес не бывает, все заранее известно, еще с лета... Надо менять методику, а может, и место поиска. Может быть, тянется узенькая полоска по одному из древних русел ручья. Тогда надо чаще копушить, а то сейчас копуши через десять-пятнадцать метров. Между ними надо еще по паре.

— Пошли дальше, Сергей.
Вот пробитая летом линия.
— Давай между ними по две штуки.
— Федор Васильевич, пора закруглять. Я насквозь.
— Доделаем линию, тут всего восемь штук. Не кисни.
На, закури сухую, — Федор, отряхнув с рук воду, достал из-за пазухи пластмассовый мешочек, в котором лежали партийный билет, паспорт, полпачки «Беломора» и спички.
Они спрятались от ветра под метровым бортом террасы, торопливо поглотали дым, и Федор взял лопату:
— Пошли.

* * *

Тепло было в спальном мешке. Только пальцы рук ныли. Федор, сложив ладони, сунул их между колен.

— Федор Васильевич, еще три дня болтаться будем? — Сергей вздрагивал за спиной, прижавшись к нему левым боком.

— Три-четыре... Посмотрим.

— И сегодня ничего нет.

— Нет. Спи.

— И не будет. Чего здесь торчать? Раз летом не нашли, сейчас и подавно. Лучше...

— Спи, я тебе сказал!

Где же все-таки россыпь? Ведь все правильно, и не будь вулканогенных, вот-вот должно появиться весовое содержание. Прямо от впадения Ясного в Кружевной все идет, как в хорошем классическом примере. Все до этого места... Говорят же люди и даже пишут — не лезь в вулканогенные, там пусто...

Может, посмотреть вправо и влево от ручья вдоль контактной зоны? Тоже надо. И вверх идти надо, только чаще копушить. Пару линий пробить с частотой до двух-трех метров между копушами... Время... Погода сорвалась... Всегда все одно к одному.

Удары капель о палатку прекратились, притихло, а потом по парусине сухо зашуршало, сильнее, сильнее.

Снег. Но это только на ночь, днем-то все равно дождь будет — пока еще относительно тепло... Все-таки надо идти вверх, а контактная зона подождет, там едва ли что выскочит. Потом, перед уходом, проверим. Может, дожди перестанут.

* * *

Но дождь не переставал, только все чаще сменялся острой ледяной крупой. Промаячил серым светом один день, потом второй. Вытянутое, худое лицо Федора от ударов крупы почернело, а у Сергея распухло и покрылось бурыми пятнами. Ватные куртки и брюки удавалось подсушить вечерами только наполовину, а утром они снова моментально промокали.

Четыре линии копушей, посаженные чуть не один на

другой в вулканогенной породе, пересекли долину, и в светлых шлихах ни разу не сверкнул значок.

На третий день пошел снег. Крупные хлопья неслись ко-со по ветру и прямо на глазах закрывали тундру. Пока Федор кое-как готовил завтрак, а Сергей одевался в палатке, перебирая мокрую одежду, снег плотно укутал все вокруг. Торчали только высокие рыжие кочки в белых шапках.

— Палатку больше переносить не будем, — сказал Федор. — До верховьев рукой подать.

Сергей пожал плечами, начал наворачивать портянки...

Мысли о проклятой россыпи не давали покоя. Федор быстро шагнул по берегу и не расслышал чавкнувшего за спиной плеска. Повернулся он только на крик Сергея. Тот повалился одной ногой в старую копушу, затянутую ледком и прикрытую снегом. Нogu он выдернул сразу, но вода в сапог успела попасть.

— Вот, — Сергей повалился на снег и дрожащими руками пытался стянуть сапог. — Вот...

— Цела нога?

— Цела, целая нога, — губы Сергея прыгали.

— Дай! — Федор ухватился за пятку и носок, сдернул сапог и вылил воду. — Отжимай портянку.

— Как я теперь в мокрой буду... Кому это надо, а? Сколько мы болтаться будем, а?

— Тихо, сейчас высушим, — сказал Федор.

— Высушим?! Завхозом я нанимался! Я в гробу все это видел, вашу Чукотку! Говорили идиоту, сиди дома, сто двадцать рублей получал! И сахар еще таскал с фабрики каждый день по пачке! Все мало дураку! Ладно, мне бы только

до Певека, до первого самолета... Ладно... А если бы эта яма была поглубже? Без ноги, да?

— Копуша — это не яма, — тихо сказал Федор. — А ты вот что — натягивай сапог, иди к палатке. Вон там костер еще не потух. Высушишь свою портянку и топай на базу. Чтобы через час убрался, а то!.. — Федор швырнул под ноги Сергея сапог, глянул в слезящиеся глаза и, опустив руки, спокойно окончил: — А то не успеешь за день добраться. К шурфовщикам иди ночевать, они ближе, а на базу утром. Начальнику скажешь, я пятнадцатого буду, через три дня. Все понял?

— Да, — шепотом ответил Сергей. — Я быстро, Федор Васильевич. Я все скажу, ребята вам еды завтра притащат, а то ведь две банки говядины осталось и галет одна пачка. Я там все упакую!

— Иди, — сказал Федор устало. — Ничего не надо, не гоняй ребят.

* * *

Со второй половины дня косые полосы снега поредели, а к вечеру совсем стали редки, ветер утих. Но когда Федор забрался в палатку на ночлег, ветер твердо и сильно подул с юга. Зашлепал дождь.

Одному в спальном мешке просторно, ворочайся, сколько хочешь... Еще две линии пробито, и надежды на то, что россыпь проскальзывала где-то тонкой струйкой, не осталось. Не может она так вилать и обойти все многочисленные ловушки. Но здесь она. Словами не выразишь. А пальцы прямо чувствуют золотины. Особенно сегодня... Почему сегодня? Что случилось сегодня?

Федор заворочался в кукуле.

Что было сегодня необычного? Ну-ка еще раз... Сначала линия в той части, где долинка сузилась метров до пятнадцати, копуши через два метра... Пусто. Ни одна из проб не отличалась от взятых раньше... Потом на двести метров выше, там широкие галечные косы... Те же самые липариты. Нет. Ничего там не было.

Федор протянул руку, нащупал пачку папирос, закурил. Папиросы отсырели во влажном воздухе, и он спрятал пачку к себе в мешок.

Фу, черт, Анатолия бы сюда, все-таки опытнее. Вдвоем, может, и уцепились... Еще этот ушел. «Завхозом я нанимался». Кто только не едет порой сюда в надежде сорвать копейку и смыться. «Сахар по пачке таскал». Ну, ушел и ушел, мало разве таких бежит. Хорошо, хоть нога цела, а то отвечай потом: «Если бы яма была поглубже». Если бы да кабы. А она по инструкции, стандартная... стандартная... стандартная. Копуша... Нет... А что нет?.. Так. Так!..

Федор откинул клапан мешка, сел, дрожа, зачиркал спичкой и все никак не мог прикурить. Наконец папироса зажглась. Федор вдохнул дым полной грудью, и тотчас где-то там внутри раздался щелчок и в пустоте явственно прозвучало: «Вот!»

Федор ясно видел картинку-мысль: красные языки лавы, окутанные паром, ползут по земле, вспыхивают кусты, деревья, грохочут падающие стволы, ревет пламя, и все новые и новые метры земли скрываются под огненным потоком...

Все. Как удивительно мало места нужно в голове уже решенной задаче... Спать, спать, спать...

* * *

Теплый южный ветер низко над землей тащил облака, похожие на комки разбухшей грязной ваты. Они обильно поливали землю водой, снег растаял. Над рыжей тундрой ползали клубы пара.

И ходить никуда не стоит, вот прямо здесь, у палатки. Вот здесь сейчас все и выясним: Федор взял в руки лопату.

К середине дня с глубины одного метра первая проба дала тот же шлик — кремний, яшма, роговики. Сгибаясь в тесном шурфе, Федор продолжал копать и породу из каждого пройденных двадцати сантиметров складывал отдельной кучкой.

На глубине около двух метров пошел совсем другой материал — вскрылась горизонтальная контактная зона между изверженными и осадочными породами. Лоток Федор заполнил с самого низа контактной зоны. Вода постепенно вымывала из лотка глину, песок, светлела, слетала в ручей галька. Вот он, шлик. Нате вам. В ложбинке лотка торчали крупные желтовато-серые зерна. Все правильно. Ручей вымыл только мизерную часть. Основная масса легла на осадочные.

Федор ушел с лотком в палатку, высыпал шлик в консервную банку, потом подсушил его на костре и осторожно пересыпал в капсюль из плотной бумаги.

Только спрятав капсюль в пластмассовый мешочек, он ощутил, как смертельно устал. Кое-как стянув ватник, он откинулся на спальный мешок и бездумно лежал. Где-то далеко плыли разбухшие облака, стучал дождь, шелестели голые ветви ивняка, ворчал Кружевной.

— Вот и застряли, — сказал сам себе Федор. — Радиogramму, понимаешь, надо посылать — РД: «Нижайше просим продолжить сезон». Рабочих сюда. Всех до единого. Канавы, шурфы... закрутится лавочка.

Толя, Анатолий Алексеевич, товарищ начальник партии! Россыпь на Кружевном!

ТРАНЗИТ

Димитр Пеев родился в городе Пловдиве в 1919 году. По образованию он юрист, доктор криминалистики. В литературу пришел в 1956 году. Работал в журналах «Космос» и «Наука и техника за младежта». Сейчас Д. Пеев — главный редактор научно-популярного еженедельника ЦК ДКСМ «Орбита».

В 1958 году вышел в свет его первый научно-фантастический роман «Ракета не отвечает». Димитр Пеев — автор нескольких научно-фантастических и приключенческих романов, рассказов и повестей. Некоторые из них переведены на иностранные языки.

«Искатель» печатает отрывок из романа Д. Пеева «Алиби».

СТРАННЫЙ ЗВОНОК

илости просим, товарищ майор! Садись, Ковачев, садись, закуривай и слушай.

Полковник Панов поднял трубку и отдал распоряжение своему секретарю: «Попросите зайти гражданина Стоянова».

Ковачев, удобно расположившись в кресле, закурил сигарету.

В дверь постучали. Вошел худой мужчина средних лет. Он нервно мотнул головой вместо приветствия и сказал официально:

— Я — Стоянов. Стоян Дайков Стоянов. Живу на улице Аспарух, 65, работаю в Машпроекте, в бухгалтерии.

— Знаем, знаем, товарищ Стоянов. Садитесь, пожалуйста. Извините, что побеспокоили, но ваше сообщение нас заинтересовало. Мы вас попросим еще раз рассказать то, что вы сообщили по телефону дежурному.

Стоянов сел на кончик кресла, помолчал с минуту и сказал:

— Право, не знаю, стоит ли рассказывать. Если б не дети, я б вам и не позвонил.

— Почему же?

— Как же... Нет у меня других дел... Рассказал я им... и они, особенно сын, четырнадцать лет мальчишке, ну просто заел меня: «Сообщи да сообщи... Нужно, — говорит, — обязательно позвонить». Ну я и позвонил...

— И хорошо сделали. А теперь рассказывайте.

Стоянов внимательно посмотрел на Панова, потом перевел взгляд на Ковачева, который молча курил в кресле напротив, внимательно осмотрел большую мраморную чернильницу на бюро, вздохнул и начал говорить. Было похоже, что он, прежде чем войти в кабинет, тщательно продумал все, что скажет.

— Вчера вечером у нас дома, должно быть, около девяти часов раздался телефонный звонок. Незнакомый мужской голос спросил: «Восемь, семьдесят девять, семьдесят четыре?» — «Да», — ответил я. «Товарищ Богоев?» Я опять сдал: «Да». Тогда он медленно, словно хотел, чтобы я обязательно запомнил его слова, сказал: «Прага, тринадцать». И повесил трубку. Вот и все. Глупость какая-то. Наверно, зря я вам позвонил...

— Подождите, товарищ Стоянов. Я хочу задать вам несколько вопросов.

— Вероятно, спросите меня, почему я ответил, что Богоев — это я? Не совсем удобно рассказывать об этом в милиции, но раз уж без этого нельзя... Номер нашего телефона 8-89-74. А у стоянки такси на Орловом мосту — телефон 7-89-74. По десять раз на день нам звонят, заказывают такси. Бывает, и среди ночи звонят. Ужасно нам это надоело. Я иногда, когда у меня плохое настроение, отвечаю так, будто я служащий таксомоторной службы, в отместку тем, кто нас напрасно беспокоит. Признаюсь, не красиво, но...

— Да, но в этот раз не вызывали такси, а искали кого-то Богоева?

— В первый момент я не сообразил, что спрашивают не телефон стоянки 7-89-74, а номер 8-79-74. По привычке я ответил «да» на вопрос, Богоев ли я. Тогда звонивший сказал: «Прага, тринадцать», — и сразу повесил трубку.

— Ясно... — Полковник Панов посмотрел на своего помощника, но Ковачев продолжал невозмутимо курить.

— Но, очевидно, что-то произвело на вас впечатление в этом разговоре? Вы пересказали его детям, позвонили нам... Что вас насторожило?

— Тот, кто мне позвонил, видно, не знал настоящего Богоева. Или... разговаривал с ним по телефону очень редко. Иначе он узнал бы по голосу, что говорил с кем-то другим. И кроме того, — Стоянов сделал паузу, — что означают эти слова: «Прага, тринадцать»? Похоже на какой-то пароль. И еще. Он говорил как-то особенно...

— С акцентом?

— Нет, но очень отчетливо. Выговаривал слова резко, почти по слогам. Так обычно передают важные сообщения.

— Можете ли вы точно вспомнить, какой номер назвал незнакомец?

— В первый момент мне показалось, что он переспросил номер стоянки — 7-89-74, но потом, после разговора, я вспомнил, что он назвал номер 8-79-74.

— Так... Еще что-нибудь?

— Что же еще, товарищ полковник? Ничего...

Панов записал в свой блокнот два телефонных номера и встал.

— Еще раз спасибо, товарищ Стоянов. И извините за беспокойство.

Когда Стоянов вышел, полковник вопросительно посмотрел на своего помощника.

— Может быть, кто-нибудь из приятелей, которым Стоянов жаловался на ошибочные телефонные звонки, подшутил над ним? — сказал Ковачев.

— Может быть. Но не думаю. Если бы какие-то шутики решили его разыграть, то могли бы сделать это остроумнее.

— Не исключено, что тут что-то кроется. Обращает на себя внимание двойная проверка. Сначала незнакомец спросил номер, а потом фамилию. Словно хотел убедиться, что попал на нужного ему человека...

— И кажется, его он действительно не знает, — добавил Панов. — Стоянов правильно заметил, что Богоев и тот, кто его спрашивал, как будто близко не знакомы. Если, конечно, этот Богоев вообще существует. Это, впрочем, можно легко установить.

— Позвонить по телефону 8-79-74?

— Позвонить-то, конечно, можно. Но не совершим ли мы тем самым ошибку?

Полковник Панов задумался. Кто этот Богоев? Кто ему звонил? Что означают слова «Прага, тринадцать». Бульвар Прага, дом тринадцать?.. Или... это пароль, смысл которого понятен только посвященным? Его взгляд остановился на настольном календаре.

Тринадцатое августа! Сегодня — тринадцатое! «Прага, тринадцать»! Не означает ли это: «Встречайте человека, который приезжает тринадцатого поездом из Праги»? Или... самолетом?.. А может быть: «Передайте человеку, который уезжает тринадцатого в Прагу...» Нет, так гадать бессмысленно. А позвонить? Не рискованно ли? Помочь неизвестному исправить ошибку и передать сообщение, которое случайно не нашло адресата. Они могут установить и без звонка, проживает ли по адресу с телефоном 8-79-74 Богоев. Ну и что из этого?

— Товарищ полковник, — сказал Ковачев. — Я только что проверил по телефонному справочнику: в Софии владеют телефонами одиннадцать Богоевых и одна Богоева. Но ни у кого из них нет телефонного номера, который бы начинался с восьмерки или семерки.

— Это еще ни о чем не говорит. Боюсь, что все же нам придется позвонить по этому номеру. Попробуем?

— Попытаемся, товарищ полковник. Разрешите мне? Я пойду позвоню из автомата в конце палисадника.

— Пожалуй! — согласился Панов.

Минут через десять майор Ковачев снова был в кабинете начальника.

— Все в порядке, — доложил он, улыбаясь. — Все было разыграно, как по нотам. На мой вопрос: «Товарищ Богоев?» мне ответили: «Да, это я». — «Прага, тринадцать», — сказал я. Ответа не последовало. Тогда я позволил себе некоторую вольность: на несколько секунд задержал трубку.

— И?..

— Ничего. Очевидно, дальнейшие разговоры были излишни.

— Значит, все же существует Богоев, который ожидал, именно этого звонка!

ЧЕРЕЗ 10 МИНУТ. В КАБИНЕТЕ ПОЛКОВНИКА ПАНОВА

— Вот, товарищи, данные, которыми мы располагаем: телефонный номер 8-79-74 записан на некую Радку Милтенову, улица Узунджовская, 15. У нее снимает квартиру Валентин Христов Богоев. Он работает в плановой комиссии. Больше пока сообщить ничего не могу. Лейтенант Петев!

— Я, товарищ полковник! — Петев порывисто вскочил со стула и вытянулся по стойке «смирно».

— Вы установите наблюдение за домом по адресу: бульвар Прага, 13. Разведаете обстановку. Немного позже вам принесут фотографию Богоева.

— Слушаюсь, товарищ полковник!

— Лейтенант Дейнов!..

Дейнов встал.

— Ты будешь наблюдать за домом номер пятнадцать по Узунджовской улице. Там участковый милиционер, который знает Богоева. Будешь работать с ним в паре. Фотографию получишь первым. Отправляйтесь!

В кабинете остался только майор Ковачев.

— А ты, Асен, возьмишь на себя руководство этой операцией. И прежде всего пойдешь в плановую комиссию: разберешься, что за птица этот Богоев...

НА УЛИЦЕ УЗУНДЖОВСКАЯ, 12 ЧАСОВ 25 МИНУТ

— Вот он, — участковый легонько толкнул Дейнова.

Из дома вышел человек лет сорока, среднего роста, с поредевшими темными волосами, одетый в серый костюм.

— Вижу, — сказал Дейнов. — Я сам его узнал. Точь в точь как на фотографии. Ты свободен. Только сообщи полковнику Панову, что я начал наблюдение.

Человек в сером костюме медленно пошел по бульвару Витоша. Дейнов последовал за ним. Богоев шел размеренно, не спеша. У киоска агентства по распространению печати он остановился, купил иллюстрированный журнал, свернул его, сунул в карман пиджака и так же спокойно, не оглядываясь, повернул на Алабинскую, прошел по площади Славейкова, затем по Раковской.

В КАБИНЕТЕ ПОЛКОВНИКА ПАНОВА, 12 ЧАСОВ 45 МИНУТ

— Биография Богоева как будто безупречна по всем статьям...

— Единственное обстоятельство, которое может иметь отношение к нашей работе, — это то, что вчера он сам вызвался ехать в командировку на десять дней в Русе, чтобы уладить вопрос, который не решается в течение месяца из-за того, что туда никто не едет. Он сообщил начальнику отдела, что... — майор Ковачев сделал совсем краткую паузу — ...что тринадцатого утром выезжает поездом в Русе. Сегодня он не вышел на работу.

— Ну да, он сидит у себя дома, — продолжил Панов. — С того времени, как мы установили наблюдение, и до сих пор еще не выходил.

Позвонил телефон.

— Да... Я слушаю... — лицо полковника сразу стало напряженным. — Понял. Сейчас вышло еще одного. Все.

Панов повесил трубку и посмотрел, улыбаясь, на Ковачева.

— Пароль ясен!

— Прага, тринадцать?

— Да. Богоев сидит в кафе «Прага». Через десять минут будет ровно тринадцать часов. Встреча состоится в двух шагах отсюда.

— Пойти мне, товарищ полковник?

— Нет. Тебе не нужно показываться. Пойдет... Веска Минчева.

КАФЕ «ПРАГА», 13 ЧАСОВ

Утренние посетители уже ушли. Вечерние еще не пришли. Занято столиков десять, не больше. За одним из них сидит молодая дама и нервно курит сигарету. Мороженое, которое она заказала, тает, недоеденное, в вазочке. Она как будто кого-то ждет.

За другим столом сидит Богоев. Он тоже курит, пьет с наслаждением кофе, неторопливо листает журнал. Лишь время от времени он бросает досадливые взгляды на соседние столики. Но на входную дверь не смотрит. Он как будто никого не ждет.

А на противоположной стороне улицы стоит Дейнов и наблюдает за кафе.

Рисунки Ю. МАКАРОВА

Богоев отложил журнал, курит, разглядывает посетителей. Его взгляд останавливается на молодой даме. Легкая, едва заметная улыбка мелькает в его глазах, но тут же гаснет. Он снова углубляется в чтение журнала.

Молодая дама явно нервничает. Она расплачивается за недоеденное мороженое. Очевидно, ее свидание не состоялось. Расплачивается и Богоев. Он встает, выходит из кафе и направляется к площади Славейкова. Через минуту выходит молодая дама и идет в другую сторону по улице Гурно.

В КАБИНЕТЕ ПОЛКОВНИКА ПАНОВА, 18 ЧАСОВ 10 МИНУТ

— Результаты наблюдений в кафе «Прага», сообщенные младшим лейтенантом Веской Минчевой, говорят о том, что Богоев и тот, с которым он должен был встретиться, не знают друг друга. Это же подтверждает и звонок по телефону. Ведь твой голос, Ковачев, не вызвал у Богоева подозрений, иначе он бы не пришел в «Прагу».

— Нет, не вызвал, — ответил Ковачев. — Я думаю, что журнал в руках Богоева служил опознавательным знаком для человека, с которым он должен был встретиться.

— И который не появился. Почему он не пришел, как ты думаешь?

— Не просчитались ли мы в чем-нибудь?

— Трудно сказать, но сразу же после того, как Богоев вышел из кафе, хотя и встреча не состоялась, он направился на вокзал и купил себе билет на Димитровград.

— Почему не на Русе, а на Димитровград? Логично было бы предположить, что после того, как незнакомец не пришел на условленную встречу, Богоев в конце концов поедет на место, в которое командирован. Хотя бы для того, чтобы избежать лишних подозрений. А он вопреки здравому смыслу отправляется не в Русе, а в Димитровград и держит себя так, будто встреча состоялась... Но уверены ли вы, что он купил билет на Димитровград? — спросил Ковачев.

— Так утверждает Дейнов. Кассир железнодорожного агентства сказала ему, что «гражданин в сером костюме» купил билет до Димитровграда на скорый поезд, который отправляется сегодня вечером в 19.25. За прошедшие несколько минут она продала только два билета: одной женщине до Варны и этот до Димитровграда. И все второго класса.

— Значит, я должен теперь ехать в Димитровград?

— Возьмешь с собой Петева. Сядете в поезд на станции Подуэне. Петев сменил Дейнова. А ты — больше в стороне, на всякий случай.

В ПОЕЗДЕ НА ДИМИТРОВГРАД

Петев сменил своего товарища и остался стоять в коридоре, недалеко от купе Богоева. Он затерялся в толпе пассажиров, оставшихся без мест, а майор Ковачев удобно устроился в соседнем вагоне первого класса. Теперь у него было время спокойно подумать. Что может привлечь Богоева в Димитровграде? Заводы! А кто он, этот Богоев? Вот сидит человек в десяти метрах от тебя, а что у него на уме, что он собой представляет — бог знает! Их судьбы связала ошибка. Автомат набрал на единицу больше: 8-89-74 вместо 8-79-74. Это случается. А если бы не случилось?... А какой смысл заключен в словах «Прага, тринадцать»? Может быть, посещение кафе — простое совпадение со словами пароля? Да и пароль ли это? Нет, в кафе что-то произошло. Иначе бы Богоев не уехал. Никто к нему после его посещения кафе не заходил, никто не звонил. В «Праге» все же что-то было, а что именно, Веска не уловила.

Перед станцией Септември Ковачев вышел поразмяться в коридор. Петев был на своем посту. Он сообщил, что Богоев только раз покидал купе. Ходил в туалет.

После Пловдива Ковачев снова заглянул в соседний вагон.

Большинство пассажиров сошло. Коридор был пуст. Не было и Петева. Ковачев подождал несколько минут. Прошел вдоль вагона, незаметно заглядывая в купе. Петева не было. Тогда майор быстро вернулся в свой вагон, взял дорожную сумку и снова пошел в вагон второго класса.

Нет. Петева нигде не было. Не решил ли Богоев внезапно сойти в Пловдиве? Тогда Петев, конечно, последовал за ним. Но зачем же Богоеву сходить в Пловдиве, когда билет у него до Димитровграда? Может быть, Богоев понял, что за ним следят? Или он вообще собирался в Пловдив, а билетом до Димитровграда хотел ввести их в заблуждение? Но тогда... тогда он понял еще в Софии, что находится под наблюдением. Несостоявшаяся встреча в кафе — не означает ли она, что Богоев заметил за собой слежку и успел предупредить своего соучастника, чтобы он к нему не приближался. Не допустили ли они ошибку, позвонив по телефону? Не провалили ли тем самым операцию?

Ковачев медленно шагал по коридору до конца вагона и обратно. Он посмотрел украдкой в купе Богоева. Там сидели шестеро мужчин. Среди них и Богоев. Он читал газету.

Ошарашенный и смущенный Ковачев отступил в глубину вагона, прислонился к окну и уперся взглядом в купе. Какое-то недоброе предчувствие овладело им.

Что же это значит? Где Петев? Что с ним случилось? Богоев понял, что за ним следят. До Пловдива он ничего не мог предпринять. Коридор был набит пассажирами. Несчастье случилось после отправления поезда со станции Пловдив. Может быть, за минуту до того, как он, Ковачев, пришел в вагон?

А Богоев, конечно, не один. С ним едут его соучастники. Может быть, и тот, кто звонил по телефону. И сейчас он здесь. Наблюдает за ним, Ковачевым. Каждую минуту неожиданный удар может обрушиться на его голову. И он полетит под колеса.

Ковачев инстинктивно нащупал пистолет, взгляд невольно остановился на стоп-кране.

— Билеты, приготовьте билеты, — напевно прокричал проводник. — Ваш билет, пожалуйста.

Ковачев показал свой билет. Он остановился в двух шагах от проводника, на «безопасном расстоянии». Проводник посмотрел на него несколько удивленно, но ничего не сказал.

Нет, так не годится! Он начал терять власть над своими нервами. Спросить, что ли, проводника? Может, он что-нибудь заметил? Впрочем, едва ли. В Пловдиве сошло столько народу.

На какой-то маленькой станции поезд неожиданно остановился. Секунд на десять. И тронулся дальше.

Ковачев продолжал стоять, прислонившись к окну, один в безлюдном коридоре.

Почему он не сядет в купе Богоева? Тот его не видел, а в Димитровграде Ковачева все равно сменят. Обыкновенный пассажир, сел в Пловдиве. Да и проверка билетов уже позади. Нет, лучше он останется здесь. Если Богоев решит сойти, то он соскочит с поезда вслед за ним.

Дверь в купе приоткрылась. Вышел дородный мужчина. Нет, не Богоев... Направляется сюда. Если он хочет зайти в туалет, то почему не идет в другой, ближний? Мужчина проходит мимо шатающейся от качки вагона походкой. Бросает на него беглый взгляд и входит в туалет.

Не стоит оставаться здесь. Это очень удобное место для нападения. Совсем рядом с входной дверью. А в тамбуре никого нет. Один удар — и он будет сброшен с поезда... и никто не заметит.

Ковачев вошел в первое купе, положил сумку на сетку для багажа и сел.

Мужчина вскоре прошел обратно. Дверь дальнего купе с шумом затворилась. Ковачев вышел и занял свое прежнее место в пустом коридоре.

Из соседнего вагона появился милиционер. Их глаза встретились.

— Вы кого-нибудь ищете? — спросил Ковачев.

Милиционер посмотрел на него подозрительно, но все же сказал:

— Товарища Ковачева.

— Я Ковачев. В чем дело?

Ему пришлось показать свое служебное удостоверение. После того как милиционер убедился, что разговаривает действительно с майором Асеном Ковачевым, он шепотом объяснил:

— Срочная телефонограмма из Пловдива. Я — участковый из Поповицы. Нам пришлось остановить скорый поезд. Вот, пожалуйста, товарищ майор.

Ковачев взял листок.

«Обознался, подумал, что «лицо» вышло в Пловдиве. Когда понял, поезд уже ушел. Подробности Димитровграда. Петев».

Слава богу! Петев жив и здоров. Богоев сидит в своем купе...

— Вы, товарищ, — обратился Ковачев к милиционеру, — будете сопровождать меня до Димитровграда. Садитесь в первое купе соседнего вагона и внимательно следите за мной. Я останусь в коридоре перед купе. Если понадобится — подам вам знак.

— Понятно, товарищ майор.

НА СТАНЦИИ ДИМИТРОВГРАД

Как только поезд остановился, в вагон поднялся майор Милев. Сопровождавший его молодой, крупный, русоволосый мужчина остался в дверях, а Милев подошел к Ковачеву (они были знакомы со школы) и тихо спросил:

— Он еще здесь?

— В своем купе. Что случилось?

— Мне позвонил Петев. Его провели на станции Пловдив. В последний момент «тот» вышел. И Петев сошел вслед за ним. Когда он увидел его, то понял, что обознался, но на поезд уже не успел.

— Так обозначаться!

— Это же самое спросил и я. Петев утверждает, человек, за которым он пошел, был одет в такой же плащ, в такую же, как у Богоева, мягкую шляпу, а в руках держал такие же чемодан и сумку.

— Вы сообщили полковнику Панову о недоразумении?

— Конечно.

Вагон медленно стронулся с места. Двое наблюдали краем глаза за дверью купе. Но она не открылась. Поезд набрал скорость и стремительно понесся вперед.

— Да, не повезло Петеву. Но понять, как это случилось, можно. Мало ли людей имеют одинаковые чемоданы, сумки и разве не похожи все наши плащи и шляпы? Богоев видел, как вслед за его двойником сошел Петев, понял, что за ним следят, и...

— Подожди! — вдруг испугался Милев. — Как бы «ваш» не надумал соскочить на ходу. Я пошлю Пешо охранять другую дверь.

— Хорошо, — согласился Ковачев. — Я останусь здесь, а ты найди проводника и попроси его проверить билеты.

Милев ушел, а Ковачев продолжал размышлять: ошибка в Пловдиве — результат случайного совпадения или Петев попался на хорошо разыгранный трюк?

Тогда... Богоев не один. У него есть сообщник, и они знают, что за ними следят.

Через несколько минут прошел проводник. Потом вернулся и Милев.

— Асен, вы что-то все-таки напутали. Ваше «лицо» не знает болгарского. У него международный билет до Стамбула. Проводник не хочет его проверять вторично. Ему неудобно. Он его запомнил — единственный пассажир-иностранец в этом купе.

— Гм, — произнес Ковачев.

— А не упустил ли Петев настоящего Богоева в Пловдиве? — спросил Милев.

— Да ну... не может быть. Богоев сидит в купе. Я хорошо помню его физиономию. А тот... который сошел в Пловдиве, Петев его упустил?

— Да, — ответил Милев. Он взял единственное такси и исчез. А Петев пошел в городское управление давать телефонограмму.

НА СТАНЦИИ СВИЛЕНГРАД

Как только поезд подошел к станции Свиленград, Ковачев, Милев и Пешо перешли в соседние вагоны и оттуда спустились на платформу. Среди немногочисленных пассажиров, сошедших с поезда, Богоева не было. Они зашли в помещение пограничной службы, представились дежурному офицеру, и он показал им паспорта пассажиров.

— В спальном вагоне едут две семьи из Западной Германии, три ирландца, один турок. В вагоне второго класса — один серб, один австриец и две девушки-чешки. Болгар нет, — сказал он.

— Посмотри, Милев, — обратился Ковачев к своему коллеге. — Разве это не одно лицо?

Рядом с фотографией Богоева он положил паспорт австрийского гражданина Дитмара Фогеля, торгового представителя из Вены.

Милев перелистал паспорт.

— «Въехал — 12.08.63 — Драгоман», — проговорил он машинально.

— А сейчас мы ему поставим: «Выехал — 14.08.63 — Свиленград», — добавил пограничный офицер.

— Нет, вы ему не поставите «выехал», — решительно вмешался Ковачев. — Он не переедет границы.

— А на каком основании? — спросил пограничник. — Транзит в порядке.

— Свяжите меня немедленно с Софией, с министерством.

* * *

Следствие по делу о попытке перехода границы Валентином Христовым Богоевым закончилось быстро. В Свиленграде он устроил ужасный скандал, хорошо разыграв роль европейца, возмущенного «варварскими порядками коммунистов». И все на чистом немецком языке. Но по пути в Софию немного пообмяк. А когда ему для опознания устроили очную ставку с начальником отдела, в котором он работал, он вдруг перешел на болгарский язык и уже без уверток рассказал все, что интересовало органы государственной безопасности.

Завербованный прошлым летом «гостями» в Варне, он регулярно передавал иностранной разведке сведения, к которым имел доступ в плановой комиссии. Его намерением было покинуть Болгарию, зажить в «свободном мире»...

В начале августа ему поручили выкрасть важный документ со сведениями по добыче редких металлов. Обещали сразу же после этого организовать бегство из Болгарии.

Ему удалось выкрасть документ. Он воспользовался отпуском начальника секретной службы, который был в отпуске.

«Вознаграждение» последовало быстро.

В воскресенье, 11 августа, он встретился на центральном вокзале с резидентом, который им руководил, и узнал от него, что в Болгарии будет проездом Дитмар Фогель, с которым Богоев поменяется ролями.

Тотчас по приезде в Софию Фогель сообщил ему по телефону место встречи. Фогель не знал, что попал по телефону к Стоянову, а Богоев и не подозревал, что о свидании в кафе «Прага» ему сообщил сотрудник министерства госбезопасности. Так или иначе встреча состоялась. В кафе Богоев только заприметил Фогеля. Он узнал его по слуховому аппарату для глухих и по трем ручкам в верхнем кармане пиджака. Фогель же узнал Богоева по серому костюму и журналу, который он листал, сидя за столиком.

Командировка в Русе была нужна Богоеву только для того, чтобы оттянуть на известное время розыски. От ре-

видента он получил распоряжение купить себе билет второго класса до Димитровграда, который он должен был положить в карман плаща вместе с паспортом. Чемодан и сумка были ему переданы для Фогеля еще на вокзале, в воскресенье. Они были закрыты, и Богоев их не открывал.

Как было условлено с резидентом, Богоев отыскал Фогеля в вагоне, следующем непосредственно за вагоном первого класса. Сел в то же купе, рядом с Фогелем. Во время пути они не разговаривали. Но Богоев заметил, что у Фогеля точно такой же плащ, как и у него. Он знал, что у Фогеля в кармане находится билет до Стамбула и австрийский паспорт на имя Дитмара Фогеля, но с его, Богоева, фотографией.

На станции Пловдив, неожиданно для самого Богоева, Фогель надел его плащ, его шляпу, взял чемодан и сумку и сошел в последнюю минуту перед отправлением поезда.

СНОВА В КАБИНЕТЕ ПОЛКОВНИКА ПАНОВА

Перевалило за полночь. Полковник Панов утомленно потянулся, захлопнул папку и сказал:

— Все. Птичка в клетке. Ведь Фогель по-немецки значит птица?

— Пока только одна птичка, — отозвался Ковачев. — А другая порхает сейчас где-то.

— Ну, — сказал Панов, — поймаем и остальных.

Перевод с болгарского О. КИСЕЛЕВОЙ

ХОДОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Научно-фантастический рассказ

Транспланетный рейдер «Вихрь» готовился к старту ходовых испытаний. Матово поблескивая черным бронированным корпусом, он лежал на стартовой площадке, нацелившись острым носом на Полярную звезду, а под ним неторопливо вращалась тороидальная громада старт-спутника, казавшаяся снежно-белой в яростных лучах космического солнца.

Командир рейдера Ларин, опоясанный страховочными ремнями, сидел за ходовым пультом, то и дело поглядывая на циферблат хронометра.

В ходовой рубке было непривычно тихо, сиротливо стояли пустые кресла вахтенной группы. Ходовые испытания есть ходовые испытания. Они проводятся по однообразной и простой программе в непосредственной близости от старт-спутника. Привлекать для ее выполнения весь экипаж нет никакого смысла, особенно если учесть известный элемент риска. Вот почему в ходовой рубке рейдера так пустынно и тихо, вот почему экипаж гигантского корабля сейчас до смешного мал: командир да инженер-оператор, разместившийся далеко от него, в кормовом отсеке, у самого сердца рейдера — плазменного реактора.

— Вихрь, я Спутник, — послышался неторопливый бас руководителя испытаний. — Как меня слышите?

— Вихрь на приеме. Слышу хорошо, — ответил Ларин.

— Андрей Николаевич, — проговорил руководитель, подчеркивая этим обращением неофициальность разговора, — вы опаздываете с запуском уже на две минуты.

— Опаздываем, — невозмутимо согласился Ларин.

— Вы бы поторопили своего Шегеля!

Ларин усмехнулся:

— Пусть повозится. Я предпочитаю, чтобы экипаж возился до старта, а не после него.

— Всему есть пределы! — сердито сказал руководитель испытаний и отключился.

Ларин снова усмехнулся, подумал и перешел на внутреннюю связь.

— Как у вас дела, Олег Орестович? — спокойно спросил он.

— Все в порядке, — флегматично пропел тенорок Шегеля. — Ну и намудрили же конструкторы с замком для ремней!

— К старту готовы?

— Готов! — бодро откликнулся оператор.

Ларин перешел на внешнюю связь.

— Спутник, я Вихрь. Прощу запуск.

— Вихрю запуск разрешаю, — удовлетворенно пробасил руководитель испытаний.

— Понял, — ответил Ларин и подал команду оператору: — К запуску!

— Есть к запуску! — откликнулся Шегель.

Пока оператор делал подготовительные включения, Ларин уселся в кресле поудобнее, подтянул привязные ремни и внутренне подобрался — запуск плазменного реактора не шутка. Эти компактные сверхмощные ядерные машины открывают перед космонавтикой невиданные перспективы, но они еще полны эксплуатационных загадок. Иногда на них «находит» и они начинают капризничать, да так капризничать, что становится жарко. Недаром испытания плазменных реакторов разрешены только в космосе на высоте не менее трехсот километров от Земли. Только после двухчасовой обкатки о годности реактора можно составить определенное мнение. Для этого, собственно, и проводятся ходовые испытания.

— Реактор подготовлен, — доложил Шегель.

— Запуск!

Ларин откинул пластмассовый предохранительный колпачок и нажал пусковую кнопку. Вот и все действия, которые должен выполнить командир, остальное — дело автоматики. Ларин смотрел на контрольное табло, на индикаторах которого одна за другой проходили управляющие команды. Подчиняясь этим командам, из горячей зоны реактора в строго рассчитанном темпе выходит сетка стоп-устройства, и в нем начинает циркулировать могучий плазменный поток. Мощность его должна быть строго определенной, чуть меньше — реактор недодаст десятки процентов энергии, чуть больше — плазма пробьется сквозь защиту, и реактор начнет капризничать. Ну, а если плазма повредит автоматику, то будет совсем худо. Но если думать об этом, то лучше вообще не садиться в кресло испытателя.

Размышления Ларина прервала контрольная лампа реактора, — сигнализируя о нормальном запуске, она вспыхнула ярким зеленым цветом. Ларин облегченно вздохнул, поправил наушники и стал ждать доклада Шегеля. Нормальный запуск — понятие относительное. Только оператор, вооруженный специальными приборами и еще более специальными знаниями, может дать окончательное заключение о работе этой сложнейшей ядерной машины. Прошло десять секунд, потом еще десять. Ларин нетерпеливо шевельнулся и уже собрался было запросить, в чем дело, когда послышался спокойный тенорок Шегеля:

— Не нравится мне реактор, Андрей Николаевич. Брови Ларина сдвинулись.

— А конкретнее?

— Во время запуска было три заброса активности и сбой с повторением операции.

Ларин слушал оператора с большим вниманием. Конечно, Шегель еще далеко до классного оператора-космонавта, в нем крепко сидит закладка кабинетного ученого, зато он великолепный знаток своего дела. И, как показывает история, научные работники, совершающие звездный рейс, быстро становятся опытными летчиками-космонавтами. Помогают знания, умение аналитически мыслить, спортивная закалка. Шегель, кроме всего, один из соавторов проекта ходового плазменного реактора, знает его, как самого себя. Когда оператор обстоятельно высказал все, что он думает о капризах своенравной машины, Ларин невозмутимо спросил:

— Каковы ваши предложения?

— Предложения? — с ноткой недоумения переспросил Шегель.

— Предложения, — подтвердил Ларин. — Будем продолжать испытания или стоп реактору?

Шегель кашлянул и замялся. Да Ларин и сам хорошо знал, как это непросто произнести сакраментальные слова — стоп реактору! Ну хорошо, во время запуска реактор прибахлихил, но он все-таки вышел на рабочий режим. А сейчас поди-ка узнай — есть там неполадки или нет. Если бы это было известно заранее, незачем было бы проводить и сами испытания, результатов которых, прямо-таки сгорая от нетерпения, ждет куча специалистов. Да и не только специалистов.

— Стоп реактору — это, конечно, слишком, — проговорил наконец Шегель, — а вот прогнать его на всех режимах, вплоть до форсажа, стоит.

— Резонно, — согласился Ларин и нажал кнопку внешней связи.

— Спутник, я Вихрь. Имею арегулярность работы реактора в пределах допусков. Прошу пробный выход на форсаж.

— Понял, ждите.

Через десяток секунд послышалась скороговорка главного плазменника:

— Вихрь, прошу на связь оператора.

— Оператор слушает, — отозвался Шегель.

— Что там стряслось, Олег Орестович?

Между инженерами начался оживленный разговор, столь густо пересыпанный специальными терминами, что разобратся в нем могли лишь посвященные. Ларин вначале с интересом прислушивался, потом потерял нить рассуждений, запутался и заскучал. Нечаянно, боковым зрением он заметил, как контрольная лампа реактора, горевшая зеленым светом, вдруг сменила его на желтый и начала мерно мигать. Секунду Ларин смотрел на нее, ничего не понимая. Потом с некоторым усилием воспринял случившееся: реак-

тор вышел на форсаж! Вышел на форсаж, хотя Ларин слышал все еще продолжавшуюся дискуссию о том, можно ли и целесообразно ли производить эту операцию! Что-то случилось. Что? Неисправность сигнализации? Ошибочное механическое действие Шегеля? Или самопроизвольное возрастание активности?

— Оператор, — вклинился он в разговор специалистов, — проверьте режим реактора!

— Режим? — удивился Шегель и замолчал.

— Реактор на форсаже, — удивленно доложил он через секунду, — это вы включили?

Этот вопрос разом поставил все на свои места. У Ларина екнуло сердце и засосало под ложечкой. Страх, самый обыкновенный страх — случилось самое неприятное из того, что может случиться на ядерном корабле: реактор пошел вразнос, подбираясь к бесконтрольной работе, которую закономерно венчает сверхмощный взрыв. Привычным, давно отработанным усилием воли Ларин загнал этот страх в самые подвалы подсознания. С этого момента Ларин словно раздвоился. Один Ларин, командир рейдера и опытейший испытатель, действовал четко, продуманно, не теряя напрасно ни одного мгновения. Другой, живой, теплый, чувствующий Ларин, смотрел на него со стороны и не верил в происходящее! Авария реактора? Но этого не может быть? Не может наяву случиться такая нелепость!

— Стоп реактору, — коротко приказал Ларин и вышел на внешнюю связь. — Спутник, я Вихрь. Авария реактора. Тревога!

— Что вы говорите?! — изумился главный плазменник.

В наушниках что-то клацнуло, видимо, это руководитель испытаний задел за тангенту, выхватывая из рук инженера микрофон.

— Спутник понял, — послышался его торопливый голос. — Объявляю тревогу!

Ларин следил за контрольным табло. На индикаторе одна за другой пробегали стоп-команды: первая, вторая, третья. Ларин был уже готов сбросить с плеч невидимый тяжкий груз. Но четвертая? Четвертая, главная?! Зависла, проклятая! Неужели автоматику успело сжечь?

— Отказ стоп-системы, перешел на аварийную, — с некоторым недоумением доложил Шегель.

Он еще не осознал до конца, что произошло.

— Тревога объявлена, — послышался подчеркнуто спокойный голос руководителя.

Ларин знал, что скрывается за этим спокойствием: пронзительный вой сирен, яркие мигающие надписи «Ядерная тревога!», вереницы людей, спешащих под защиту лучевых экранов, щелканье герметически закрывающихся переборок и молчаливые сосредоточенные спасатели, натягивающие скафандры высшей защиты.

А четвертая, решающая команда снова зависла, зависла, проклятая!

— Отказ аварийной, перешел на дубли! — прохрипел Шегель.

Вот когда случившееся стало раскрываться перед ним во всей своей грозной неотвратимости.

— Вихрь, я Спутник. Уточните ситуацию.

— Ждите! — отрезал Ларин.

Он не спускал глаз с контрольного экрана. Сейчас, за считанные мгновенья должна была решиться судьба «Вихря». Единственный шанс оставался для его спасения. Шегель привел в действие дубль-аварийную стоп-систему. Она срабатывает напрямую, от аккумуляторов, минуя блок автоматики. Все четыре стоп-команды при этом проходят разом. Правда, реактор после этого подлежит обязательной переборке, зато вероятность срабатывания стоп-системы возрастает во много раз. Если сетку не успело сжечь, реактор остановится.

Но он не остановился.

— Отказ дубля! Реактор вышел из-под контроля! — выкрикнул Шегель.

Все, рейдер обречен. Взрыв реактора неизбежен. Теперь Ларин должен сделать так, чтобы этот взрыв наделал как можно меньше бед.

— Спутник, я Вихрь. Реактор вышел из-под контроля. Обеспечьте старт.

— Понял. Старт разрешаю.

Ларин снял рейдер со стопоров и выжал ходовую педаль. Легкая перегрузка, и стрелки приборов дали знать, что корабль тронулся с места.

— Реактор вышел из-под контроля! Вы меня поняли? Реактор вышел из-под контроля! — кричал между тем Шегель. Похоже — сорвался и потерял голову. Да разве мудрено? Ядерный взрыв неизбежен. Только спокойно, от старта-спутника надо отойти на самом малом ходу, а то выходная струя двигателя наделает бед.

— Понял, Олег Орестович, — возможно более будничным тоном ответил он Шегелю, — реактор вышел из-под контроля. Сколько до взрыва?

— Мало! Реактор неуправляем!

— Точнее, сколько до взрыва? — холодно сказал Ларин.

— Это... это надо посчитать по производным.

— Посчитайте.

— По... понял.

Старт-спутник остался в стороне. Ларин повернул рейдер на маяк входных ворот зоны испытаний и прибавил ходу.

— Я Вихрь. Освободите первую зону.

— Зона свободна.

Теперь остались пустяки. Надо катапультировать экипаж, пройти ворота зоны, дать кораблю самый большой ход и катапультироваться самому. В защитной капсуле. Остальное дело спасателей.

— Я Вихрь. Готовьтесь принять оператора.

— Понял. Спасательный бот следует за вами.

Хотя бы раз использовался этот бот по прямому назначению? А теперь пробил и его час, придется лезть в самое пекло. Как только не называли этот маленький кораб-

лик охочие до шутки и острого словца космонавты! Колобок, черепаха, бронтозавр. Истинно колобок, корпус у него больше метра толщиной, он и термоядерное облако проскочит.

— Командир, до взрыва сто девяносто плюс-минус пять секунд, — четко доложил Шегель.

Молодчина, взял себя в руки! Ларин пустил секундомер и вышел на внешнюю связь.

— Я Вихрь. Подхожу к зоне. Имею резерв три минуты.

— Понял, три минуты.

Большая стрелка десятисекундника резво бегала по циферблату. Оборот — десять секунд, оборот — десять секунд. Еще семнадцать оборотов успеет она сделать, а потом «Вихрь» превратится в раскаленное ничто, в маленькое злое солнце, испепеляющее все вокруг.

— Бот, я Вихрь. Готовьтесь принять оператора.

— Я бот, понял. Иду рядом, слежу за вами.

— Андрей Николаевич, — послышался возбужденный голос Шегеля, — есть выход!

Это было как гром с ясного неба!

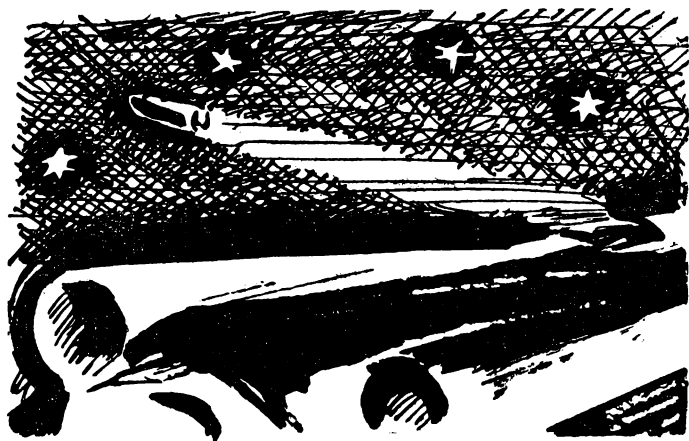
— Выход? — оторопело переспросил Ларин.

— Можно попробовать «заморозить» реактор ходом. Форсажным ходом! Гарантия успеха — процентов тридцать!

— Понял! Все понял!

Как это просто! Почему он сам не додумался до этого? Почему до этого вообще никто не додумался раньше? Может быть, потому, что «замораживать» аварийный реактор это все равно что ходить по краю пропасти с завязанными глазами?

При разгоне корабля из горячей зоны реактора с колоссальной скоростью выбрасывается плазма, а поэтому активность этой зоны на ходу заметно меньше, чем при холостой

работе, когда плазма «варит» саму себя без всякой полезной отдачи. Это все давно известно. Если, например, с места резко дать сразу максимальный, форсажный ход, то утечка плазмы будет такой большой, что температура горячей зоны может упасть ниже нормы, и тогда термоядерная реакция прекратится. Реактор остановится, «замерзнет», как говорят специалисты.

Да, все это давно известно, но вот Шегеля озарило, и он понял, что «заморозить» можно не только нормальный реактор, но и находящийся в аварийном состоянии. А почему бы и нет? Попытаться сбросить готовую взорваться, закритическую плазму через рабочее сопло, гонять рейдер на форсаже до тех пор, пока не «замерзнет» реактор! А уж если ничего не выйдет, то в самый последний момент катапультироваться в защитной капсуле. Конечно, полностью от проникающей радиации она не защитит и он получит добрую порцию рентген, но ведь для чего-то существует и медицина! А разве красавец рейдер, над созданием которого три года работали лучшие инженеры Земли, не стоит риска?

Да, это будет не надежная, точно рассчитанная операция, а бег по краю пропасти, риск, расчет на удачу, игра! Даже не игра, а бой. Встречный бой со стихией, рвущейся на свободу из-под контроля человека. Вряд ли честно от этого боя уклоняться.

— Командир, рискнем? — азартно спрашивал Шегель.

Ларин бросил взгляд на секундомер. Время еще есть, две с лишним минуты. И принял решение.

— Бот, я Вихрь. Катапультирую оператора.

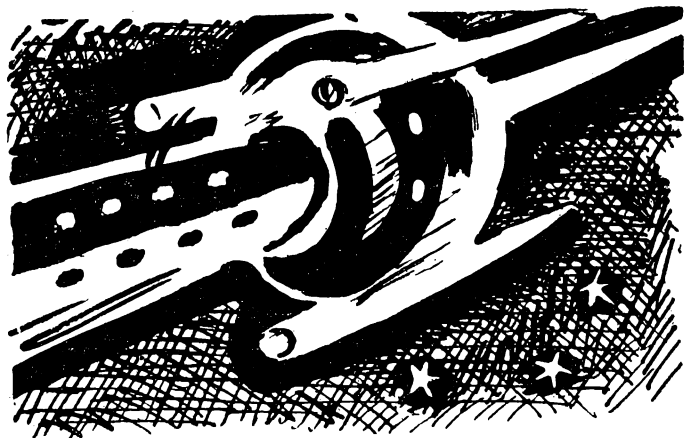
— Понял, готов.

Какое-то мгновение Ларин помедлил.

— Олег Орестович, катапультируйтесь.

— А... а вы?

Рисунки Б. ДОЛЯ

— Попробую «заморозить» реактор.

— Но это... это нечестно! Реактор мое дело! Я остаюсь! Он прав, он тысячу раз прав! И все-таки Ларин не мог оставить его на борту. Дело было даже не в человеколюбии и благородстве. «Замораживание» аварийного реактора требовало отдачи всех душевных сил, до капли, без остатка, выхода на самую грань возможного. Одним своим присутствием на борту Шегель связал бы ему руки. Ларин не сделал бы и половины того, на что был способен.

— Оператор, — решительно сказал он, — немедленно катапультируйтесь.

— Понял, — дрожащим от обиды голосом ответил Шегель.

Послышался легкий щелчок — это были отстреляны узлы крепления оператора, а потом хлопок. Ларин проследил по экрану за траекторией полета капсулы и, убедившись, что все в порядке, облегченно вздохнул. Все. Он остался на корабле один.

— Бот, оператор катапультирован. Меня не ждите.

— Вихрь, я бот. Вас не понял!

Ларин не стал повторять, не было времени.

— Спутник, я Вихрь. Имею резерв две минуты. Стартую, пробую «заморозить» реактор.

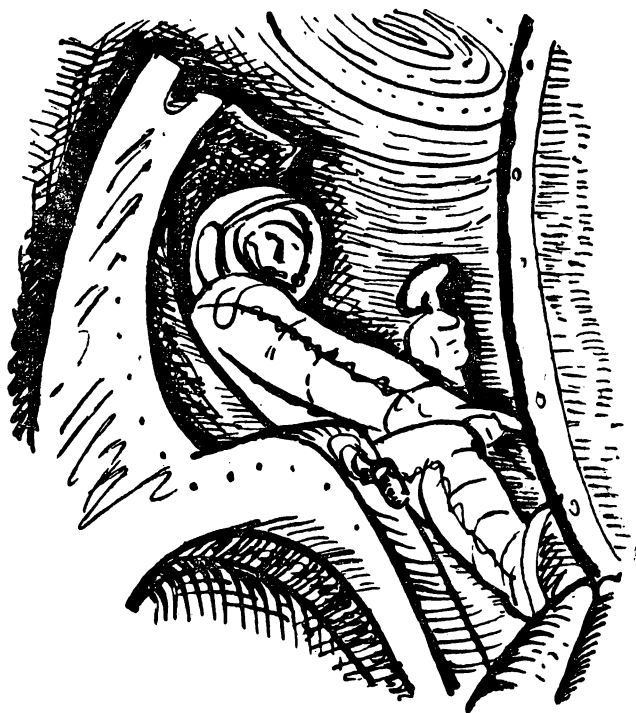
И хотя все уже было решено, какое-то короткое мгновение Ларин помедлил. Не то чтобы он колебался, пути назад не было! Просто бой за рейдер требовал отличной формы, надо было привести себя в порядок, собраться. Так медлит штангист, уже нагнувшись и обхватив гриф штанги с рекордным весом.

— Вихрь, вам одна минута. Затем срочное катапультирование!

— Понял. Пошел, не мешайте.

Ларин энергично выжал ходовую педаль. Тело сразу налилось свинцом, отяжелели веки, отвисли щеки, в глазах поплыл туман... а вот и темнота! Мгновение, и Ларин убрал ногу с педали. Рейдер рывком вышел на малый ход, провал в сознании длился доли секунды. Так и было задумано. Однако желтая лампа реактора мигает по-прежнему. А ну еще раз!

Да. Так и было задумано. Ларин сознательно шел на риск, на тонкое балансирование на самой грани дозволенного. Он знал, что сбить накал реактора, а потом и «заморозить» его можно только максимальным ускорением. Надо было жать на ходовую педаль, жать до потери сознания в самом буквальном смысле этого слова. Но в самый последний, критический момент надо было остановиться! Стоило пропустить это мгновение, стоило чуть затянуть перегрузку, как темнота в глазах могла перейти в полную потерю сознания, а в такой обстановке это равносильно катастрофе. Такая балансировка на самой грани допустимой перегрузки была смертельно опасной, требовала абсолютного самообладания и уверенности в себе, но только она одна и повышала существенно вероятность успеха этого боя.

Ларин сделал не менее десятка попыток, когда, вынырнув из темноты мгновенного небытия, заметил на приборной доске уже не желтую, а зеленую контрольную лампу. Он так сбил накал реактора! Ларин прокричал «ура», и в тот же самый момент до его слуха донесся подчеркнуто спокойный, требовательный голос руководителя испытаний:

— Ларин, я Спутник. Катапультируйтесь. Ларин, срочно катапультируйтесь.

Все, резервное время кончилось. Надо было выходить из боя. И это в тот самый момент, когда удалось сбить накал! Лучше бы тогда и не начинать, легче было бы бросить корабль. Ведь Ларин уверен — еще немного, и реактор «замерзнет». А так все напрасно: термоядерная реакция не прекратилась, плазма продолжает генерироваться, и стоит дать реактору небольшую передышку, как он снова выйдет на критический режим!

А что, если попробовать? Еще раз?

— Ларин, почему молчите? Срочно катапультируйтесь! Один-единственный, последний раз!

— Ларин, срочно катапультируйтесь!

Нет, преступно не использовать последний шанс! Ларин щелчком выключил радиостанцию — ведь просил не ме-

шать — и снова энергично выжал ходовую педаль. Когда потемнело в глазах, он не отпустил ее, как делал это в прошлых попытках, а еще чуточку прижал. Ту самую чуточку, которой, может быть, и не хватало все это время. Он ведь знал, что реактор вот-вот «замерзнет»!

Очнулся он не сразу, а словно просыпаясь после глубокого сна. Очнулся и некоторое время недоуменно смотрел на приборную доску. Потом разом вспомнил все, и сердце у него екнуло — значит, все-таки не удержался на тонкой грани дозволенного! Глаза его привычно обежали контрольные приборы и остановились на ярком красном огне. Это был злой, угрожающий сигнал. Глядя на него, Ларин понял, что проиграл бой. Проиграл в самый последний момент, когда победа была рядом, рукой подать. Проиграл бездарно — перестарался. Пока он был без сознания, реактор успел выйти на закритический режим. Взрыв мог произойти буквально каждый миг, катапультироваться было бессмысленно.

Странно, но Ларин не испугался. Он слишком измотался. Чувства его притупились так, словно по ним прошлись грубым рашпилем. Глаза заливал пот, от перегрузок ныли кости, голова была тяжелой, как после бессонной ночи. Что взрыв? Это нестрашно. Он ничего не успеет почувствовать. Просто исчезнет. В тысячные доли секунды температура подскочит до нескольких сот миллионов градусов. Все испарится — реактор, рейдер и он, Ларин. Все превратится в первозданные атомы. Ларин закрыл глаза и обессиленно откинулся на спинку кресла.

И вдруг теперь, когда борьба была уже завершена, когда Ларину ничего больше не оставалось, как сидеть и ждать неизбежного, страх смерти внезапно и властно затопил каждую клеточку его большого, живого тела! Он не хотел умирать. Это было жестоко и несправедливо! Сжимая челюсти до боли в зубах, Ларин из последних сил сдерживал ужас перед небытием. «Скорее же, скорее!» — торопил и молил он ядерный взрыв. Но взрыва все не было. Тогда он открыл глаза и как в тумане увидел перед собой приборную доску. Пот заливал глаза и мешал видеть. Ларин тряхнул головой и почувствовал, как бешено, мощными толчками забило сердце. Контрольная лампа реактора не горела. Не горела совсем! Реактор «замерз»! Красный сигнал горел на щитке командной радиостанции. Он горел потому, что его звал и никак не мог дозваться старт-спутник. Только измотав себя перегрузками, Ларин мог попасть в такой просак!

Ларин потянулся к выключателю радиостанции, но рука не послушалась. Она была чужой, незнакомой, она крупно дрожала, и Ларин ничего не мог поделать с этими странными, не своими движениями. Нахмутив брови, он с трудом подчинил себе руку и дотянулся до выключателя.

— Ларин! Немедленно катапультируйтесь! — отчаянно кричал руководитель испытаний.

Прямо ладонью Ларин вытер мокрое лицо и, откинувшись на спинку кресла, передохнул. Потом нажал кнопку внешней связи.

— Спутник, я Вихрь, — начал Ларин и замолчал, удивляясь тому, каким огромным и неповоротливым стал у него язык.

— Спутник, я Вихрь, — повторил Ларин, старательно выговаривая каждое слово. — Реактор заморожен. Хода не имею. Прошу буксир.

После мгновенья тишины космос взорвался нестройным хором криков. Говорили и кричали разом и руководитель испытаний, и его дублер, и спасательный бот, и даже главная рация старт-спутника.

— Ура!

— Победа!

— Слава Ларину!

А потом глухо прозвучал чей-то слабый, сдавленный голос, и наступила оглушающая тишина. Только шорох далеких и древних инозвездных шумов нарушал ее. И в этой тишине все тот же слабый голос с трудом проговорил:

— Ан... Ан... Андрей Николаевич!

Ларин узнал голос Шегеля. И мягко, устало улыбнулся.

Д. БИЛЕНКИН

ДАВЛЕНИЕ ЖИЗНИ

Научно-фантастический рассказ

и шел по красной холодной равнине уже вторые сутки — прямо, только прямо. На нем был приметный ярко-синий комбинезон, но надеждой, что его найдут, он не обольщался. Это было бы чудо, если бы в однообразный свист марсианского воздуха вторглось гудение мотора.

Он шел походкой заводного автомата — мерной, экономящей силы: шесть километров в час, ни больше ни меньше. Мысли тоже были подчинены монотонному ритму. Из пройденного пути в память запали какие-то обрывки; все остальное слилось в туманную полосу, а прежняя жизнь отдалилась куда-то в бесконечность, сделалась маленькой и нереальной, как пейзаж в перевернутом бинокле.

Зато и страха не было. Было тупое движение вперед, была тупая усталость в теле и тупая бесчувственность в мыслях. Лишь все сильнее болело левое плечо, перекошенное тяжестью кислородного баллона (правый уже был израсходован и выброшен). А так все было в порядке: он был сыт, не испытывал жажды, электрообогрев работал безукоризненно, ботинки не терли и не жали. Ему не надо было бороться с угасанием тела, лишенного притока жизненной энергии, не надо было ползти из последних сил, повинаясь уже не разуму, а инстинкту. Техника даже теперь избавляла его от страданий.

Снова и снова он машинально поправлял сумку, чтобы уравновесить нагрузку на плечо. Всякий раз, когда он это делал, положение головы изменялось, и свист ветра в ушах (точнее, в шлемофонах) то усиливался, то спадал. Несмотря на ветер, воздух был чист и прозрачен, близкий горизонт очерчивался ясно, фиолетовое небо, как и почву, прихватывал мороз, отчего редкие звезды в зените горели бестрепетно и сурово.

Он еще испытывал удовольствие, пересекая невысокие увалы. Подъем был не крут, он не сбавлял шагу, а при спусках даже ускорял и радовался, что холмы помогают идти быстрее, хотя это был явный самообман, и он знал это. В детстве он любил воображать, что не идет, а едет; что он сам автомобиль, и вместо ног у него четыре колеса. Приятно было самому себе «наддавать газ», то есть идти быстрее, «выворачивать руль», избегая столкновения с прохожим, и «жать на тормоза». Сейчас он тоже казался себе машиной.

Постепенно отбрасываемая им тень удлинялась. Чем ниже опускалось солнце, тем красней делалась равнина. Склоны увалов пламенели. Но за неровностями уже копились сумерки. Они затаились там, словно бархатные лапы хищника. Ветер как-то незаметно смолк. Все оцепенело, и на Севергина — так его звали когда-то, но теперь это не имело значения — повеяло той тревогой, которая предшествует приходу ночи, когда человек одинок и беззащитен среди пустыни.

Он посмотрел на солнце и почувствовал невыразимую тоску. Значит, он все-таки надеялся в глубине души, что его спасут... Конец светлого дня означал конец надежды.

Издали от синюшных вздутий эретриума, пересекая тени, прокатилось что-то живое, приблизилось к Севергину. Взгляд маленьких розово блеснувших глаз зверька уколол человека. Севергин положил руку на пистолет. Но зверек, удостоверив-

шись в присутствии чужака, не задерживаясь, побежал по своим делам. Какой-то мудрый инстинкт, видимо, подсказал животному, что это двуногое не имеет отношения к Марсу, что оно случайно здесь, случайно живо и не случайно исчезнет еще до того, как солнце вновь окрасит равнину.

Севергин чуть не выстрелил животному вслед, так ему стало жалко себя! Кто-то словно перевернул бинокль, и прошлое ожило. То прошлое, которое предрешило все. Почему именно его природа сделала не таким, как все? Почему, почему?

Наклонив голову и почти обезумев, он побежал навстречу крадущимся теням. Мышцы, как он и ожидал, тотчас налились свинцом, но он гнал и гнал себя вперед, точно казня свое тело.

Метров через сто он сдался. Любой другой человек его возраста и здоровья осилил бы и тысячу. А ему хватило ста, чтобы изнемочь.

Так было всегда.

Он родился не таким, как все. Беда была не в том, что он, скажем, не мог есть хлеба — тысячи людей не могут есть чего-то: кроме неудобств, это ничего не создает. Природа отдала ему в более важном — в силе. Он был не болезненней других ребят, но сдыхал на стометровке, не мог подтянуться на турнике, плакал, пытаясь одолеть шведскую стенку.

Нет, ему были доступны длительные физические нагрузки, такие, как ходьба на большие расстояния. Дело было в другом. На мотор, пока он не разработался, ставят ограничитель. А вот в его организме такой ограничитель был поставлен навечно. Он не был способен на усилия резкие, требующие большого выхода энергии, как привернутый фитиль не способен на яркое пламя.

Сверстники снисходительно жалели его, а учителей физкультуры он доводил до изнеможения. Они все надеялись, что смогут развить его организм обычными приемами. Физкультура была кошмаром детства и юности Севергина. При виде брусьев, колец он трясся, как осужденный на пытку. «Давай, давай!» — кричали ему ребята в этих пропахших потом и пылью физкультурных залах. И он заранее мертвел, зная, каким смехом (беззлобным, но оттого не менее обидным) они встретят его нелепый, позорный прыжок через «козла».

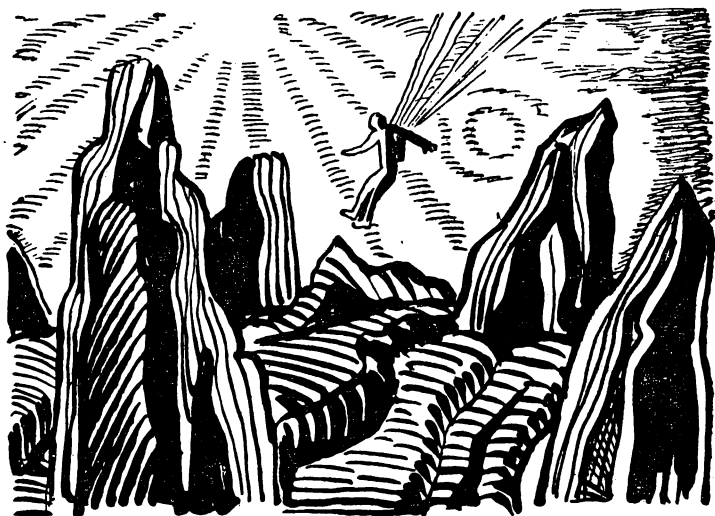
Спас его четвертый или пятый по счету врач, к которому отвели его встревоженные родители. Этот врач не нашел ничего ни в сердце, ни в легких, как и другие врачи, но не пожал плечами, не посмотрел на мальчика как на симулянта, а спокойно сказал:

— Отклонения в обмене веществ, похоже, генетические. Исправлять их мы научимся не скоро. Не огорчайтесь. Составим для вас особую программу физических упражнений. Футболистом вам не быть, а в остальном...

Кошмар рассеялся навсегда.

Вот чем все это кончилось — печально гаснущей равниной Марса, сумасшедшим бегом от самого себя...

Севергин заставил себя лечь, устроил ноги повыше, чтобы они лучше отдохнули. Эти простые движения успокоили его. Вспышка отчаяния вернула ему трезвость.

Рисунки В. КОЛОТОВОЗА

Он сам во всем виноват, обвинять некого. Он сам бросил судьбе вызов, отправившись на Марс. Не так, разумеется, как в детстве, когда, ревя от злости, он вновь и вновь хватался за штангу, надеясь, что в этот раз она поддастся его бешеным усилиям. О таких схватках прославленный доктор микробиологии и думать забыл! Он уже давно жил в мире, где все решал ум, а физические достоинства не имели значения. Там он был на месте, более чем на месте. Не удивительно, что именно его, а не другого попросили срочно прибыть на Марс, чтобы разобраться в тревожном поведении кристаллобактерий, необъяснимо преодолевших фильтры водоочисток. Плевать всем было на то, может он или нет подтянуться на турнике: Марсу требовался его ум, а не мускулы.

Он мог бы отказаться, но не сделал этого. Избранником прийти на Марс, приблизиться к тому переднему краю, где человек ведет суровую борьбу за выживание, — мог ли он отказаться от столь блистательного реванша за унижения детства? Чтобы почувствовать себя таким избранником, надо было закрыть глаза лишь на ничтожный пустяк. А именно: никто — ни люди, ни обстоятельства заведомо не требовали от него на Марсе рукопашного боя с природой. Там, как и на Земле, он оставался пассажиром корабля, именуемого цивилизацией, и от штормов его отделяли надежные иллюминаторы.

Возможность аварии исключалась. Разве капитан, беря пассажиров на борт, спрашивается об их умении плавать?

...Он летел из Сезоастриса в Титанус, сидя в мягком кресле крохотной автоматической ракеты, которая сама взлетает, сама садится и вообще все делает сама. Он сидел в кресле и читал. Очнулся он, лишь когда увидел приближающиеся снизу

скалы. Он не заметил и теперь никогда не узнает, что испортилось в механизме. Но и падая, ракета позаботилась о нем: катапульты вышвырнула его, прежде чем он успел сообразить, что произошло.

Одного не смогла сделать автоматика — уберечь его при парашютировании от удара о скалу (но ведь и самая заботливая мать не всегда уберегает ребенка от ушиба!). К счастью, удар пришелся не по Севергину, а по сумке с аварийным запасом. Рация превратилась в винограду, посеребренный осколками кофейного термоса, но все остальное уцелело, в том числе и драгоценная планкарта, позволяющая точно определяться в любой местности.

Он определился, как только пришел в себя. Все было и очень хорошо и очень плохо. Он находился в южной части хребта Михайлова, в стороне от трассы, которой следовала ракета, и вне зоны радарного наблюдения. Это означало, что место его падения Сезоастрису не удалось засечь даже приблизительно. Зато он был всего в ста шестидесяти километрах от поселка геологов. Баллоны скафандра и аварийного запаса обеспечивали тридцать шесть часов дыхания. Таблетки, снимающие сон, тоже были. Гористая местность кончалась километрах в семи от места падения, и горы тут были ни слишком крутыми, ни слишком высокими — вполне туристские горы. Прекрасно! Часов за шесть он пересечет горы, дальше начнет равнина, где вполне можно держать среднюю скорость равной пяти с половиной километрам в час. Он успеет дойти. Ведь идти — не бежать, тут его организм не подведет.

В какой-то момент он даже обрадовался: он на самом деле возьмет реванш!

Севергин расселся вокруг места аварии приметную сверху флюоресцирующую краску и бодро двинулся в дорогу.

Он забыл, что даже в невысоких горах, если не хочешь удлинить свой путь впятеро, надо кое-где карабкаться отвесно вверх, перепрыгивать через трещины, подтягиваться на руках, то есть делать все то, что делать он был не способен.

На преодоление первых семи километров ушло пятнадцать часов, тогда как любой парень со значком туриста потратил бы на его месте от силы шесть-восемь!

Дальше он шел, уже зная, что дойти не успеет.

...Маленькое марсианское солнце коснулось края равнины. Вытянувшаяся тень Севергина скакнула за горизонт. Надо было идти, чтобы ритм движения усыпил разыгравшиеся эмоции.

Он не прошел и километра, как равнина потускнела. Но в вышине неба одно за другим вспыхивали незримые днем перистые облака, будто кто-то трогал их, беря аккорды цветомузыки. Золотистые, лиловые, красные — тона были нежные, легкие, прозрачные, — они плыли в фиолетовом хрустале неба лепестками невесомых цветов.

Севергин поднял голову и долго шел так, улыбаясь чему-то и поражаясь тому, что улыбается...

Вскоре небо почернело. Но темнота длилась недолго: поднялся Деймос. Почва слегка засеребрилась, и холодок, охва-

тывающий колени при каждом шаге, когда ткань натягивалась, сделался ощутимей. Севергин усилил электрообогрев.

Равнина стала плоской, как разостланная скатерть, но кое-где ее узенькими мазками туши пятнали тени, отброшенные редкими стрелками сафара — унылой порослью марсианской травы. Неожиданно Севергин заметил, что старается не наступать на растения, и удивился, откуда в нем взялась эта бережность.

Потом он вспомнил откуда. Хмурым и ветреным апрельским днем он шел однажды дубовым лесом. Деревья стояли по-зимнему нагие, корявые, землю устилали ломкие листья, и под ногами хрустели желуди, такие же коричнево-серые, как и листья. Хруст давимых желудей был чем-то приятен слуху. В нем отзывалась мощь шагов уверенного в себе человека, вес его здорового, сильного тела.

Так шел он, пока среди жухлой травы ему не бросилась в глаза какая-то бледно-зеленая звездочка. Он с удивлением нагнулся: то оказался росток желудя, уже вцепившийся в холодную землю. И тут он увидел, что вокруг таких звездочек много, что они везде и что он шагал по ним тоже.

На цыпочках он поспешил покинуть лес.

Как тогда, Севергин остановился и нагнулся перед стрелкой сафара. Почему-то рассмотреть травинку показалось ему делом более важным, чем все другие.

Стебель сафара был похож на ржавую проволоку, косо воткнутую в мерзлый грунт. Он был прочней стальной проволоки, его нельзя было раздавить, как желудь, Севергин это знал. Но сафар так же ждал часа своего пробуждения, как и желудь. В этой разреженной, бедной кислородом и теплом атмосфере ему тоже была уготована весна. Он не прозябал, он прекрасно жил в среде, смертельной для всего земного, если только оно не было ограждено скафандром или стенами теплицы.

С этим тоже следовало смириться.

Внезапно от стебля сафара пролегла вторая тень, тонкая, как вязальная спица. Выходил Фобос.

Севергин выпрямился. Его окружала ярко освещенная равнина. Узкие сдвоенные тени лежали на ней черной клинописью. Севергин, осеребренный лунами, возвышался над темными письменами, как памятник.

И все-таки рядом с ним была жизнь. Сколько раз, вглядываясь в резко очерченное поле микроскопа, он восхищался ее стойкостью! Часто предметное стекло напоминало поле битвы, так густо его усеивали трупы бактерий, убитых ядами, ультрафиолетом, радиацией. Ни проблеска движения, вот как сейчас. Но это был обман. Один организм из миллионов, один из миллиардов нередко оказывался цел и давал начало новой мутационной расе. То неведомое, что отличало его от всех, торжествовало победу над обстоятельствами и отвоевало для жизни новую сферу там, где, казалось бы, не существовало никакой зацепки.

Так было всегда. Зародившись в воде, земная жизнь овладела сушей, вышла в воздух, спустилась в глубины пластов. Кто знает, может быть, через сотни миллионов лет и без человека ее

давление выбросило бы семена новых всходов в космос, перенесло их на другие планеты? Почему бы и нет? Суша для обитателей моря тоже была гибельной пустыней. Но волна за волной, влекомые обстоятельствами, они шли на приступ, и на триллионы погибших всегда приходились одиночки, не такие, как все, которые смогли уцелеть в новой среде.

Единственный случай, когда их существование оправдывалось! Ибо в привычных условиях эти же десантники скорей других обрекались на гибель. Когда стая птиц попадает в буран, то смерть выбирает жертвы не слепо. Выверенный миллионными лет эволюции стандарт может противостоять бурану именно потому, что в его отшлифовке участвовали тысячи буранов прошлого. Но горе тем, кто нестандартен!

Он, Севергин, был нестандартен, и потому горы победили его, а не он их. Техника позволила людям почти избежать потерь при движении к другим мирам. Если бы она всегда была безотказной, потерь не было бы вовсе. Но, увы, щит не был и не мог быть абсолютным...

Севергин внезапно понял, почему из всего, о чем он мог думать в свои последние часы, он думал об этом. Бессознательно, невольно он искал утешения. Так он устроен. Как будто от этого легче!

Безбрежная тишина стояла вокруг него. Луны сблизились и смотрели с высоты пристально, как два глаза. Всякое движение в этом замершем мире казалось святотатством. Севергин ускорил шаг.

Теперь он не сделает этого. В ту минуту, когда начнется удушье, он не вынет пистолет и не застрелится. Живым не все равно, как он погибнет. Что-то больно ударит по друзьям, если его найдут с дыркой в сердце. Пример малодушия? Не то... Просто человек обязан бороться до последнего вздоха. Мера стойкости человечества зависит от меры стойкости каждого, вот и все.

Теперь он шел и думал о друзьях, о тех, кого любил, о том, что сделал и чего не сделал. Многие из того, что раньше казалось важным, стало теперь совсем неважным. Не все опо-

ра человеку, когда приходит смерть. Человек жив тем хорошим, что сделал он для людей. Лишь дружба, благодарность и любовь могут поддержать и успокоить, когда наступает время подвести итог. Особенно любовь. Сейчас он стал бы жить совсем-совсем иначе — доброжелательней к другим, заботливей, чище, если бы это было возможно!

Поздно.

Фобос закатился. Подул ветерок, уже предрассветный. Значит, он дождется утра. Почему-то ему хотелось, чтобы это случилось при свете солнца.

Но тут в регуляторе давления воздуха трижды щелкнуло.

Он похолодел. Сигнал, предупреждающий, что кислород иссякнет через десять минут. Конец.

Немеющие ноги сами усадили его на побелевший от инея камень. Небо у горизонта чуть поблекло, но до восхода солнца было еще далеко.

Может быть, выключить обогрев и замерзнуть? Говорят, что это походит на сон.

И вдруг ему невероятно, неистово захотелось жить! Он не успел, не доделал, не исправил, недолюбил — он не мог исчезнуть просто так!

Он вскочил. И задохнулся. словно ко рту прижали маску! И все же пошел. Легкие вздымались и опадали — чаще, чаще, их сводила боль, горло сжалось в хрипе, он упал на колени и все равно пополз. И когда сознание потемнело, а тело забилося в конвульсиях, он рванул напрочь шлем и глотнул марсианского ветра, как тонущий глотает воду, потому что не глотнуть ее он не может.

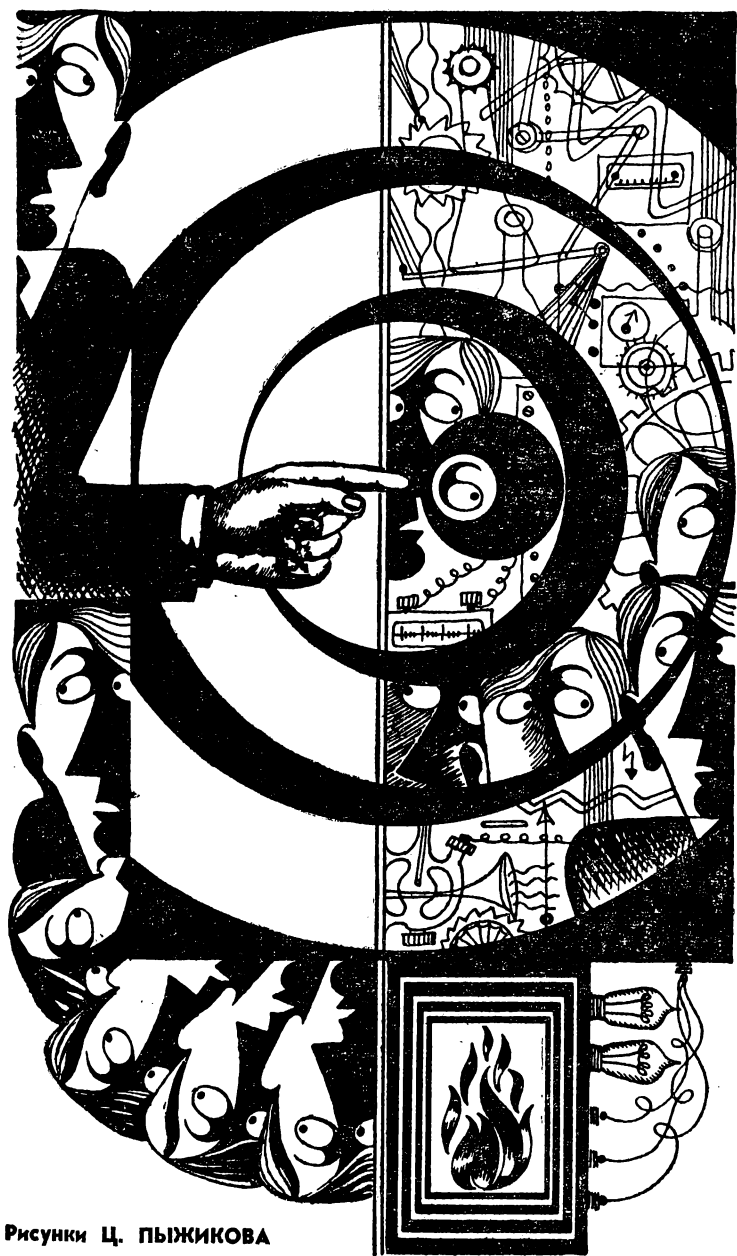
В легкие прошел холодок, боль последней вспышкой озарила мозг, и все погасло.

Погасло, чтобы снова замерцать. Он очнулся от судорог, выворачивающих легкие, и увидел перед глазами что-то красное, колышущееся.

С невероятным усилием он поднял голову. Было уже светло. И он полз! И он дышал марсианским воздухом! Его организм был не таким, как все: он выжил!

Он даже не осознал этого. Он продолжал ползти. Он полз яростно, упорно, слепо — все вперед и вперед, туда, где были люди.

Рисунки Ц. ПЫЖИКОВА

А МЫ ЛЕЗЕМ В ОКНО

Юмореска

орогой мистер Пол!

К сожалению, я, Уильям Койн, не могу прислать Вам на рассмотрение рукопись по причинам, которые, как Вы скоро поймете, совершенно от меня не зависят. Самое большее, на что я способен, располагая столь ограниченным временем и ограниченными возможностями, — это как можно яснее изложить события в данном письме, надеясь при этом, что у Вас хватит терпения и смекалки на то, чтобы разглядеть в моей проблеме тему для потрясающего рассказа. Быть может, поняв всю важность и необычность возникшей у меня ситуации, Вы согласитесь написать этот рассказ сами, удержав в свою пользу 50% (пятьдесят процентов) выручки, что представляется мне достаточно справедливой долей: Вам ведь не придется ломать себе голову над темой. А если Вы слишком заняты, чтобы самому написать этот рассказ, можете поручить это одному из Ваших постоянных авторов, в каком-либо случае тот должен будет проделать ту же работу, однако я выплачу ему только 40% (сорок процентов) продажной цены. Но поскольку, как Вы увидите, эта тема стоит миллион долларов, никто тут не останется в накладе, при условии, что Вы поспешите.

На прошлой неделе я, Уильям Койн, изобрел машину времени. Да, да, я по своим чертежам создал первую машину времени. Я, Уильям Койн, в возрасте двадцати девяти лет, безработный и проживающий сейчас в очень тесном помещении. Я выстроил ее своими руками в этой трехкомнатной меблированной квартире в Уэст-Сайде Манхэттена, мотаясь как угорелый между раковиной в коридоре и спальней, потому что, подобно моему собственному телу, механизм на 85 процентов состоит из недиетилированной воды. Строительство машины прошло успешно, если учесть, что я фактически ни уха ни рыла не смыслю в электронике и вообще-то мое знакомство с наукой ограничивается курсом средней школы, который я прошел, чтобы получить диплом. Я там у них не числюсь в особо успешных. Просто вместо того чтобы делом заниматься, я все больше копаюсь в том, что меня не касается, — так, видно, я и докopaлся до этой машины.

Это очень простое устройство, мистер Пол, и на редкость

удачное; единственный его недостаток — это крайне ограниченный радиус действия. Пока что я могу переместиться в прошлое только на четыре месяца, а в будущее — на семнадцать минут; у него еще плоховато сградуирована шкала перемещений во времени, и я ни на секунду не могу покинуть существующее на данный определенный момент временное поле. Это первая модель, и впоследствии ее необходимо будет усовершенствовать, на что пойдет часть выручки за рассказ, который Вы обо мне напишите.

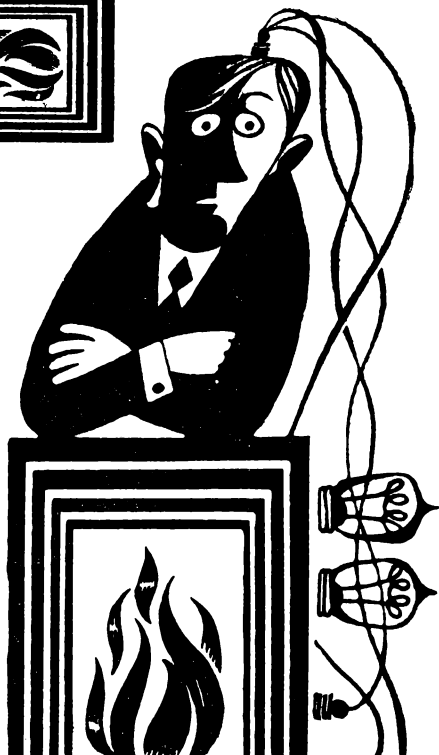
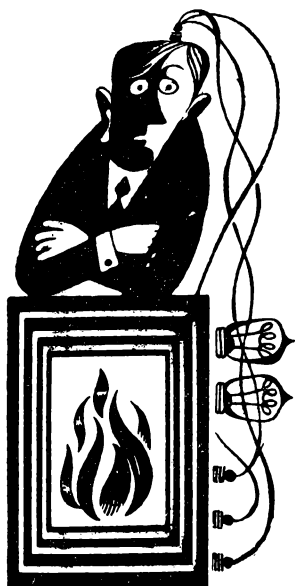
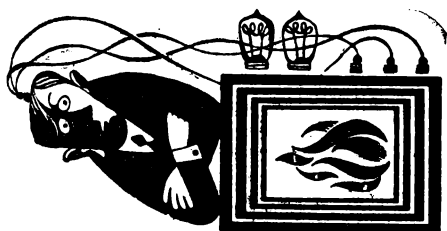
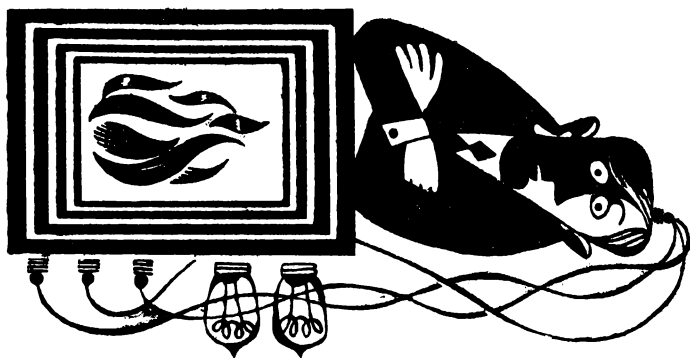
Однако, несмотря на все эти трудности, машина работает безотказно. Как раз в прошлый вторник я забросил себя на три месяца в прошлое, нашел на письменном столе газету за соответствующее число, а также свою собственную смиренную оболочку, оболочку Уильяма Койна, который бился на кровати, как припадочный. Жуть, что я пережил, впервые встретившись с самим собой; здорово меня тогда пробрало. Но, вернувшись с помощью машины в настоящее время, не успел я оглядеться, как откуда ни возьмись нахально появляется мой двойник: отчаянно жестикулируя, подзывает меня к себе и шепотом просит, чтобы я был так любезен ровно через четыре минуты переместиться на четыре минуты в прошлое. После этого он — я — исчезает.

Натерпелся же я страху, скажу я Вам, беседуя с самим собой, Уильямом Койном, в своей собственной квартире. Тем не менее я отсчитал четыре минуты и отправился в машину назад; тут я встретил более ранний вариант своей особы и попросил его — то есть себя — через четыре минуты переместиться на четыре минуты в прошлое. Такие вот пироги.

Ладно, ладно, мистер Пол, я знаю, о чем Вы сейчас думаете. Вы говорите себе, что для Вас и Ваших авторов это такое старье, которое давно в зубах навязло [хотя в моем — Уильяма Койна — случае это абсолютная стопроцентная (100%) правда, и что Вы уже рассматривали эту тему с тысячи (1000) сторон. Я тоже почитываю научную фантастику, вернее — читал раньше, до того, как влип в эту историю. И все же не отворачивайтесь от меня, мистер Пол. Есть парочка деталей, о которых я еще не успел Вам рассказать и которые объяснят, почему эта ситуация — лакомый кусок для такого хорошего человека, как Вы.

Вы, конечно, уже догадались, как ко мне попали чертежи машины времени. Совершенно верно, однажды, несколько месяцев назад, я проснулся утром и обнаружил на своем туалетном столике записи, нацарапанные моим собственным почерком (именно этим я и занимался, когда первый раз послал себя в прошлое). Таким образом, я воспользовался уже готовыми чертежами. Поэтому мне думается, что на самом деле я вовсе не изобрел ее — или мы изобрели ее всей компанией. Само по себе это не так уж важно, мистер Пол, только ведь из этого следует, что я далеко не гений-изобретатель и поэтому мне в моем нынешнем состоянии срочно требуется помощь.

Видите ли, беда в том, что, как я упомянул выше, у машины еще как следует не сградуирована шкала временных перемещений и всякий раз, когда я возвращаюсь в настоящее время,

я не попадаю в истинно настоящее время, а отклоняюсь от него в ту или иную сторону на несколько секунд или минут. Поэтому теперь, когда я забрасываю себя в будущее, я вечно носом к носу сталкиваюсь с самим собой, а когда я кидаюсь назад, пытаюсь попасть в точно намеченное время, я только еще больше осложняю обстановку. То же самое происходит, когда я посылаю себя в прошлое: я неизменно натыкаюсь на свой двойник.

И вот к чему все это свелось: теперь я постоянно встречаюсь с самим собой, и чем больше я стараюсь исправить это, тем больше все запутываю. Теперь я уже просто боюсь прыгать туда-сюда во времени, мистер Пол, — чем больше я трачу усилий на то, чтобы как-то выправить эту ситуацию, тем она становится хуже.

Итак, мистер Пол, дело в том, что сейчас в этой квартире нас уже около трехсот (300). Каждый, как идиот, валандается со своей маленькой машиной времени и всем в равной степени не везет. Я имею в виду, что сам-то я уже прекратил все попытки исправить положение, но большинство остальных еще для этого не созрели... чтобы прийти к такому решению, им нужно испытать все на собственной шкуре, а пока нас становится все больше и больше. К примеру, в настоящий момент нас уже 310 (триста десять), и в последние несколько минут я мог бы одолжить пишущую машинку у 53 своих двойников, которые все, как один, дружно потеют над письмами с просьбой о помощи.

По всем статьям, мистер Пол, нас вот-вот должны отсюда выселить за перенаселенность, да вдобавок у нас тут уже не осталось ни крошки съестного, и будь здоров какая теснотища. А когда кто-нибудь из нас отправляется за провизией, не похоже, чтобы из этого хоть раз что вышло... впрочем, все равно это бы нас не выручило, ведь когда заварилась эта каша, у меня в кармане было всего 2 цента (два цента), а чтобы прокормить только десять из нас, нас должно быть несколько тысяч, — надеюсь, вы понимаете, что я хочу этим сказать.

Таково мое положение, положение Уильяма Койна. Как мне (нам) быть? Дело в том, что нам позарез необходимо как можно быстрее сколотить на этой машине капитал, но поскольку мы намертво застряли во временном поле, как, спрашивается, нам удастся это повернуть? Мы только и делаем, что встречаемся друг с другом, приходится до одурения все объяснять заново, и каждый уже на пределе. Пожалуйста, если Вы не сможете это сделать сами, не будете ли Вы так добры попросить одного из ваших авторов написать обо мне (о нас) рассказ и поскорей выслать нам деньги. Очень уж нам всем тут худо.

С надеждой

УИЛЬЯМ КОЙН
УИЛЬЯМ Койн
Уильям Койн...

Перевод с английского С. ВАСИЛЬЕВОЙ

ЛЕД И ПЛАМЯ

Фантастический рассказ

I

Ночью родился Сим. Он лежал, хныкая, на холодных каменных пещеры. Кровь толчками пробегала по его телу тысячу раз в минуту. Он рос на глазах.

Мать лихорадочно совала ему в рот еду. Кошмар, именуемый жизнью, начался. Как только он родился, глаза его наполнились тревогой, которую сменил безотчетный, но оттого не менее сильный, непреходящий страх. Он подавился едой и расплакался. Озираясь кругом, он ничего не видел.

Все тонуло в густой мгле. Постепенно она растаяла. Проступили очертания пещеры. Возник человек с видом безумным, диким, ужасным. Человек с умирающим лицом. Старый, высушенный ветрами, обожженный зноем, будто кирпич. Съежившись в дальнем углу, сверкая белками скошенных глаз, он слушал, как далекий ветер завывает над скованной стужей ночной планетой.

Не сводя глаз с мужчины, поминутно вздрагивая, мать кормила сына плодами, скальной травой, собранными у провалов сосульками. Он ел и рос все больше и больше.

Мужчина в углу пещеры был его отец! На его лице жили еще только глаза. В иссохших руках он держал грубое каменное рубило, его нижняя челюсть тупо, бессильно отвисла.

Позади отца Сим увидел стариков, которые сидели в уходящем в глубь горы туннеле. У него на глазах они начали умирать.

Пещера наполнилась предсмертными криками. Старики таяли, словно восковые фигуры, провалившиеся щеки обтягивали острые скулы, обнажались зубы. Только что лица их были живыми, подвижными, гладкими, как бывает в зрелом возрасте. И вот теперь плоть высыхает, истлевает.

Сим заметался на руках у матери. Она крепко стиснула его. — Ну, ну, — успокаивала она его тихо, озабоченно поглядывая на отца — не потревожил ли его шум.

Быстро прошлепали по камню босые ноги, отец Сима бегом пересек пещеру. Мать Сима закричала. Сим почувствовал, как его вырвали у нее из рук. Он упал на камни и покотился с визгом, напрягая свои новенькие, влажные легкие!

Над ним вдруг появилось иссеченное морщинами лицо отца и занесенный для удара нож. Совсем как в одном из тех кошмаров, которые преследовали его еще во чреве матери. В течение нескольких ослепительных, невыносимых секунд в мозгу Сима мелькали вопросы. Нож висел в воздухе, готовый его вот-вот погубить. А в новенькой головке Сима девятым валом всколыхнулась мысль о жизни в этой пещере, об умирающих людях, об увядании и безумии. Как мог он это осмыслить? Новорожденный младенец! Может ли новорожденный вообще думать, видеть, понимать, осмысливать? Нет. Тут что-то не так! Это невозможно. Но вот же это происходит с ним. Прошел всего какой-нибудь час, как он начал жить. А в следующий миг, возможно, умрет!

Мать бросилась на спину отца и оттолкнула в сторону руку с оружием.

— Дай мне убить его! — крикнул отец, дыша прерывисто, хрипло. — Зачем ему жить?

— Нет, нет! — твердила мать, и тщедушное старое тело ее повисло на широченной спине отца, а руки силились отнять у него нож. — Пусть живет! Может быть, его жизнь сложится по-другому! Может быть, он проживет дольше нашего и останется молодым!

Отец упал на спину подле каменной люльки. Лежа рядом с ним, Сим увидел в люльке чью-то фигурку. Маленькая девочка тихо ела, поднося еду ко рту тонкими ручками. Его сестра.

Мать вырвала нож из крепко стиснутых пальцев мужа и встала, рыдая и приглаживая свои всклокоченные седые волосы. Губы ее подергивались.

— Убью! — сказала она, злобно глядя вниз на мужа. — Не трогай моих детей.

Старик вяло, уныло сплюнул и безучастно посмотрел на девочку в каменной люльке.

— Одна восьмая ее жизни уже прошла, — проговорил он, тяжело дыша. — А она об этом даже не знает. К чему все это?

На глазах у Сима его мать начала преображаться, становясь похожей на смятый ветром клуб дыма. Худое, костлявое лицо растворилось в лабиринте морщин. Подкошенная мукой, она села подле него, трясаясь и прижимая нож к своим высохшим грудям. Как и старики в туннеле, она тоже старилась, смерть наступала на нее.

Сим тихо плакал. Куда ни погляди, его со всех сторон окружал ужас. Мысли Сима ощутили встречный ток еще чьего-то сознания. Он инстинктивно посмотрел на каменную люльку и наткнулся на взгляд своей сестры, Дак. Два разума соприкоснулись, будто шарящие пальцы. Сим позволил себе расслабиться. Ум его начинал постигать.

Рисунки В. КОЛТУНОВА

Отец вздохнул, закрыл веками свои зеленые глаза.

— Корми ребенка, — в изнеможении сказал он. — Торопись. Скоро рассвет, а сегодня последний день нашей жизни, женщина. Корми его. Пусть растет.

Сим притих, и сквозь завесу страха в его сознание начали просачиваться картины.

Эта планета, на которой он родился, была первой от солнца. Ночи на ней обжигали морозом, дни были словно языки пламени. Буйный, неистовый мир. Люди жили в недрах горы, спасаясь от невообразимой стужи ночей и огнедышащих дней. Только на рассвете и на закате воздух ласкал легкие дыханием цветов, и в эту пору пещерный народ выносил своих детей на волю, в голую каменную долину. На рассвете лед таял, обращаясь в ручьи и речушки, на закате пламя остывало и гасло. И пока держалась умеренная, терпимая температура, люди торопились жить, бегали, играли, любили, вырвавшись из пещерного плена. Вся жизнь на планете вдруг расцветала. Стремительно тянулись вверх растения, в небе брошенными камнями проносились птицы. Мелкие четвероногие лихорадочно сновали между скал; все стремилось приурочить свой жизненный срок к этой быстротечной поре.

Невыносимая планета! Сим понял это в первые же часы после своего рождения, когда в нем заговорила наследственная память. Вся его жизнь пройдет в пещерах, и только два часа в день он будет видеть волю. В этих наполненных воздухом каменных руслах он будет говорить, говорить с людьми своего племени, без перерыва для сна будет думать, думать, будет грезить, лежа на спине, но не спать.

И вся его жизнь продлится ровно восемь дней.

Какая жестокая мысль! Восемь дней. Восемь коротких дней. Невероятно, невозможно, но это так. Еще во чреве матери далекий голос наследственной памяти говорил Симу, что он стремительно формируется, развивается и скоро появится на свет.

Рождение мгновенно, как взмах ножа. Детство пролетает стремительно. Юношество — будто зарница. Возмужание — сон, зрелость — миф, старость — суровая быстротечная реальность, смерть — скорая неотвратимость.

Пройдет восемь дней, и он будет вот такой же полуслепой, дряхлый, умирающий, как его отец, который сейчас так подавленно глядит на свою жену и детей.

Этот день — одна восьмая часть всей его жизни! Надо с толком использовать каждую секунду. Надо усвоить знания, заложенные в мозгу родителей.

Потому что через несколько часов они будут мертвы.

Какая страшная несправедливость! Неужели жизнь так коротка? Или не грезилась ему в преддродовом бытии долгая жизнь, не представлялись вместо раскаленных камней волны зеленой листвы и мягкий климат? Но раз ему все это виделось, значит, в основе грез должна быть истина? Как же ему искать и обрести долгую жизнь? Где? Как выполнить такую огромную и тяжелую задачу в восемь коротких, быстротекущих дней?

И как его племя очутилось в таких условиях?

Вдруг, словно нажали какую-то кнопку, в мозгу его возникла

картина. Металлические семена, принесенные через космос ветром с далекой зеленой планеты, борясь с длинными языками пламени, падают на поверхность этого безотрадного мира... Из разбитых корпусов выбирают мужчины и женщины...

Когда?.. Давно. Десять тысяч дней назад. Оставшиеся в живых укрылись от солнца в недрах гор. Пламя, лед и бурные потоки стерли следы крушения огромных металлических семян. А люди оказались словно на наковальне под могучим молотом, который принялся их преобразжать. Солнечная радиация пропитала их плоть. Пульс участился — двести, пятьсот, тысяча ударов в минуту! Кожа стала плотнее, изменилась кровь. Старость надвигалась молниеносно. Дети рождались в пещерах. Круговорот жизни непрерывно ускорялся. И люди, застрявшие после аварии на чужой планете, прожили, подобно всем здешним животным, только одну неделю, причем дети их были обречены на такую же участь.

«Так вот в чем заключается жизнь», — подумал Сим. Не скажешь про себя, ведь он не знал еще слов, мыслил образами, воспоминаниями из далекого прошлого, так уж было устроено его сознание, наделенное своего рода телепатией, проникающей сквозь плоть, и камень, и металл. На какой-то ступени нового развития у его племени возник дар телепатии и образовалась наследственная память — единственное благо, единственная надежда в этом царстве ужаса. «Итак, — думал Сим, — я — пятидесятый в долгом ряду никчемных сыновей. Что я могу сделать, чтобы меня через восемь дней не настигла смерть? Есть ли какой-нибудь выход?»

Глаза его расширились: в сознании возникла новая картина.

За этой долиной с ее нагромождением скал на небольшой горе лежит целое, невредимое металлическое семя — корабль, не тронутый ни ржавчиной, ни обвалами. Заброшенный корабль, единственный из всей флотилии, который не разбился, не сломался, он до сих пор пригоден для полета. Но до него так далеко... И никого внутри, кто бы мог помочь. Пусть так, корабль на далекой горе будет его предназначением. Ведь только этот корабль может его спасти.

Новая картина...

Глубоко в недрах горы в полном уединении работает горстка ученых. К ним он должен пойти, когда вырастет и наберется ума. Их мысли тоже поглощены мечтой о спасении — мечтой о долгой жизни, о зеленых долинах без зноя и стужи. Они тоже, томясь надеждой, глядят на далекий корабль на горе, на удивительный металл, которому не страшны ни коррозия, ни время.

Скалы глухо застонали.

Отец Симы поднял иссеченное морщинами безжизненное лицо.

— Рассветает, — сказал он.

II

Утро расслабило могучие мускулы гранитной толщи. Наступил час обвалов.

Гулкое эхо туннелей подхватило звук бегущих босых ног.

Взрослые, дети с нетерпеливыми, жаждущими глазами торопились наружу, где занимался день. Сим услышал вдали глухой рокот, потом крик, сменившийся тишиной. В долину низвергались обвалы. Камни срывались с места, и если путь вниз по склону начинала одна огромная глыба, то по дну долины рассыпались тысячи осколков и раскаленных трением картечин.

Каждое утро каменный ливень уносил по меньшей мере одну жертву.

Скальное племя бросало вызов обвалам. Поединок со стихиями вносил еще больше остроты в их и без того опасную, бурную и скоротечную жизнь.

Сим почувствовал, как руки отца резко поднимают его и несут к выходу из туннеля — туда, откуда просачивался свет. Глаза отца пылали безумием. Сим не мог пошевелиться. Он догадывался, что сейчас произойдет. Неся на руках маленькую Дак, за отцом спешила мать.

— Постой! Осторожно! — крикнула она мужу.

Высоко на горе что-то колыхнулось, стронулось.

— Пошли! — прорычал отец и выскочил наружу.

Сверху на них обрушился камнепад!

С нарастающей быстротой сменялись в голове Сима восприятия — рушащиеся громады, пыль, сотрясение... Пронзительно вскрикнула мать. Их качало, трясло.

Еще один шаг — и они под открытым небом. За спиной у них продолжало грохотать. У входа в пещеру, где схоронились мать и Дак, выросла гряда обломков.

Рев лавины перешел в шуршание струйки песка. Отец Сима разразился хохотом.

— Проскочили! Клянусь небом! Проскочили живьем!

Он презрительно глянул на скалы и плюнул.

Мать выбралась через обломки наружу вместе с Дак и принялась бранить отца.

— Болван! Ты мог убить Сима!

— Еще не поздно, — огрызнулся он.

Сим не слушал их перепалки. Он смотрел будто завороченный на обломки, завалившие вход в соседнюю пещеру. Там из-под груды камня, впитываясь в землю, бежала струйка крови. И все, больше ничего не видно... Кто-то проиграл поединок.

Дак побежала вперед на податливых, хлипких ножках — голенящая и целеустремленная.

Воздух в долине был словно профильтрованное сквозь горы вино. Небо — вызывающе голубого цвета; в полдень оно накалится добела, ночью вспухнет багрово-черным синяком с оспинами болезненно мерцающих звезд.

Мир Сима напоминал залив с приливами и отливами. Температурная волна то нахлынет в буйном всплеске, то схлынет. Сейчас в заливе было тихо, прохладно, и все живое стремилось к поверхности.

Звонкий смех! Звучит где-то вдалеке... Но как же так? Неужели кому-то из его племени может быть до смеха? Надо будет потом попытаться выяснить, в чем дело.

Внезапно в долине забурлили краски. Пробужденные неистовой утренней зарей, в самых неожиданных местах выглядывали растения. Прямо на глазах распускались цветы. Вот по голой ска-

ле ползут бледно-зеленые нити. А через несколько секунд между листиками уже ворочаются зрелые плоды. Передав Сима матери, отец принялся собирать недолговечный урожай. Алые, синие, желтые плоды попадали в висящий у него на поясе мешок. Мать жевала молодую сочную зелень, пихала ее в рот Симу.

Его восприятия были отточены до предела. Он жадно впитывал знания. Любовь, брак, нравы, гнев, жалость, ярость, эгоизм, оттенки и тонкости, реальность и рефлексия — он на ходу осмысливал эти понятия. Одно подводило к другому. Вид колышущихся зеленых растений так подействовал на Сима, что разум его пришел в смятение и стал кружиться, подобно гироскопу, ища равновесия в мире, где недостаток времени принуждал, не дожидаясь объяснений, самому исследовать и толковать. Пища, расходясь по организму, помогла ему разобраться в собственном строении и в таких вещах, как энергия и движение. Слово — птенец, вылупляющийся из яйца, Сим представлял собой почти законченную систему, полностью развитую и вооруженную необходимым знанием. Он был обязан этим наследственностью и готовым образом, телепатически передаваемым каждому разуму, всякому дыханию. Удивительное, окрыляющее свойство!

Вместе — мать, отец и двое детей — они шли, обоняя запахи, глядя, как птицы проносятся над долиной, и вдруг отец сказал:

— Помнишь?

Как это — «помнишь»? Разве вообще можно забыть что-то за те семь дней, что они прожили!

Муж и жена обменялись взглядом.

— Неужели это было всего три дня назад? — Она вздрогнула и закрыла глаза, сосредотачиваясь. — Даже не верится. Ах, как это несправедливо...

Она всхлипнула, потом провела по лицу рукой и прикусила запекшуюся губу. Ветер теребил ее седые волосы.

— Теперь моя очередь плакать. Час назад плакал ты!

— Час... Половина жизни.

— Пошли. — Она потянула мужа за руку. — Пойдем, посмотрим все, ведь больше не придется.

— Через несколько минут взойдет солнце, — ответил старик. — Пора возвращаться.

— Еще только минуточку, — умоляла женщина.

— Солнце застигнет нас.

— Ну и пусть застигнет меня!

— Что ты такое говоришь!

— Ничего я не говорю, ровным счетом ничего, — рыдала женщина.

Вот-вот должно было появиться солнце. Зелень в долине начала жухнуть. Родился обжигающий ветер. Вдалеке, где на скальные бастионы уже обрушились солнечные стрелы, искажая черты могучих каменных личин, срывались лавины — будто спадали мантии.

— Дак! — позвал отец.

Девочка откликнулась и побежала по горячим плитам доли-

ны, и волосы ее развевались, как черный флаг. С полными пригоршнями зеленых плодов она присоединилась к своим.

Солнце оторочило пламенем край неба, воздух всколыхнулся и наполнился свистом.

Люди пещерного племени обратились в бегство, на ходу крича и подбирая споткнувшихся ребятишек, унося в свои глубокие норы охапки зелени и плодов. В несколько мгновений долина опустела, если не считать забытого кем-то малыша. Он бежал по гладким плитам, но у него было совсем мало силенок, бежать оставалось еще столько же, а вниз по скалам уже катился могучий жаркий вал.

Цветы сгорали, обращаясь в пепел; травы втягивались в трещины, словно обжегшиеся змеи. Ветер, подобный дыханию домы, подхватывал цветочные семена, и они сыпались в трещины и расселины, чтобы на закате опять прорасти, и дать цветы и семена, и снова пожухнуть.

Отец Сима смотрел, как по дну долины вдалеке бежит одинокий ребенок. Сам он, его жена, Дак и Сим были надежно укрыты в устье пещеры.

— Не добежит, — сказал отец. — Не смотри туда, мать. Такие вещи лучше не видеть.

И они отвернулись. Все, кроме Сима. Он заметил вдали какой-то металлический блеск. Сердце отчаянно забилося в груди, в глазах все расплылось. Далеко-далеко, на самой вершине небольшой горы источало слепящие блики металлическое семя. Словно исполнилась одна из грез той поры, когда Сим еще лежал во чреве матери! Там, на горе, целое, невредимое, металлическое зернышко из космоса! Его будущее! Его надежда на спасение! Вот куда он отправится через два-три дня, когда — трудно себе представить — будет взрослым мужчиной!

Будто поток расплавленной лавы, солнце хлынуло в долину. Бегущий ребенок вскрикнул, солнце настигло его, и крик оборвался.

С трудом волоча ноги, как-то вдруг постарев, мать Сима пошла по туннелю. Остановилась... Протянула руку вверх и обломила две сосульки, последние из намерзших за ночь. Одну подала мужу, другую оставила себе.

— Выпьем последний раз. За тебя, за детей.

— За тебя. — Он кивком указал на нее. — За детей.

Они подняли сосульки. Тепло растопило лед, и капли освежили их пересохшие рты.

III

Целый день раскаленное солнце извергалось в долину. Сим этого не видел, но о мощи дневного пламени он хорошо мог судить по ярким картинам в сознании родителей. Вязкий свет просачивался в пещеры, выжигая все на своем пути, но глубоко не проникал. От него было светло и расходилось приятное тепло.

Сим пытался отогнать от родителей наступающую старость, но, сколько ни напрягал разум, призывая себе на помощь обра-

зы, на глазах у него они превращались в мумии. Старость съедала отца, будто кислота. «Скоро со мной будет то же самое», — в ужасе думал Сим.

Сам он рос стремительно, буквально чувствуя, как в организме происходит обмен веществ. Каждую минуту его кормили, он без конца что-то жевал, что-то глотал. Образы, процессы начали связываться в его уме с определяющими их словами. Одним из таких слов было «любовь». Для Сима в нем крылось не отвлеченное понятие, а некий процесс, легкое дыхание, запах утренней свежести, трепет сердца, мягкий изгиб руки, на которой он лежал, наклоненное над ним лицо матери. Сначала он видел то или иное действие, потом в сознании матери искал и находил нужное слово. Гортань готовилась к речи. Жизнь стремительно, неумолимо увлекала его навстречу вечному забвению.

Сим чувствовал, как растут его ногти, как развиваются клетки, отрастают волосы, увеличиваются в размерах кости и сухожилия, разрастается мягкое, бледное восковое вещество мозга. При рождении чистый и гладкий, будто кружок льда, уже секундой позже мозг его, словно от удара камня, покрылся сеткой миллионов борозд и извилин, обозначающих мысли и открытия.

Его сестренка Дак то прибегала, то убегала вместе с другими тепличными детьми и безостановочно что-то уписывала. Мать ничего не ела, у нее не было аппетита, а глаза будто заткало паутиной.

— Закат, — произнес, наконец, отец.

День кончился. Смеркалось, послышалось завывание ветра.

Мать встала.

— Хочу еще раз увидеть внешний мир... Только раз...

Трясаясь, она устремила вперед невидящий взгляд.

Глаза отца были закрыты, он лежал подле стены.

— Не могу встать, — еле слышно прошептал он. — Не могу.

— Дак! — прохрипела мать, и дочь подбежала к ней. — Держи.

Она передала дочери Сима.

— Береги Сима, Дак, корми его, заботься о нем.

Последнее ласковое прикосновение материнской руки...

Дак молча прижала Сима к себе, ее большие влажные глаза зелено поблескивали.

— Ступай, — сказала мать. — Вынеси его на волю в час заката. Веселитесь. Собирайте пищу, ешьте. Играйте.

Не оглядываясь назад, Дак пошла к выходу. Сим изогнулся у нее на руках, глядя через плечо сестры потрясенными, незарывающимися глазами. У него вырвался крик, и губы каким-то образом сложились, дав выход первому в его жизни слову:

— Почему?..

Он увидел, как оторопела мать.

— Ребенок заговорил!

— Ага, — отозвался отец. — Ты расслышала, что он сказал?

— Расслышала, — тихо сказала мать.

Шатаясь, она медленно добрела до отца и легла рядом с ним. Последний раз Сим видел, как его родители передвигаются.

Ночь наступила и минула, и начался второй день.

Всех умерших за ночь отнесли на вершину невысокого холма. Траурное шествие было долгим: много тел.

Дак шла вместе со всеми, ведя за руку ковыляющего кое-как Сима. Он научился ходить за час до рассвета.

С холма Сим снова увидел вдали металлическое зернышко. Но больше никто туда не смотрел и никто о нем не говорил. Почему? Может быть, есть на то причина? Может быть, это мина? Почему они не бегут туда? Не молятся на это зернышко? Почему не попробуют добраться до него и улететь в космос?

Отзвучали траурные речи. Тела положили в ряд на открытом месте, где солнце через несколько минут их кремирует.

Затем все повернули обратно и ринулись вниз по склону, спеша использовать немногие минутки свободы — побегать, поиграть, посмеяться на воздухе, пахнущем свежестью.

Дак и Сим, щебеча, будто птицы, добывали себе пищу среди скал и делились друг с другом тем, что успели узнать. Ему шел второй день, ей — третий. Обоих подхлестывал бурный темп их скоротечной жизни.

Сейчас она повернулась к ним еще одной гранью.

Из-за скал наверху, держа в сжатых кулаках острые камни и каменные ножи, высочило полсотни молодых мужчин. С криками они помчались к невысокой черной гряде скальных зубцов вдалеке.

«Война!» — отдалось в мозгу Сима. Новая мысль оглушила его, потрясла. Эти люди побежали сражаться и убивать других людей, что живут там, среди черных скал.

Но почему? Зачем сражаться и убивать — разве жизнь и без того не чересчур коротка?

От далекого гула схватки ему стало не по себе.

— Почему, Дак, почему?

Дак не знала. Может быть, они поймут завтра. Сейчас надо есть — есть для поддержания сил и жизни. Дак напоминала ящеричку, вечно что-то нащупывающую языком, вечно голодную.

Кругом повсюду сновали бледные ребятишки. Один мальчуган юркнул, словно жучок, вверх по склону, сшиб Сима с ног и прямо перед носом у него схватил соблазнительную красную ягоду, которую тот нашел под выступом.

Прежде чем Сим успел встать, мальчуган уже управился с добычей. Сим набросился на него, они вместе упали и покатались вниз причудливым комком, пока Дак, визжа, не разняла их.

У Сима сочилась кровь из ссадин. Какая-то часть его сознания, глядя как бы со стороны, говорила: «Это не годится. Дети не должны так поступать. Это плохо!»

Дак шлепками прогнала маленького разбойника.

— Уходи отсюда! — крикнула она. — Как тебя звать, безобразник?

— Кайон! — смеясь, ответил мальчуган. — Кайон, Кайон, Кайон!

Сим смотрел на него со всей свирепостью, какую могло выразить его маленькое юное лицо. Он задыхался: перед ним

был враг. Как будто Сим давно дожидался, чтобы враждебное начало воплотилось не только в окружающей среде, но и в каком-то человеке. Его сознание уже постигло обвалы, зной, холод, скоротечность жизни, но это все было связано со средой, с окружающим миром — неистовые, бессознательные проявления неодушевленной природы, порожденные гравитацией и излучением. А тут в лице этого наглого Кайона он познал врага мыслящего!

Отбежав в сторонку, Кайон остановился и ехидно прокричал:
— Завтра я буду такой большой, что смогу тебя убить!

С этими словами он исчез за камнем.

Мимо Сима, хихикая, пробегали дети. Кто из них станет его другом, кто — врагом? И как вообще за столь чудовищно короткий жизненный срок могут возникнуть друзья и враги? Разве успеешь приобрести тех или других?

Дак, читая мысли брата, повела его дальше. Продолжая поиски пищи, она лихорадочно шептала ему на ухо:

— Украли у тебя еду — вот и враг. Подарили длинный стебель — вот и друг. Еще враждуют из-за мыслей и мнений. В пять секунд ты нажил себе смертельного врага. Жизнь так коротка, что с этим надо поторапливаться.

И она рассмеялась со странной для столь юного существа иронией, отражающей преждевременную зрелость мысли.

— Тебе надо будет биться, чтобы защитить себя. Тебя будут пытаться убить. Есть поверие, глухое поверие, будто часть жизненной энергии убитого переходит к убийце и за счет этого можно прожить лишний день. Понял? И пока кто-то в это верит, ты в опасности.

Но Сим не слушал ее. От стайки хрупких девчушек, которые завтра станут выше и стройнее, послезавтра оформятся, а еще через день найдут себе мужа, отделилась резвушка с волосами цвета фиолетово-голубого пламени.

Пробегая мимо, она задела Сима, их тела соприкоснулись. Сверкнули глаза, светлые, как серебряные монеты. И он уже знал, что обрел друга, любовь, жену, которая через неделю будет лежать с ним рядом на погребальном костре, когда солнце примется sluшивать их плоть с костей.

Всего один взгляд, но он на миг заставил их окаменеть.

— Как тебя звать? — крикнул Сим вдогонку.

— Лайт! — смеясь, ответила она.

— А меня — Сим, — сказал он сконфуженно, растерянно.

— Сим! — повторила она, устремляясь дальше. — Я запомню!

Дак толкнула его в бок.

— Держи, ешь, — сказала она задумавшемуся брату. — Ешь, не то не вырастешь и не сможешь ее догнать.

Откуда ни возьмись, появился бегущий Кайон.

— Лайт! — передразнил он, ехидно приплясывая. — Лайт! Я тоже запомню Лайт!

Высокая, стройная, как хворостинка, Дак печально покачала черным облачком волос.

— Я наперед могу тебе сказать, что тебя ждет, братик. Тебе скоро понадобится оружие, чтобы сражаться за эту Лайт. Но нам пора, солнце вот-вот выйдет!

И они побежали обратно к пещере.

Четверть жизни позади! Минуло детство. Он стал юношей! Вечером буйные ливни хлестали долину. Сим видел, как новорожденные потоки бороздили долину, отрезая гору с металлическим зернышком. Он старался все запоминать. Каждую ночь — новая река, свежее русло.

— А что за долиной? — спросил Сим.

— Туда никто не доходил, — объяснила Дак. — Все, кто пытались добраться до равнины, либо замерзали насмерть, либо сгорали. Полчаса бега — вот предел изведанного края. Полчаса туда, полчаса обратно.

— Значит, еще никто не добирался до металлического зернышка?

Дак фыркнула.

— Ученые — они пробовали. Дурачье. Им недостает ума бросить эту затею. Ведь пустое дело. Чересчур далеко.

Ученые. Это слово всколыхнуло душу Сима. Он почти успел забыть видение, которое представлялось ему перед самым рождением и сразу после него.

— А где они, эти Ученые? — нетерпеливо переспросил он.

Дак отвела взгляд.

— Даже если бы я знала, все равно не скажу. Они убьют тебя своими опытами. Я не хочу, чтобы ты ушел к ним! Живи сколько положено, не обрывай свою жизнь на половине в погоне за этой дурацкой штукой там, на горе.

— Узнаю у кого-нибудь другого!

— Никто тебе не скажет! Все ненавидят Ученых. Самому придется отыскивать. И допустим, что ты их найдешь... Что дальше? Ты нас спасешь? Давай, спасай нас, мальчуган! — Она злилась, половина ее жизни уже прошла.

— Нельзя же только сидеть, да есть, — возразил он. — И больше ничего!..

Он вскочил на ноги.

— Иди, иди, ищи их! — едко отрезала она. — Они помогут тебе забыть. Да, да. — Она выплевывала слова. — Забыть, что еще несколько дней — и твоей жизни конец!

Занявшись поиском, Сим бегом преодолевал туннель за туннелем. Иногда ему казалось, что он уже на верном пути. Но стоило спросить окружающих, в какой стороне лежит пещера Ученых, как его захлестывала волна чужой ярости, волна смятения и негодования. Ведь это Ученые виноваты, что их занесло в такой ужасный мир! Сим ежился под градом бранных слов.

В одной из пещер он тихо подсел к другим детям, чтобы послушать речи взрослых мужей. Наступил Час Учения, Час Собеседования. Как ни томила его задержка, как ни терзало нетерпение при мысли о том, что поток жизни быстро иссякает и смерть надвигается, подобно черному метеору, Сим понимал, что разум его нуждается в знании. Эту ночь он проведет в школе. Но ему не сиделось. Осталось жить всего пять дней.

Кайон сидел напротив Сима, и тонкогубое лицо его выражало вызов.

Между ними появилась Лайт. За прошедшие несколько часов она еще подросла, ее движения стали мягче, поступь тверже, волосы блестели ярче. Улыбаясь, она села рядом с Симом, а Кайона словно и не заметила. Кайон насутился и перестал есть.

Пещеру наполняла громкая речь. Стремительная, как стук сердца, — тысяча, две тысячи слов в минуту. Голова Сима усаивала науку. С открытыми глазами он словно погрузился в полусон, чуткую дремоту, чем-то напоминающую внутриутробное состояние. Слова, что отдавались где-то вдалеке, сплетались в голове в гобелен знаний.

Ему представились луга, зеленые, без единого камня, сплошная трава, — широкие луга, волнами уходящие навстречу рассвету, и ни леденящего холода, ни жаркого духа обожженных солнцем камней. Он шел через эти зеленые луга. Над ним, высоко-высоко в небе, которое дышало ровным мягким теплом, пролетали металлические зернышки. И все кругом протекало так медленно, медленно, медленно...

Птицы мирно сидели на могучих деревьях, которым нужно было для роста сто, двести, пять тысяч дней. Все оставалось на своих местах, и птицы не спешили укрыться, заведя солнечный свет, и деревья не съеживались в испуге, когда их касался солнечный луч.

Люди в этом сне ходили не торопясь, бегали редко, и сердца их бились размеренно, а не в безумном, скачущем ритме. Трава оставалась травой, ее не пожирало пламя. И люди говорили не о завтрашнем дне и смерти, а о завтрашнем дне и жизни. Причем все казалось таким знакомым, что, когда кто-то взял Сима за руку, он и это принял за продолжение сна.

Рука Лайт лежала в его руке.

— Гретишь? — спросила она.

— Да.

— Это для равновесия. Жизнь устроена несправедливо, вот разум и находит утешение в картинах, которые хранит наша память.

Он несколько раз ударил кулаком по каменному полу.

— Это ничего не исправляет! К черту! Не хочу, чтобы мне напоминали о том хорошем, что я утратил! Лучше бы нам ничего не знать! Почему мы не можем жить и умереть так, чтобы никто не знал, что наша жизнь идет не так, как надо?

Из искаженного гримасой полуоткрытого рта вырывалось хриплое дыхание.

— Все на свете имеет свой смысл, — сказала Лайт. — Вот и это придает смысл нашей жизни, заставляет нас что-то делать, что-то задумывать, искать какой-то выход.

Его глаза стали похожи на огненные изумруды.

— Я поднимался по склону зеленого холма, шел медленно-медленно, — сказал он.

— Того самого холма, на который я поднималась час назад? — спросила Лайт.

— Может быть. Что-то очень похожее. Только сон лучше яви. — Он прищурил глаза. — Я смотрел на людей, они не были заняты едой.

— А разговором?

— И разговором тоже. А мы все время едим и все время

говорим. Иногда эти люди в моем сне лежали с закрытыми глазами и совсем не шевелились.

Лайт глядела на него, и тут произошла страшная вещь. Ему вдруг представилось, что ее лицо темнеет и покрывается старческими морщинами. Волосы над ушами — будто снег на ветру, глаза — бесцветные монеты в паутине ресниц. Губы обтянули беззубые десны, нежные пальцы обратились в опаленные пруттики, подвешенные к омертвелому запястью. На глазах у него увядала, погибала ее прелесть. В ужасе Сим схватил Лайт за руку... и подавил рвущийся наружу крик: ему почудилось, что и его рука жухнет.

— Сим, ты что?

От вкуса этих слов у него стало сухо во рту.

— Еще пять дней...

— Ученые...

Сим вздрогнул. Кто это сказал? В тусклом свете высокий мужчина продолжал говорить:

— Ученые забросили нас на эту планету и погубили с тех пор напрасно тысячи жизней, бездну времени. Все их затеи пустую, никому не нужны. Не трогайте их, пусть живут, но и не жертвуйте им ни одной частицы вашего времени. Помните, вы живете только однажды.

Да где же они находятся, эти ненавидимые Ученые? Теперь, после Уроков, после Часа Собеседования, Сим был полон решимости их отыскать. Теперь он вооружен знанием и может начинать свою битву за свободу, за корабли!

— Сим, ты куда?

Но Сима уже не было. Эхо топота бегущих ног затерялось в переходе, выложенном гладкими плитами.

Казалось, половина ночи потрачена напрасно. Он потерял счет тупикам. Много раз на него нападали молодые безумцы, которые рассчитывали присвоить его жизненную энергию. Вдогонку ему летели их бредовые выкрики. Кожу исцертили глубокие царапины, оставленные алчными ногтями.

И все-таки Сим нашел то, что искал.

Горстка мужчин ютилась в базальтовом мешке в недрах горы. На столе перед ними лежали неведомые предметы, вид которых, однако, родил отзвук в душе Сима.

Ученые работали по группам — старики решали важные задачи, молодые обучались, задавали вопросы; было здесь и трое детей. Все вместе образовали звенья единого процесса. Каждый восемь дней состав группы, работающей над той или иной проблемой, полностью обновлялся. Общая отдача была до нелепости мала. Ученые старились и умирали, едва достигнув творческой зрелости. Созидательная пора каждого составляла от силы двенадцать часов. Три четверти жизни уходило на учение, а за короткой порой творческой отдачи тут же следовали дряхлость, безумие, смерть.

Все обернулись, когда вошел Сим.

— Неужели пополнение? — сказал самый старый.

— Не думаю, — заметил другой, помоложе. — Гоните его прочь. Это, должно быть, один из тех, что подстрекают людей воевать.

— Нет-нет, — возразил старик. Шаркая по камню босыми ступнями, он подошел к Симу. — Входи, мальчик, входи.

Глаза у него были приветливые, уравновешенные, не такие, как у порывистых жителей верхних пещер. Серые спокойные глаза.

— Что тебе нужно?

Сим смеялся и опустил голову, не выдержав спокойного ласкового взгляда.

— Жить, — прошептал он.

Старик негромко рассмеялся. Потом тронул Сима за плечо.

— Ты из какой-нибудь новой породы? Или, может быть, ты больной? — допытывался он почти всерьез. — Почему ты не играешь? Почему не готовишь себя к поре любви, к женитьбе, к отцовству? Разве ты не знаешь, что завтра вечером будешь почти взрослым? Не понимаешь, что жизнь пройдет мимо тебя, если ты не будешь осмотрительным?

Старик смолк,

С каждым вопросом глаза Сима переходили с предмета на предмет. Сейчас он смотрел на приборы на столе.

— Мне не надо было сюда приходить? — спросил он.

— Конечно, надо было, — прогремел старик. — Но это чудо, что ты пришел. Вот уже тысяча дней, как мы не получали пополнения извне! Приходится самим выращивать ученых, в собственной закрытой системе! Сосчитай-ка нас! Шесты! Шестеро мужчин! И трое детей. Могучая сила, верно? — Старик плюнул на каменный пол. — Мы зовем добровольцев, а нам отвечают: «Обратитесь к кому-нибудь другому!» Или: «Нам некогда!» А знаешь, почему они так говорят?

— Нет. — Сим пожал плечами.

— Потому что каждый думает о себе. Конечно, им хочется жить дольше, но они знают, что, как бы ни старались, вряд ли им лично прибавится хоть один день. Возможно, потомки будут жить дольше. Но ради потомков они не согласны жертвовать своей любовью, своей короткой юностью, даже хотя бы одним часом заката или восхода!

Сим прислонился к столу.

— Я понимаю, — серьезно сказал он.

— Понимаешь? — Старик рассеянно посмотрел на Сима. Потом вздохнул и ласково потрепал его по руке. — Ну конечно, понимаешь. Можно ли требовать от кого-нибудь, чтобы понимал больше. Ты молодец.

Остальные окружили кольцом Сима и старика.

— Мое имя Дайнк. Завтра ночью мое место займет Корт. Я к тому времени умру. На следующую ночь кто-то другой сменит Корта, а потом придет твоя очередь, если ты будешь трудиться и верить. Но прежде я хочу дать тебе подумать. Возвращайся к своим товарищам по играм, если хочешь. Ты кого-нибудь полюбил? Возвращайся к ней. Жизнь коротка. С какой стати тебе печалиться о тех, кто еще не родился? У тебя есть право на юность. Ступай, если хочешь. Ведь если ты останешься, все твое время уйдет только на то, чтобы трудиться, стариться и умереть за работой. Правда, ты будешь делать доброе дело. Ну?

Сим оглянулся на туннель. Где-то там завывал ветер, и пахло

варевом, и шлепали босые ноги, и звучал, радуя сердце, молодой смех. Он сердито дернул головой, на глазах его блеснула влага.

— Я остаюсь, — сказал он.

VI

Третья ночь и третий день остались позади. Наступила четвертая ночь. Сим втянулся в жизнь ученых. Ему рассказали про металлическое зернышко на вершине далекой горы. Рассказали про много зернышек — так называемые «корабли», и как они потерпели крушение, про то, как уцелевшие, которые укрылись среди скал, начали быстро стариться и в отчаянной борьбе за жизнь забыли все науки. В такой вулканической цивилизации знание механики не могло сохраниться. Всякий жил только настоящей минутой.

О вчерашнем дне никто не думал, завтрашний день зловеще глядел в глаза. Но та самая радиация, которая ускорила старение, породила и своего рода телепатическое общение, помогающее новорожденным воспринимать и осмысливать. А получившая силу инстинкта наследственная память сохранила картины других времен.

— Почему мы не пробуем добраться до корабля на горе? — спросил Сим.

— Слишком далеко. Понадобится защита от солнца, — объяснил Дайнк.

— Вы пробовали придумать защиту?

— Мази и втирания, одеяния из камня и птичьих перьев, а также в последнее время — из жестких металлов. Но ничто не помогает. Еще десять тысяч поколений, и нам, возможно, удастся изготовить охлаждаемый водой панцирь, который защитит нас на пути к кораблю. Но мы работаем очень медленно и все на ощупь. Сегодня утром я, зрелый муж, взял в руки инструмент. Завтра, умирая, отложу его. Что может сделать человек за один день? Будь у нас десять тысяч человек, задачу удалось бы решить...

— Я пойду к кораблям, — сказал Сим.

— И погибнешь, — произнес старик в тишине, воцарившейся после слов Сима. Все смотрели на мальчика. — Ты очень эгоистичный юноша.

— Эгоистичный? — возмутился Сим.

Старик повел рукой в воздухе.

— Но такой эгоизм мне по душе. Ты хочешь жить дольше и готов все для этого сделать. Хочешь добраться до корабля. Но я говорю тебе, что ничего не выйдет. И все же, если ты будешь настаивать, я не смогу тебе помешать. По крайней мере ты не уподобишься тем из нас, которые уходят на войну, чтобы выиграть несколько лишних дней жизни.

— На войну? — переспросил Сим. — О какой войне тут может быть речь?

По его телу пробежала дрожь. Непонятно...

— Об этом завтра, — сказал Дайнк. — А сейчас слушай.

Еще одна нсчь прошла.

Настало утро. По одному из ходов, крича и плача, прибежала Лайт и упала прямо в объятия Сима. Она опять изменилась. Стала еще старше и еще прекраснее. Дрожа, она прижималась к нему.

— Сим, они идут за тобой!

В туннеле нарастал, приближаясь, звук шагающих босых ног. Показался Кайон. Он тоже вытянулся в длину, и в каждой его руке было по острому камню:

— А, вот ты где, Сим!

— Уходи! — яростно крикнула Лайт, замахиваясь на него.

— Без Сима не уйдем, — твердо ответил Кайон. И, улыбаясь, повернулся к Симу. — Если, конечно, он готов сразиться вместе с нами.

Дайнк, волоча ноги, вышел вперед, его глаза часто мигали, худые руки трепетали по-птичьи в воздухе.

— Ступайте! — гневно произнес он тонким голосом. — Этот юноша теперь Ученый. Он работает с нами.

Кайон перестал улыбаться.

— Его ждет работа получше этой. Мы идем воевать с обитателями дальних скал. — Глаза Кайона беспокойно блеснули. — Ты ведь пойдешь с нами, Сим?

— Нет, нет! — Лайт повисла на руке Сима.

Сим погладил ее плечо, потом обернулся к Кайону.

— Почему вы решили напасть на тех людей?

— Три лишних дня ждут того, кто пойдет с нами.

— Три лишних дня? Три дня жизни?

Кайон уверенно кивнул.

— Если мы победим, будем жить вместо восьми одиннадцать дней. Там, где они живут, в скалах есть особая горная порода, она защищает от радиации! Подумай, Сим, три долгих славных дня жизни. Идешь с нами?

— Идите без него, — вмешался Дайнк. — Сим — мой ученик!

Кайон фыркнул.

— Шел бы ты умирать, старик. Сегодня на закате от тебя останутся одни обугленные кости. Кто ты такой, чтобы командовать нами? Мы молоды, мы хотим жить дольше.

Одиннадцать дней. Невероятно. Одиннадцать дней. Теперь Сим понимал, что порождает войны. Кто не пойдет воевать за то, чтобы почти наполовину продлить свою жизнь! Столько лишних дней жизни! Да. В самом деле, почему нет?

— Три лишних дня, — произнес скрипучий голос Дайнка. — Если вы до этого доживете. Если вас не убьют в бою. Если. Если! Вы еще никогда не побеждали. Всегда проигрывали!

— Но на этот раз, — твердо заявил Кайон, — мы победим! Сим недоумевал.

— Но мы ведь все одной крови. Почему нельзя вместе жить там, где скалы защищают лучше?

Кайон рассмеялся, сжимая в руке острый камень.

— Те, кто там живет, считают себя лучше нас. Так всегда думает тот, кто сильнее. К тому же и пещеры там меньше, в них помещается только триста человек.

Три лишних дня.

— Я пойду с вами, — сказал Сим Кайону.

— Отлично! — Что-то Кайон уж очень обрадовался.

Дайнк порывисто вздохнул.

Сим повернулся к Дайнку и Лайт.

— Если я сумею победить в бою, то окажусь ближе к кораблю. И у меня в запасе будет три лишних дня, чтобы попытаться дойти до него. Кажется, у меня просто нет выбора.

Дайнк печально кивнул.

— Да, это так. Я верю тебе. Ступай же.

— Прощайте, — сказал Сим.

Лицо старика отразило удивление, потом он рассмеялся, словно в ответ на беззлобную шутку.

— Верно, ведь я тебя больше не увижу... Ну что ж, прощай. И они пожали друг другу руку.

Все вместе: Кайон, Сим, Лайт и другие — дети, быстро растающие в бойцов, — покинули пещеру Ученых. Огонек в глазах Кайона не сулил ничего доброго.

Лайт пошла с Симо. Она собрала для него камни и понесла их. Уходить домой отказалась, сколько он ее ни убеждал. Они шагали через долину: близился восход.

— Прошу тебя, Лайт, ступай домой!

— Чтобы ждать возвращения Кайона? — сказала она. — Он решил, что я стану его женой, когда ты умрешь.

Она сердито тряхнула своими неправдоподобно голубыми кудрями.

— Нет, я пойду с тобой. Если ты погибнешь в бою, я тоже погибну.

Лицо Симы посуровело. Он сильно вырос. За ночь мир словно сжегился. Стайки детей, которые с ликующими криками собирали плоды, вызвали у него удивление, даже недоумение: неужели он сам всего три дня назад был таким? Странно. В голове Симы отложился гораздо более долгий срок, как будто он на самом деле прожил тысячу дней. Пласт событий и размышлений в его сознании был таким мощным, таким многоцветным и многообразным, что просто не верилось — да разве могло столько всего произойти за считанные дни?

Бойцы бежали по двое, по трое. Сим посмотрел вперед, на торчащие вдаль невысокие черные зубцы. «Сегодня мой четвертый день, — сказал он себе. — А я еще ни на шаг не приблизился к кораблю, ни к чему не приблизился, даже к той, — он слышал рядом легкую поступь Лайт, — которая несет мое оружие и собирает для меня спелые ягоды».

Половина жизни прошла. Или одна треть... Если он выиграет эту битву. Если.

Сим бежал легко, упруго, непринужденно. «Сегодня я как-то особенно остро ощущаю свое бытие. Я бегу и ем, ем и расту, расту и с замиранием сердца обращаю взгляды на Лайт. И она тоже с нежностью глядит на меня. День нашей юности... Неужели мы тратим его впустую? Расходуем на вздор, на химеру?»

Издаലെка донесся смех. В детстве смех настораживал Симу. Теперь он его понимал. Этот смех родился в душе человека, который взбирался на высокие скалы, собирал там зеленые

листья, пил хмельное вино с утренних сосуллек, ел горные плоды и впервые вкушал сладость юных губ.

Вот уже близко скалы противника.

А у Сима перед глазами — стройная осанка Лайт. Он словно впервые открыл для себя ее шею, коснувшись которой можно сосчитать биение сердца, и пальцы, которые трепетно льнут к твоим пальцам, и...

Лайт резко повернулась.

— Гляди вперед! — крикнула она. — Следи за тем, что предстоит... Гляди только вперед.

У него было такое чувство, словно они пробегают мимо большого куска своей жизни, вся юность остается позади, и даже некогда оглянуться.

— Глаза устали смотреть на камни, — сказал он на бегу.

— Найди себе новые камни!

— Я вижу камни... — Голос его стал ласковым, как ее ладонь. Ландшафт уплывал назад, Сим будто летел в объятиях нежного, дремотного ветерка. — Вижу камни, ущелье, прохладную тень и каменные ягоды густо, как роса. Тронешь камень, и ягоды сыплются вниз беззвучной красной лавиной, и травы такие шелковистые...

— Не вижу! — Она побежала быстрее, глядя в другую сторону.

Он видел пушок на ее шее — будто тонкий серебристый мох на холодной стороне булыжников, что колышется от легчайшего дыхания. Потом представил самого себя, с напряженно сжатыми кулаками, мчащегося вперед, навстречу смерти. На его руках вздулись упругие жилы.

Лайт протянула ему какую-то пищу.

— Я не хочу есть, — сказал он.

— Ешь, ешь как следует, — строго велела она. — Чтобы были силы для битвы.

— Господи! — с болью воскликнул он. — Кому нужны эти битвы!

Навстречу им вниз по склону запрыгали камни. Один из бойцов упал с расколотым черепом. Война началась.

Лайт передала Симу оружие. Дальше они бежали без слов до самого боевого рубежа.

Сверху, из-за бастонов противника, на них обрушился искусственный обвал.

Теперь одна мысль владела Симом. Убивать, лишать жизни других, чтобы жить самому, закрепиться здесь, продлить свою жизнь и попробовать достичь корабля. Он приседал, уклонялся, хватал камни и метал их вверх. В левой руке у него был плоский каменный щит, которым он отбивал летящие сверху обломки. Кругом раздавались хлопки. Лайт бежала рядом, ободряя его. Один за другим впереди упали двое, оба убиты наповал — грудь распорота до кости, кровь бьет фонтаном...

И ведь все понапрасну. Сим мгновенно осознал бессмысленность затеянной ими схватки. Штурмом эту скалу не взять. Глыбы катились сверху сплошной лавиной. Десять бойцов пали с черными осколками в мозгу, еще у пятерых плетью повисли переломанные руки. Кто-то вскрикнул — белый коленный сустав торчал из кожи, распоротой метко брошенными кусками гранита. Атакующие спотыкались о тела убитых.

На скулах Сима заиграли желваки, он уже клял себя за то, что пришел сюда. И все-таки, прыгая то в одну, то в другую сторону, нырками уклоняясь от камней, он упорно смотрел вверх, на черные скалы. Жить там и сделать заветную попытку — это желание было сильнее всего. Он должен добиться своего! Но мужество было готово покинуть его.

Лайт пронзительно вскрикнула. Сим обернулся, обомлев от испуга, и увидел, что рука ее перебита, из рваной раны поперек запястья хлестала кровь. Она зажала руку под мышкой, чтобы умерить боль. Ярость всколыхнулась в его душе, он неистово рванулся вперед, бросая камни с убийственной точностью. Вот от меткого броска вражеский боец упал как подкошенный и покатился вниз по уступам. Наверно, Сим что-то кричал, потому что легкие его толчками извергали воздух и в горле саднило, а земля стремительно убегала назад.

Камень ударил его по голове и опрокинул на землю. На зубах захрустел песок. Мир рассыпался на багровые завитушки. Сим не мог встать. Он лежал и думал, что вот и пришел его последний день, последний час. Кругом продолжала кипеть схватка, и в полузабытьи он ощутил, как над ним наклонилась Лайт. Руки ее охладили его лоб, она хотела оттащить Сима в безопасное место, но он лежал, хватая ртом воздух, и твердил, чтобы она бросила его.

— Стой! — крикнул чей-то голос.

Казалось, война на миг приостановилась.

— Назад! — быстро скомандовал тот же голос.

Лежа на боку, Сим увидел, как его товарищи повернули и побежали назад, домой.

— Солнце восходит, наше время кончилось!

Он проводил взглядом мускулистые спины, мелькающие в бе-ге ноги. Мертвых оставили лежать на поле боя. Раненые зывали о помощи. Но разве сейчас до раненых! Только бы стремглав одолеть бесславный путь домой и с опаленными легкими нырнуть в пещеры, прежде чем беспощадное солнце настигнет их и убьет.

Солнце!

Кто-то бежал в сторону Сима. Это был Кайон! Шепча ободряющие слова, Лайт помогла Симу встать.

— Иди сможешь? — спросила она.

— Кажется, смогу, — простонал он.

— Тогда пошли, — продолжала она. — Сперва потише, потом быстрее и быстрее. Мы дойдем, я знаю, что дойдем.

Сим выпрямился, шатаясь. Подбежал Кайон — лицо искажено свирепыми складками, сверкающие глаза еще не остыли после битвы. Оттолкнув Лайт, он схватил острый камень и резким ударом распорол Симу ногу. Ударил молча, без единого звука.

Потом отступил назад, по-прежнему не говоря ни слова, только осклабился, будто ночной хищник. Грудь его тяжело вздымалась, глаза переходили с окровавленной ноги на Лайт и обратно. Наконец он отдышался.

— Он не дойдет. — Кайон кивком указал на Сима. — Придется нам оставить его здесь. Пошли, Лайт.

Лайт кошкой набросилась на Кайона, норовя добраться до его глаз. Тонкий визг вырвался сквозь ее оскаленные зубы,

пальцы молниеносно прочертили глубокие кровавые борозды на бицепсах, затем на шее Кайона. С бранью Кайон отпрянул от Лайт. Она бросила в него камнем. Он увернулся и, рыча, отбежал еще на несколько ярдов.

— Дура! — презрительно крикнул он. — Идем со мной. Сим умрет через несколько минут. Пошли!

Лайт повернулась к нему спиной.

— Если ты меня понесешь.

Кайон изменился в лице. Блеск в его глазах пропал.

— Времени мало. Мы оба погибнем, если я тебя понесу.

Лайт смотрела на него как на пустое место.

— Неси же, я так хочу.

Не говоря ни слова, Кайон испуганно глянул на полосу алеющей зари и побежал. Его шаги умчались вдаль и затихли.

— Хотя бы упал и шею себе сломал, — прошептала Лайт, яростно глядя на пересекающий ущелье силуэт. Она повернулась к Симу. — Можешь идти?

От раны боль растекалась по всей ноге. Сим иронически кивнул.

— Если идти, часа за два доберемся. Но мы останемся здесь.

— Почему?

— Мы пришли сюда, чтобы отвоевать себе новую обитель. Если пойдем обратно — умрем. Лучше уж я умру здесь. Сколько времени нам осталось?

Вместе они посмотрели туда, где восходило солнце.

— Несколько минут, — тусклым, бесцветным голосом сказала она, прижимаясь к нему.

Солнечный свет хлынул из-за горизонта, и на черных скалах появились багровые и коричневые подпалины.

Глупец он! Надо было остаться и работать вместе с Дайнком, размышлять и мечтать.

Жилы на шее Сима вздулись, он вызывающе закричал, обращаясь к жителям черных пещер:

— Эй, вышлите кого-нибудь сюда на поединок!

Молчание. Голос отразился от скал. Стало жарко.

— Ни к чему это, — сказала Лайт. — Они не отзовутся.

— Слушайте! — снова закричал Сим. Раненая нога ныла от пульсирующей боли, он перенес вес на здоровую и взмахнул кулаком. — Вышлите сюда воина, да не труса! Я не убегу домой! Я пришел сразиться в честном поединке! Вышлите бойца, который готов воевать за право на свою пещеру! Я убью его!

По-прежнему молчание. Над ними прокатилась волна зноя.

— Эй, — с издевкой кричал Сим, широко раскрыв рот, закинув голову назад, оперев руки на голые бедра, — неужели не найдется среди вас человека, который отважится сразиться с калекой?

Молчание.

— Нет?

Молчание.

— Значит, я в вас ошибся. Просчитался. Ладно, останусь здесь, пока солнце не снимет черную стружку с моих костей, и буду вас поносить так, как вы этого заслуживаете.

Ему ответили.

— Я не люблю, когда меня поносят, — крикнул мужской голос.

Сим наклонился вперед, забыв об искалеченной ноге.

В устье пещеры на третьем ярусе появился плечистый силач.

— Спускайся, — твердил Сим. — Спускайся, толстяк, прикончи меня.

Секунду противник разглядывал Сима из-под насупленных бровей, затем медленно побрел вниз по тропе. В руках у него не было никакого оружия. В ту же секунду из всех пещер высунулись головы зрителей предстоящей драмы.

Чужак подошел к Симу.

— Сражаться будем по правилам, если ты их знаешь.

— Узнаю по ходу дела, — ответил Сим.

Его ответ понравился противнику, он посмотрел на Сима внимательно, но без неприязни.

— Вот что, — великодушно предложил он, — если ты погибнешь, я приму твою спутницу под свой кров, и пусть живет без забот, потому что она жена доброго воина.

Сим быстро кивнул.

— Я готов, — сказал он.

— А правила простые. Руками друг друга не касаемся, наше оружие — камни. Камни и солнце убьют кого-то из нас. Теперь приступим...

VIII

Показался краешек солнца.

— Меня зовут Нхой. — Противник Сима небрежно поднял горсть камней и взвесил их на ладони.

Сим сделал так же. Он хотел есть. Уже много минут он ничего не ел. Голод был бичом жителей этой планеты, пустые желудки непрерывно требовали еще и еще пищи. Кровь вяло струилась по жилам, с жарким звоном стучала в висках, грудная клетка вздымалась, и опадала, и снова порывисто вздымалась.

— Давай! — закричали триста зрителей со скал. — Давай! — требовали мужчины, женщины и дети, облепившие уступы. — Ну! Начинайте!

Словно по сигналу, взошло солнце. Оно ударило бойцов буд-то плоским раскаленным камнем. Они даже качнулись, на обнаженных бедрах и спинах тотчас выступили капли пота, лица и ребра заблестели, как стеклянные.

Силач переступил с ноги на ногу и поглядел на солнце, как бы не торопясь начинать поединок. Вдруг беззвучно, без малейшего предупреждения, молниеносным движением указательного и большого пальцев он выстрелил камень. Снаряд поразил Сима в щеку, он невольно попятился, и дикая боль ракетой метнулась вверх по раненой ноге и взорвалась в желудке. Он ощутил вкус просочившейся в рот крови.

Нхой хладнокровно продолжал обстрел. Еще три неуловимых движения его ловких рук, и три маленьких, безобидных по видимости камешка, словно свистящие птицы, рассекали воздух. Каждый из них нашел и поразил свою цель — нервные узлы! Один ударил в живот, и все съеденное Симом за предшествую-

щие часы чуть не выскочило наружу. Второй поразил лоб, третий — шею. Сим рухнул на раскаленный песок. Колени его резко стукнули о твердый грунт. Лицо стало мертвенно бледным, плотно зажмуренные глаза проталкивали слезы между горячими подрагивающими веками. Но в падении Сим успел с отчаянной силой метнуть свою горсть камней!

Они просвистели в воздухе. Один из них, только один, попал в Нхоя. Прямо в левый глаз. Нхой застонал и закрыл руками изувеченное глазное яблоко.

У Сима вырвался горький всхлипывающий смешок. Хоть тут ему повезло. Глаза противника — мера его успеха. Это даст ему... время. «Господи, — подумал он, борясь со спазмой в желудке, жадно хватая ртом воздух, — живем в мире времени. Мне бы еще хоть немного, хоть крошечку!»

Окривевший Нхой, шатаясь от боли, обрушил град камней на корчащееся тело Сима, но меткость ему изменила, и камни либо пролетали мимо, либо попадали в противника уже на излете, потеряв грозную силу.

Сим заставил себя привстать. Краешком глаза он видел, как Лайт напряженно глядит на него, тихо выговаривая ободряющие и обнадеживающие слова. Он купался в собственном поту, будто его окатило ливнем.

Солнце целиком вышло из-за горизонта. Его можно было обонять. Камни отливали зеркальным блеском, песок зашевелился, забурился. Во всех концах долины возникали миражи. Вместо одного бойца перед Симом, готовясь метнуть очередной снаряд, стояли во весь рост десяток Нхоев. Десяток озаренных грозным золотистым сиянием волонтеров вибрировали в лад, как бронзовые гонги!

Сим лихорадочно дышал. Ноздри его расширялись и сжимались, рот жадно глотал огонь вместо кислорода. Легкие горели, будто факелы из нежной ткани, пламя пожирало тело. Исторгнутый порами пот тотчас испарялся. Он чувствовал, как тело сжимается, ссыхается, и мысленно увидел себя таким, каким был его отец — старым, чахлым, одряхлевшим! Песок... куда он делся? Есть ли силы двигаться? Да. Земля дыбилась под Симом, но он все-таки поднялся на ноги.

Перестрелки больше не будет.

Он понял это, с трудом разобрав слова, которые доносились сверху, со скал. Опаленные солнцем зрители кричали, осыпая его насмешками и подбадривая своего воина.

— Стой твердо, Нхой, береги свои силы теперь! Стой прямо, потей!

И Нхой стоял, покачиваясь медленно, словно маятник, подталкиваемый раскаленным добела дыханием небес.

— Не двигайся, Нхой, береги сердце, береги силы!

— Испытание, испытание! — повторяли люди вверху. — Испытание солнцем.

Самая тяжелая часть поединка... Напрягаясь, Сим глядел на расплывающиеся очертания скал, и ему чудились его родители: отец с убитым лицом и воспаленными зелеными глазами, мать — седые волосы, будто стелющийся дым.

За его спиной тонко всхлипнула Лайт. Послышался удар мяг-

кого тела о песок... Она упала. И нельзя обернуться. На это потребуется усилие, которое может повергнуть его в пучину боли и тьмы.

У Сима подкосились ноги. «Если я упаду, — подумал он, — останусь здесь лежать и превращусь в пепел. Так, а где Нхой?» Нхой стоял в нескольких шагах от него, понурый, весь в поту, вид такой, будто на хребет его обрушился молот.

«Упади, Нхой! Упади! — твердил Сим про себя. — Упади, упади! Упади, чтобы я мог занять твою обитель!»

Но Нхой не падал. Один за другим из его слабеющей руки на накаленный песок сыпались камни, зубы Нхой обнажились, слюна выкипела на губах, глаза остекленели. А он все не падал. Велика была в нем воля к жизни. Он держался, словно подвешенный на канате.

Сим упал на одно колено.

Торжествующее «Аааа!» отдалось в скалах наверху. Они там знали: это смерть. Сим вскинул голову с какой-то деревянной, растерянной улыбкой, словно его поймали на нелепом, дурацком поступке.

— Нет, — убеждал он себя, как во сне, — нет...

И снова встал.

Дикая боль превратила его в сплошной гудящий колокол. Все вокруг звенело, шипело, клокотало. Высоко в горах скатилась лавина — беззвучно, будто спустился занавес, закрывающий сцену. Тишина, полная тишина, если не считать этого назойливого гудения. Перед взором Сима стояло уже полсотни Нхоев в кольчугах из пота: глаза искажены мукой, скулы выпирают, губы растянуты, будто лопнувшая кожа перезрелого плода. Но незримый канат все еще держал его.

— Ну вот. — Сим с трудом ворочал запекшимся языком между жарко поблескивающими зубами. — Сейчас я упаду, и буду лежать, и видеть сны.

Он произнес это медленно, стараясь продлить удовольствие. Заранее представил себе, как это будет. Как именно он все это проведет. Уж он постарается в точности выполнить программу. Сим поднял голову — проверил, наблюдают ли за ним зрители.

Они исчезли!

Солнце прогнало их. Всех, кроме одного-двух, самых упорных. Сим пьяно рассмеялся и стал смотреть, как на его онемевших руках выступают капли пота, срываются, летят вниз и, не долетев до песка, испаряются.

Нхой упал.

Незримый канат лопнул. Нхой рухнул плашмя на живот, из рта у него выскочил сгусток крови. Закатившиеся глаза безумно сверкали глухими белками.

Упал Нхой. И вместе с ним упали все пятьдесят его призрачных двойников.

Над долиной гудели и пели ветры, и глазам Сима представилось голубое озеро с голубой рекой, и белые домики вдоль реки, и люди — кто входил или выходил из дома, кто гулял среди высоких зеленых деревьев. Деревья на берегу реки-миража были в семь раз больше человеческого роста.

— Вот теперь, — сказал себе, наконец, Сим, — теперь я могу падать. Прямо... в это... озеро.

Он упал ничком.

Но что это такое? Чьи-то руки поспешно подхватили его, подняли и стремительно понесли, держа высоко в ненасытном воздухе, будто пылающий на ветру факел.

«Это и есть смерть?» — удивился Сим и канул в крошечный мрак.

Его привели в себя струи холодной воды, которой ему плескали в лицо.

Он нерешительно открыл глаза. Лайт, положив его голову себе на колени, бережно кормила его. Сим был голоден и измучен, но все мгновенно заслонил страх. Превозмогая слабость, он приподнялся: над ним были своды какой-то незнакомой пещеры.

— Сколько времени прошло? — строго спросил он.

— Еще день не кончился. Лежи спокойно, — сказала она.

— День не кончился!

Она радостно кивнула.

— Ты не потерял ни одного дня жизни. Это пещера Нхой. Нас защищают черные скалы. Мы проживем три лишних дня. Доволен? Ложись.

— Нхой умер? — Он откинулся на спину, напряженно дыша, сердце отчаянно колотилось в ребра. Но вот постепенно Сим отдышался. — Я победил, победил, — прошептал он.

— Нхой умер. И мы чуть не погибли. Нас подобрали в последнюю минуту.

Он принялся жадно есть.

— Нельзя терять ни минуты. Мы должны набраться сил. Моя нога...

Он поглядел на ногу, ощупал ее. Она была обмотана длинными желтыми стеблями, боль совсем исчезла. Вот и теперь, можно сказать на глазах, лихорадочный ток крови вовсю работал, продолжая свое исцеляющее действие под повязкой. «До заката нога должна быть здорова, — сказал он себе. — Должна».

Сим встал и, прихрамывая, начал ходить взад-вперед, будто пойманный зверь. Он ощутил взгляд Лайт, но не мог заставить себя ответить на него. В конце концов все-таки обернулся.

Однако она заговорила первая.

— Ты хочешь идти дальше к кораблю? — мягко спросила Лайт. — Сегодня вечером? Как только зайдет солнце?

Он набрал в легкие воздух, потом выдохнул.

— Да.

— А до завтра подождать нельзя?

— Нет.

— Тогда я иду с тобой.

— Нет!

— Если начну отставать, не жди меня. Здесь мне все равно не жизнь.

Долго и пристально они смотрели друг на друга. Он безнадежно пожал плечами.

— Ладно. Я знаю, тебя не отговорить. Пойдем вместе.

Они ожидали в устье своей новой обители. Наступил закат. Камни настолько остыли, что по ним можно было ходить. Вот-вот придет пора выскакивать наружу и бежать к далекому, отливающему металлическим блеском зернышку на горе.

Скоро пойдут дожди. Сим представлял себе картины, которые не раз наблюдал: как ливень собирается в ручьи, а ручьи образуют реки, каждую ночь пробивающие новые русла. Сегодня река течет на север, завтра — на северо-восток, на третью ночь — строго на запад. Могучие потоки без конца бороздили долину шрамами. Старые русла заполнялись обвалами. Следующий день рождает новые. Реки, их направление — вот о чем он много часов думал снова и снова. Ведь очень может быть; что... Ладно, время покажет.

Сим заметил, что здесь и пульс реже и все жизненные процессы замедлились. Это особая горная порода защищала их от солнечной радиации. Конечно, ток жизни и тут оставался стремительным, но не настолько.

— Пора, Сим! — крикнула Лайт.

Они побежали. Бежали в промежутке между двумя смертями — испепеляющей и ледящей. Бежали вместе от скал к манящему кораблю. Никогда в жизни они так не бежали. Настойчиво, упорно их бегущие ноги стучали по широким каменным плитам вниз по склонам, вверх по склонам и дальше — вперед, вперед... Воздух царапал их легкие, как наждаком. Черные скалы безвозвратно ушли назад. Они не ели на бегу. Оба еще в пещере наелись вдоволь, чтобы сберечь время. Теперь только бежать: выбросить вверх ногу, мах назад согнутой в локте рукой, мышцы предельно напряжены, рот жадно пьет воздух, который из жгучего стал освежающим.

— Они глядят на нас.

Сквозь стук сердца слух его уловил прерывающийся голос Лайт.

Кто глядит?.. А, конечно, скальное племя. Когда в последний раз происходила подобная гонка? Тысячу, десять тысяч дней назад? Сколько времени прошло с тех пор, как кто-то, решив попытать счастья, мчался во весь опор, провожаемый взглядами целого народа, сквозь овраги и через студеной равнину? Может быть, влюбленные на минуту забыли о смехе и пристально смотря на две крохотные точки, на мужчину и женщину, что бегут навстречу своей судьбе? Может быть, дети, уписывая спелые плоды, оторвались от игр, чтобы посмотреть на эту гонку со временем? Может быть, Дайнк еще жив и, щуря тускнеющие глаза под насупленными бровями, скрипучим, дрожащим голосом кричит что-то ободряющее и машет скрюченной рукой? Может быть, их осыпают насмешками? Называют глупцами, болванами? И звучит ли в язвительном хоре хоть один голос, желающий им удачи, надеющийся, что они достигнут корабля?

Сим глянул на небо, уже тронутое приближающейся ночью. Из ничего возникли облака, и пелена дождя пересекла ущелье в двухстах ярдах перед ними. Молнии били в вершины вдали, в смутном воздухе распространился резкий запах озона.

— Полпути, — выдохнул Сим и увидел, как Лайт, повернув лицо, с тоской глядит на все, что они оставляли позади. — Теперь решай, если возвращаться, еще есть время. Через минуту...

В горах прорычал гром. Где-то сверху родился маленький обвал, который уже могучей лавиной рухнул в глубокую расщелину. Капли дождя покрыли пупырышками гладкую белую кожу Лайт. В одну минуту волосы ее стали влажными и блестящими.

— Поздно, — перекричала она хлесткий стук собственных бо-
сых ног. — Теперь осталось только бежать вперед!

Да, в самом деле поздно. Сим прикинул расстояние и убедился, что возврата нет.

Ногам больно... Он побежал медленнее. Вдруг подул ветер. Холодный, пронизывающий. Но так как он дул сзади, то больше помогал, чем мешал бежать. «Добрый знак?» — спросил себя Сим. Нет. Потому что с каждой минутой становилось все яснее, как плохо он угадал расстояние. Время тает, а до корабля еще так далеко. Он ничего не сказал, но бессильная злоба на неспособность собственных мышц вылилась жгучими слезами.

Сим знал, что Лайт думает так же, как он. Но она летела вперед белой птицей, словно и не касаясь земли. Он слышал ее дыхание — воздух входил в ее горло, будто острый кинжал в ножны.

Мрак захватил полнеба. Первые звезды проглянули между длинными прядями черных туч. Молния прочертила дорожку на гребне прямо перед ними. Гроза обрушилась на них стеной ливня и электрических разрядов.

Они скользили и спотыкались на мокрых камнях. Лайт упала, у нее вырвался гневный возглас, она поспешила подняться на ноги. Тело ее было в ссадинах и потеках грязи. Ливень хлестал ее.

Рыдание неба обрушилось на Сима. Струи дождя залили глаза, ручейки побежали вниз по спине, и он тоже готов был рыдать.

Лайт упала и осталась лежать. Она с трудом дышала, ее била дрожь.

Он поднял ее, поставил на ноги.

— Беги, Лайт, прошу тебя, беги!

— Оставь меня, Сим. Ступай, живей! — Она чуть не захлебнулась дождем. Всюду была вода. — Не трудись впустую. Беги без меня.

Он стоял, скованный холодом и бессилием, мысли его иссякали, огонек надежды готов был угаснуть. Кругом только мрак, холодные плети падающей воды и отчаяние...

— Тогда пойдем, — сказал он. — Будем идти и отдыхать.

Они пошли медленно, не торопясь, будто дети на прогулке. Овраг перед ними до краев наполнился потоком, и вода с торпливым бурлящим звуком устремилась к горизонту.

Сим что-то крикнул. Увлекая за собой Лайт, он опять побежал.

— Новое русло! — Он показал рукой. — Каждый день дождь прокладывает новое русло. За мной, Лайт!

Он наклонился над водой и нырнул, не выпуская руки Лайт.

Поток нес их, как щепки. Они силились держать головы над водой, чтобы не захлебнуться. Берега быстро убежали назад. С бешеной силой стискивая пальцы Лайт, Сим чувствовал, как стремнина бросает и кружит его, видел, как сверкают молнии в высоте, и в душе его родилась новая иступленная надежда. Бежать дальше нельзя — что ж, тогда вода поработает на них!

Бурная хватка новой недолговечной реки колотила Сима и Лайт о камни, распарывала плечи, сдираала кожу с ног.

— Сюда! — Голос Сима перекрыл раскат грома.

Лихорадочно загребая рукой, он поплыл к противоположной стороне оврага. Гора, на которой лежит корабль, прямо перед ними. Нельзя допустить, чтобы их пронесло мимо. Они упорно сражались с неистовой влагой, и их прибило к нужному берегу. Сим подпрыгнул, поймал руками нависший камень, ногами стиснул Лайт и медленно подтянулся вверх.

Гроза прекратилась так же быстро, как началась. Молнии потухли. Дождь перестал. Тучи растаяли и растворились в небе. Ветер еще пошептал и смолк.

— Корабль! — Лайт лежала на земле. — Корабль, Сим. Это та самая гора.

А к ним уже подкрадывалась стужа. Смертная стужа.

Борясь с изнеможением, они побрели вверх по склону. Холод лизал их тело, ядом проникал в артерии, сковывая конечности.

Впереди в ореоле блеска лежал свежеемытый корабль. Это было как сон. Сим не мог поверить, что до него так близко.

Землю стал обволакивать лед. Они скользили и без конца падали. Река позади них превратилась в твердую бело-голубую холодную змею. Твердыми дробинками откуда-то прилетело несколько замешкавшихся капель дождя.

Сим всем телом привалился к обшивке корабля. Он чувствовал, трогал его! Слух уловил судорожное всхлипывание Лайт. Металл, корабль — вот он, вот он! Сколько еще человек касались его за много долгих дней? Он и Лайт дошли до цели!

Вдруг, словно в них просочился ночной воздух, по его жилам разлился холод.

А где же вход?

Ты бежишь, ты плывешь, ты чуть не тонешь. Клянешь все на свете, обливаешься потом, напрягаешь последние силы, и вот ты, наконец, добрался до горы, поднялся на нее, стучишь кулаками по металлу, кричишь от радости и... И не можешь найти входа.

Так, надо взять себя в руки. «Медленно, однако не слишком медленно», — сказал он себе, — обойди кругом весь корабль». Его испытующие пальцы скользили по металлу, настолько холодному, что влажная кожа грозила примерзнуть к обшивке. Теперь вдоль противоположной стороны... Лайт шла рядом с ним. Студеные длани мороза сжимались все крепче.

Вход.

Металл. Холодный, неподатливый. Узкая щель по краю люка. Отбросив осторожность, Сим принялся колотить по нему. Холод пронизывал до костей. Пальцы онемели, глазные яблоки на-

чали коченеть. Он колотил то здесь, то там и кричал металлической дверце:

— Откройся! Откройся!

На минуту Сим потерял равновесие. Что-то подалось под его рукой... Щелчок!

Шумно вздохнул воздушный шлюз. Шурша металлом по резиновой прокладке, дверца мягко отворилась и ушла во мрак.

Сим увидел, как Лайт метнулась вперед, рывком поднесла руки к горлу и нырнула в тесную, полную света кабину. Не помня себя, он шагнул следом за ней.

Люк воздушного шлюза закрылся, отрезая путь назад.

Он задыхался. Сердце билось все медленнее, будто хотело остановиться. Они были заточены внутри корабля. Судорожно лоя ртом воздух, Сим упал на колени.

Тот самый корабль, к которому он пришел за спасением, теперь тормозил биение его сердца, омрачал сознание, чем-то отравлял его. С каким-то смутным, угасающим чувством томительного страха Сим понял, что умирает.

Чернота.

Словно в тумане Сим ощущал, как идет время, как сознание силится принудить сердце биться быстрее, быстрее... И заставить глаза видеть ясно. Но сок жизни медленно протекал по усмирленным сосудам, и он слышал тягучий ритм пульса — тук... пауза, тук... пауза, тук...

Он не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой, даже пальцем. Требовалось неимоверное усилие, чтобы поднять каменный груз век. И совсем невозможно повернуть голову, взглянуть на лежащую рядом Лайт.

Словно вдалеке слышалось ее неровное дыхание. Так раненая птица шуршит сухими, смятыми перьями. Хотя Лайт была совсем близко и он угадывал ее тепло, казалось, их разделяет непомерная даль.

«Я остываю! — думал он. — Уж не смерть ли это? Вялое течение крови, тихое биение сердца, холод во всем теле, тягучий ход мысли...»

Глядя на потолок корабля, он пытался разгадать это сложное сплетение трубок и приспособлений. Постепенно в мозгу рождалось представление о том, как устроен корабль, как он действует. В каком-то медленном прозрении он постигал смысл предметов, на которые переходил его взгляд. Не сразу. Не сразу.

Вот этот прибор с белой поблескивающей шкалой.

Его назначение?

Сим решал задачу с натугой, словно человек под водой.

Люди пользовались этим прибором. Касались его. Установили, а устанавливали. Вообразили, а уже потом сделали его, установили, наладили, трогали, пользовались им. В приборе было как бы заложено определенное воспоминание, самый облик его, будто образ из сновидения, говорил Симу, как изготавливали эту шкалу и для чего она служит. Рассматривая любой предмет, он прямо из него извлекал нужное знание. Словно некая частица его ума обволакивала предмет, анатомировала и проникала в его суть.

Этот прибор предназначен измерять время!

Миллионы часов времени!

Но как же так?.. Глаза Сима расширились, озарились жарким блеском. Разве есть люди, которым нужен такой прибор?

Кровь стучала в висках, в глазах помутилось. Он зажмурился.

Ему стало страшно. День был на исходе. «Как же так, — думал он, — жизнь уходит, а я лежу. Лежу и не могу двигаться. Молодость скоро кончится. Сколько времени еще пройдет, прежде чем я смогу двигаться?»

Через окошко иллюминатора он видел, как проходит ночь, наступает новый день и опять воцаряется ночь. В небе зябко мерцали звезды.

«Еще четыре-пять дней, и я стану совсем дряхлым и немощным, — думал Сим. — Корабль не дает мне пошевелиться. Лучше бы я оставался в родной пещере и там сполна наслаждался назначенной мне короткой жизнью. Чего я достиг тем, что пробился сюда? Сколько рассветов и закатов проходит понапрасну. Лайт рядом со мной, а я даже не могу ее коснуться».

Бред. Сознание куда-то вознеслось. Мысли металась в металлических отсеках корабля. Он чувствовал острый запах металла. Чувствовал, как ночью обшивка напрягается, днем опять расслабляется.

Рассвет. Уже новый рассвет!

«Сегодня я достиг бы полной возмужалости». Он стиснул зубы. «Я должен встать. Должен двигаться. Извлечь ту радость, какую может дать мне эта пора моей жизни».

Но он лежал неподвижно. Чувствовал, как сердце медленно перекачивает кровь из камеры в камеру и дальше через все его недвижимое тело, как она очищается в мерно вздымающихся и опускающихся легких.

Корабль нагрелся. Щелкнуло незримое устройство, и воздух автоматически охладился. Управляемый сквозняк охладил кабину.

Снова ночь. И еще один день.

Четыре дня жизни прошло, а он все лежит.

Сим не пытался бороться. Ни к чему. Его жизнь истекла.

Его больше не тянуло повернуть голову. Он не хотел увидеть Лайт — такое же изуродованное лицо, какое было у его матери: веки словно серые хлопья пепла, глаза как шершавый зернистый металл, щеки будто потрескавшиеся камни. Не хотел увидеть шею, похожую на жухлые плети желтой травы, руки, подобные дыму над угасающим костром, иссохшие груди, жесткие, растрепанные волосы цвета вчерашней сорной травы.

А сам-то он? Как он выглядит? Отвислая челюсть, ввалившиеся глаза, иссеченный старостью лоб?..

Он почувствовал, что к нему возвращаются силы. Сердце билось невообразимо медленно. Сто ударов в минуту. Не может быть. А это спокойствие, хладнокровие, умиротворенность...

Голова сама наклонилась вбок. Сим вытаращил глаза. Глядя на Лайт, он удивленно вскрикнул.

Она была молода и прекрасна.

Лайт смотрела на него, у нее не было сил говорить. Глаза

ее были словно кружочки серебра, лебединая шея — будто рука ребенка. Волосы Лайт были точно нежное голубое пламя, питаемое ее хрупкой плотью.

Прошло четыре дня, а она все еще молода... Нет, моложе, чем была, когда они проникли в корабль. Она совсем юная!

Он не верил глазам.

Наконец она заговорила:

— Сколько еще это продлится?

— Не знаю, — осторожно ответил он.

— Мы еще молоды.

— Корабль. Мы ограждены его обшивкой. Металл не пропускает солнце и лучи, которые нас старят.

Она отвела глаза, размышляя.

— Значит, если мы будем здесь...

— То останемся молодыми.

— Еще шесть дней? Четырнадцать? Двадцать?

— Может быть, даже больше.

Она примолкла. Потом после долгого перерыва сказала:

— Сим?

— Да.

— Давай останемся здесь. Не будем возвращаться. Если мы теперь вернемся, ты ведь знаешь, что с нами случится?

— Я не уверен.

— Мы опять начнем стариться, разве нет?

Он отвернулся. Посмотрел на часы с ползущей стрелкой.

— Да. Мы состаримся.

— А вдруг мы состаримся... сразу. Может быть, когда выйдем из корабля, переход окажется слишком резким?

— Может быть.

Снова молчание. Сим сделал несколько движений, разминая руки и ноги. Ему страшно хотелось есть.

— Остальные ждут, — сказал он.

Ответные слова Лайт заставили его ахнуть.

— Остальные умерли, — сказала она. — Или умрут через несколько часов. Все, кого мы знали, уже старики.

Сим попытался представить себе их стариками. Его сестренка Дак — дряхлая, сгорбленная временем... Он потрянул головой, прогоняя видение.

— Допустим, они умерли, — сказал он. — Но ведь родились другие.

— Люди, которых мы даже не знаем.

— И все-таки люди нашего племени, — ответил он. — Люди, которые будут жить только восемь дней или одиннадцать дней, если мы им не поможем.

— Но мы молоды, Сим! И можем оставаться молодыми!

Лучше не слушать ее. Слишком заманчиво то, о чем она говорит. Остаться здесь. Жить.

— Мы и так прожили больше других, — сказал он. — Мне нужны работники. Люди, которые могли бы наладить корабль. Сейчас мы с тобой оба встанем, найдем какую-нибудь пищу, поедим и проверим, в каком он состоянии. Один я боюсь его налаживать. Уж очень он большой. Нужна помощь.

— Но тогда надо бежать весь этот путь обратно!
— Знаю. — Он медленно приподнялся на локтях. — Но я это сделаю.
— А как ты приведешь сюда людей?
— Мы воспользуемся рекой.
— Если русло осталось прежним. Оно могло сместиться.
— Дождемся, пока не появится подходящее для нас. Я должен вернуться, Лайт. Сын Дайнка ждет меня, моя сестра, твой брат — они состарились, готовятся умереть и ждут вестей от нас...

После долгой паузы он услышал, как Лайт устало подвигается к нему. Она положила голову ему на грудь и с закрытыми глазами погладила его руку.

— Прости. Извини меня. Ты должен вернуться. Я глупая эгоистка.

Он неловко коснулся ее щеки.

— Ты человек. Я понимаю тебя. Не нужно извиняться.

Они нашли пищу. Потом прошли по кораблю. Он был пуст. Только в пилотской кабине лежали останки человека, который, вероятно, был командиром корабля. Остальные, видимо, выбросились в космос в спасательных капсулах. Командир, сидя один у пульты управления, посадил корабль на горе, неподалеку от других упавших и разбившихся кораблей. То, что корабль оказался на возвышенном месте, сохранило его от бурных потоков. Командир умер вскоре после посадки — наверно, сердце не выдержало. И остался корабль лежать здесь, почти в пределах досягаемости для спасшихся, целый и невредимый, но потерявший способность двигаться — на сколько тысяч дней? Если бы командир не погиб, жизнь предков Сима и Лайта могла бы сложиться совсем иначе. Размышляя об этом, Сим уловил далекий зловеющий отголосок войны. Чем кончилась эта война миров? Какая планета победила? Или обе проиграли и некому было разыскивать уцелевших? На чьей стороне была правда? Кем был их враг? Принадлежал ли народ Сима к правым или неправым? Быть может, это так и останется неизвестным.

Скорей, скорей изучить корабль. Он совсем не знал его устройства, но все постигал, идя по переходам и поглаживая механизмы. Да, нужен только экипаж. Один человек не справится с этой машиной. Он коснулся какой-то штуковины. И отдернул руку, словно обжегся.

— Лайт!

— Что это?

Он снова коснулся машины, погладил ее дрожащими руками, и на глазах у него выступили слезы, рот сперва открылся, потом опять закрылся... С глубокой нежностью Сим оглядел машину, наконец повернулся к Лайт.

— С этой штукой... — тихо, будто не веря себе, молвил он, — с этой штукой я... я могу...

— Что, Сим?

Он вложил руку в какую-то чашу с рычагом внутри. Через иллюминатор впереди были видны далекие скалы.

— Кажется, мы боялись, что придется очень долго ждать,

пока к горе опять подойдет река? — спросил он с торжеством в голосе.

— Да, Сим, но...

— Река будет. И я вернусь, вернусь сегодня же вечером! И приведу с собой людей. Пятьсот человек! Потому что с этой машиной я могу пробить русло до самых скал, и по этому руслу хлынет поток, который надежно и быстро доставит сюда меня и других! — Он потер бочковидное тело машины. — Как только я ее коснусь, меня сразу осенило, что это за штука и как она действует! Гляди!

Он нажал рычаг.

С жутким воем от корабля протянулся вперед луч раскаленного пламени.

Старательно, методично Сим принялся высекать лучом русло для утреннего ливневого потока. Луч жадно вгрызался в камень.

Сим решил один бежать к скалам. Лайт останется в корабле на случай какой-нибудь неудачи. На первый взгляд путь до скал казался непреодолимым. Не будет стремительной реки, которая быстро понесет его к цели, позволяя выиграть время. Придется всю дорогу бежать, но ведь солнце перехватит его, застигнет прежде, чем он достигнет укрытия.

— Остается одно: отправиться до восхода.

— Но ты сразу замерзнешь, Сим.

— Гляди.

Он изменил наводку машины, которая только что закончила прокладывать борозду в каменном ложе долины. Чуть приподнял гладкое дуло, нажал рычаг и закрепил его. Язык пламени протянулся в сторону скал. Сим подкрутил верньер дальности и сфокусировал пламя так, что оно обрывалось в трех милях от машины. Готово. Он повернулся к Лайт.

— Я не понимаю, — сказала она.

Сим открыл люк воздушного шлюза.

— Мороз лютый, и до рассвета еще полчаса. Но я побегу вдоль пламени, достаточно близко. Жарко не будет, но для поддержания жизни тепла хватит.

— Мне это не кажется надежным, — возразила Лайт.

— А что надежно в этом мире? — Он подался вперед. — Зато у меня будет лишних полчаса в запасе. И я успею добраться до скал.

— А если машина откажет, пока ты будешь бежать рядом с лучом?

— Об этом лучше не думать, — сказал Сим.

Миг, и он уже снаружи — и попятился назад, как если бы его ударили в живот. Казалось, сердце сейчас взорвется. Средства родной планеты снова взвинтила его жизненный ритм. Сим почувствовал, как учащается пульс и кровь клокочет в сосудах.

Ночь была холодна, как смерть. Гудящий тепловой луч, про-веренный, обогревающий, протянулся от корабля через долину. Сим бежал вдоль него совсем близко. Один неверный шаг, и...

— Я вернусь, — крикнул он Лайт.

Бок о бок с лучом света он исчез вдали.

Рано утром пещерный люд увидел длинный перст оранжевого накала и парящее вдоль него таинственное беловатое видение. Толпа бормотала, ужасалась, благоговейно ахала.

Когда же Сим, наконец, достиг скал своего детства, он увидел скопище совершенно чужих людей. Ни одного знакомого лица. Тут же он сообразил, как нелепо было ожидать другого. Один старик подозрительно рассматривал его.

— Кто ты? — крикнул он. — Ты пришел с чужих скал? Как твоё имя?

— Я Сим, сын Сима!

— Сима! — пронзительно вскрикнула старая женщина, которая стояла на утесе вверху. Она заковыляла вниз по каменной дорожке. — Сим, Сим, неужели это ты?

Он смотрел на нее в полном замешательстве.

— Но я вас не знаю, — пробормотал он.

— Сим, ты меня не узнаешь? О Сим, это же я, Дак!

— Дак!

У него все сжалось в груди. Женщина упала в его объятия. Эта трясущаяся, полуслепая старуха — его сестра.

Вверху показались еще одно лицо. Лицо старика, свирепое, урюмое. Злобно рыча, он глядел на Сима.

— Гоните его отсюда! — закричал старик. — Он из вражеского стана. Он жил в чужих скалах! Он до сих пор молодой! Кто уходил туда, тому не место среди нас! Предатели!

Вниз по склону запрыгал тяжелый камень.

Сим отпрянул в сторону, увлекая сестру с собой.

Толпа взревела. Потрясая кулаками, все кинулись к Симу.

— Смерть ему, смерти! — бесновался незнакомый Симу старик.

— Стойте! — Сим выбросил вперед обе руки. — Я пришел с корабля!

— С корабля?

Толпа замедлила шаг. Прижавшись к Симу, Дак смотрела на его молодое лицо и поражалась, какое оно гладкое.

— Убейте его, убейте, убейте! — прокаркал старик и взялся за новый камень.

— Я продлю вашу жизнь на десять, двадцать, тридцать дней! Они остановились. Раскрытые рты, неверящие глаза...

— Тридцать дней? — эхом отдавалось в толпе. — Как?

— Идемте со мной к кораблю. Внутри него человек может жить почти вечно!

Старик поднял над головой камень, но, сраженный апоплексическим ударом, хрипя скатился по склону вниз, к самым ногам Сима.

Сим нагнулся, пристально разглядывая морщинистое лицо, холодные мертвые глаза, вяло оскаленный рот, иссохшее недвижимое тело.

— Кайон!

— Да, — произнес за его спиной странный, скрипучий голос Дак. — Твой враг. Кайон.

В ту ночь двести человек вышли в путь к кораблю. Вода устремилась по новому руслу. Сто человек утонули, затеря-

лись в студеной ночи. Остальные вместе с Симом дошли до корабля.

Лайт ждала их и распахнула металлический люк.

Шли недели. Люди в корабле упорно трудились, постигая разные механизмы и их действие. И вот, наконец, двадцать пять человек встали по местам внутри корабля. Теперь в далекий путь!

Сим взялся за рычаги управления.

Подошла Лайт, сонно протирая глаза, села на пол подле него и положила голову ему на колено.

— Мне снился сон, — заговорила она, глядя куда-то вдаль. — Мне снилось, будто я жила в пещере, в горах, на студеной и жаркой планете, где люди старились и умирали за восемь дней.

— Нелепый сон, — сказал Сим. — Люди не могли бы жить в таком кошмаре. Забудь про это. Сон твой кончился.

Он мягко нажал рычаги. Корабль поднялся и ушел в космос. Сим был прав.

Кошмар, наконец, кончился.

Перевел с английского Л. ЖДАНОВ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Мне как-то яснее стал рассказ Рэя Бредбери «Лед и пламя» после статьи профессора Принстонского университета Фримена Дайсона «Назад... в космос!», опубликованной в новогоднем номере «Литературной газеты».

Дайсон не верит, что «у человечества есть шансы существовать еще 10 000 лет». Да и какое это было бы существование!

«Никогда уже не будет на нашей планете незанятых земель, плодотворной культурной изолированности, свободы от бюрократии, свободы для человека забываться или чувствовать себя в своей стихии самим собою. Не вернуть этого на Земле. Но как насчет того, чтобы вернуть это где-нибудь еще?»

Через 50—100 лет мы будем так же летать в космосе, как сейчас летаем между континентами. Так не переселиться ли на какую-либо другую планету? Не на Марс, нет, там к тому времени люди установят такие же порядки, что и на Земле. Лучше всего, вероятно, подойдут астероиды. На астероиде можно было бы жить небольшой группой, «оторвавшись от назойливого приставания полицейских и бюрократов», — мечтает Дайсон. И если вспыхнет атомная война, то переселившиеся в космос — хотя бы один процент населения Земли — спасутся и продолжат человеческий род.

Ну, а кто должен войти в этот один процент? У Дай-

сона готов ответ и на этот вопрос. «Наверное, важнее всего для будущего окажутся группы людей-экспериментаторов, отправляющихся в космос во имя создания радикально нового человека, превосходящего нас по своим интеллектуальным качествам настолько же, насколько мы превзошли обезьян».

Будущее, каким оно представляется Дайсону, вытекает из общих законов капиталистического мира, с его гонкой вооружений, с истреблением природы планеты. А поэтому идеал человеческих отношений видится американскому профессору... в глубоком прошлом. Как лучший рецепт для культурного прогресса человечества Дайсон предлагает «возвращение людей к жизни в условиях мелких группировок».

Дайсон считает высшей ценностью права «интеллектуальной элиты», что в корне расходится с марксистской этикой, в основе которой лежит принцип всеобщего равенства.

Впрочем, я не буду пересказывать ответ трех советских ученых, отметивших в своей статье «В космос — ради будущего!» на той же странице «Литературной газеты» полную несостоятельность позиций Дайсона как в плане социальном, так и техническом. Обращусь к рассказу Бредбери.

На одном из астероидов терпит аварию флотилия космических кораблей с людьми, ищущими спасения в просторах космоса от войны на их планете.

Какое совпадение! Ведь и дайсоновские эмигранты вполне могут оказаться в таких же условиях, что и герои Бредбери. Но кого они, оставившие погибать от атомной войны своих братьев, девяносто девять процентов жителей земного шара, смогут родить и воспитать? Нет, это были бы не те люди, которых любят Бредбери.

Помните, ценой каких усилий и страданий Сим со своей возлюбленной достиг спасительного космического корабля? А каково было его первое желание на космическом корабле? Вернуться назад. Ведь «остальные ждут». И когда дрогнула Лайт, когда эта самоотверженная девушка, неоднократно рисковавшая жизнью ради любимого, сказала: «Остальные умерли. Или умрут через несколько часов. Все, кого мы знали, уже старики», — помните, что ей сказал Сим?

«— Допустим, они умерли, — сказал он. — Но ведь родились другие.

— Люди, которых мы даже не знаем.

— И все-таки люди нашего племени, — ответил он. — Люди, которые будут жить только восемь дней или одиннадцать дней, если мы им не поможем».

И Лайт стало стыдно. «Прости меня... Я глупая эгоистка», — сказала она. Как не похожи они, эти двое, на умных эгоистов Дайсона!

Не похожи на них и ученые Бредбери. Каждую неделю умирает очередное их поколение, и еще десять тысяч поколений умрет, прежде чем они создадут охлажда-

даемый водой панцирь, без которого не добраться до корабля. Но они работают. Работают не ради себя, ради будущих поколений людей, и не как у нас на Земле — в почете, в достатке, — а ненавидимые, презираемые современниками.

Да, там, на фантастической планете, все не как на Земле. «О, как быстротечна жизнь!» — жалуемся мы. И тогда Бредбери силою своего художественного воображения переносит нас в мир, где жизнь в несколько тысяч раз короче, где человек умирает новорожденным-стариком. «Ах, этот надоедливый дождь!» — говорим мы, раскрывая зонтик. И Бредбери переносит нас туда, где на человека с неба низвергаются водопады. «Уф, до чего же жарко!» — восклицаем мы в полдень, прячась в тени деревьев. У Бредбери на наших глазах восходящее солнце в долю секунды сжигает людей, не успевших убежать в пещеру.

А тому непонятливому, кто, читая рассказ, все еще не почувствовал красоты нашей Земли, не вздохнул от счастья, что живет на своей, а не на чужой планете, Бредбери рисует уже совсем простенькую картинку — сравнение.

«Ему представились луга, зеленые, без единого камня, сплошная трава, — широкие луга, волнами уходящие навстречу рассвету, и ни ледящего холода, ни жаркого духа обожженных солнцем камней. Он шел через эти зеленые луга. Над ним высоко-высоко в небе, которое дышало ровным мягким теплом, пролетали металлические зернышки. И все кругом протекало так медленно, медленно...

Птицы мирно сидели на могучих деревьях, которым нужно было для роста сто, двести, пять тысяч дней. Все оставалось на своих местах, и птицы не спешили укрыться, завидя солнечный свет, и деревья не съеживались в испуге, когда их касался солнечный луч.

Люди в этом сне ходили не торопясь, бегали редко, и сердца их бились размеренно, а не в безумном скачущем ритме. Трава оставалась травой, ее не пожирало пламя. И люди говорили не о завтрашнем дне и смерти, а о завтрашнем дне и жизни».

И — обратите внимание — высоко-высоко в небе... пролетали металлические зернышки». В далеком будущем Бредбери видит нашу Землю цветущей и спокойной, когда человек на ней будет чувствовать себя самым собою. В будущем, а не в прошлом, как это представляет себе Дайсон. И не об одном проценте заботится Бредбери, а обо всем человечестве.

А. СМЕРНОВ-ЧЕРКЕЗОВ

ДЖЕК — ПОБЕДИТЕЛЬ ВЕЛИКАНОВ

Н а днях в редакцию «Почты» пришла женщина — агент по продаже книг. Ее провели в кабинет к главному редактору, а ее маленькая четырехлетняя дочка, пришедшая вместе с ней, осталась в общей комнате, по-видимому, привлеченная необычайно приятным видом сотрудников, которые, развалясь, сидели за своими столами и наслаждались отнюдь не случайным досугом.

Это была хорошенькая кудрявая девочка, бойкая и общительная. Недолго думая, она повела наступление на редактора литературного отдела, который, несомненно, произвел на нее впечатление своей аристократической наружностью и в особенности тем, что писал, не снимая перчаток.

— Расскажи мне сказку, — потребовала она, тряхнув кудрями и повелительно глядя на него снизу вверх.

— Сказку, милочка? — спросил редактор литературного отдела, умиленно улыбаясь и поглаживая ее блестящие кудри. — С удовольствием. Какую тебе сказку?

— Про Джека — победителя великанов.

— Джек — победитель великанов? Сейчас, крошка моя, с превеликой радостью.

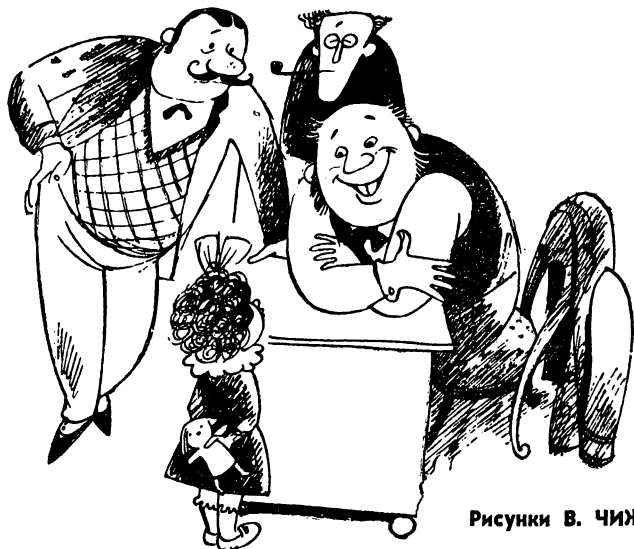
У этого рассказа любопытная судьба. Сорок лет пролежал он вместе с двадцатью семью другими произведениями О'Генри в архивах газеты «Houston Post» в городе Хьюстоне штата Техас.

Обнаруженные в 1935 году в комплектах «Houston Post» за 1895—1896 годы, эти рассказы прежде всего исправили ошибку исследователей творчества О'Генри, утверждавших, что до 1901 года он рассказов никогда не писал. Заблуждение биографов писателя было вызвано тем, что первые его рассказы, подписанные псевдонимом «О'Генри», действительно появились в печати лишь в 1901 году. Находка в Хьюстоне помогла установить, что «новелла О'Генри» родилась значительно раньше, чем появился на свет знаменитый псевдоним автора.

Публикуемый рассказ «Джек — победитель великанов» впервые на русском языке был напечатан в журнале «Интернациональная литература» в 1940 году.

Редактор литературного отдела усадил девочку на стул и начал:

— Давным-давно, в ближайшем соседстве с первобытным лесом, в скромном обиталище, где радости буколического существования разумно чередовались с весьма ответственными сельскохозяйственными трудами, жил-был Джек, герой моей повести, со своей вдовствующей роди-

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

тельницей. Бедной вдове, не столько по природенной скупости, сколько по вынужденной бережливости приходилось применять чрезвычайные меры для поддержания жизни, своей и сына. Она являлась обладательницей млекопитающей самки из подотряда жвачных, отличавшейся превосходными качествами. Обильный запас молочной эмульсии, приветливый и миролюбивый нрав и деликатное обращение снискали ей любовь как Джека, так и его матери. Но, увы, создавшаяся ситуация вскоре потребовала от них разлуки с четвероногим другом, и на долю Джека выпала печальная обязанность доставить рогатую благодетельницу на рынок с целью обмена на предметы первой необходимости, что он и исполнил с истерзанным сердцем и громкими сетованиями. Итак, Джек...

— Дядя, — сказала кудрявая девочка, — а когда же будет сказка?

— Стойте, — сказал редактор спортивного отдела, вставая из-за стола и подходя к ним. — Нельзя же пускать ребенка по такой тяжелой дорожке. Ваша болтовня под силу разве дербисту, а эту четырехлетку вы, конечно, оставили за флагом. А какой приз разыгрывается?

— Ты мне расскажешь сказку про Джека — победителя великанов? — доверчиво спросила девочка, глядя на добродушно улыбающегося редактора спортивного отдела.

— Ставь на меня, как в банк, пузырь, — весело сказал тот, сажая девочку к себе на колени. — Заезд пройдет без заминки, и никаких литературных заворотов.

— Понимаешь, — начал редактор спортивного отдела, — Джек с мамашей сели на мель, и старушечия надумила его зацепить старую дохлятину чалкой и держать курс на какого-нибудь парня, который согласился бы выложить деньги за молочную

ферму на ходу. Итак, в одно прекрасное утро Джек, взяв корову на буксир, стартовал до рассвета, и, когда спустился флаг, он уже вывернул на прямую к городу. Вскоре ему навстречу попался какой-то тип, который предложил Джеку обменять корову на мешок бобов. Сперва Джек хотел угостить его апперкотом, но потом подозвал его, и тот сорвал приз не моргнув глазом. Джек был просто находкой для любого жучка — это как пить дать. После этого Джек вернулся на базу, и когда он рассказал старушечки о своем подвиге, она в две секунды нокаутировала его, и он...

— А когда же сказка? — спросила девочка, с недоумением глядя на него.

— Вот те на! — сказал редактор спортивного отдела. — Я думал, она уже началась, а выходит, я промазал.

— Как не стыдно, что вы дразните ребенка? — сказал редактор транспортного отдела, входя в комнату и вешая свои манжеты над газовой печкой.

— Она хочет сказку про Джека — победителя великанов, — ответил редактор спортивного отдела, — но наши жалкие попытки, по-видимому, не встречают одобрения. Вы умеете говорить по-человечески или только по-железнодорожному?

— Не удивительно, что она буксует, слушая ваш кулачный жаргон, — презрительно сказал редактор транспортного отдела. — Дайте задний ход, и я покажу вам, как привлекают юношеские умы.

— Ты мне расскажешь сказку? — спросила девочка с вспыхнувшей надеждой во взоре.

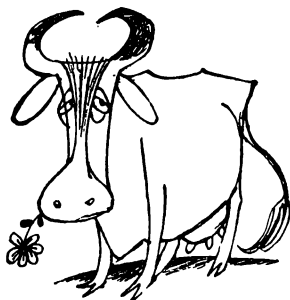
— Расскажу, — сказал редактор транспортного отдела, усаживаясь на пачку корректур. — Вы, ребята, все пары выпускаете, еще не отойдя от платформы. Нужно сразу начинать с самого занимательного.

Ну, слушай, малютка, — начал редактор транспортного отдела. — Однажды утром Джек проснулся, поглядел в окошко и увидел высокий гороховый стебель, который этойкой воздушной магистралью уходил далеко-далеко, неизвестным маршрутом. Джек набрал уголь и воду и, даже не справившись, свободен ли путь, развел пары и пошел на подъем, и даже свистка не давал на остановках. Когда кончился перегон, он увидел замок, большой-большой, как центральное депо. Тогда Джек затормозил и...

— Ты расскажешь сказку про Джека — победителя великанов? — спросила девочка.

Но тут из кабинета главного редактора вышла мать, и девочка, прыгнув со стула, подбежала к ней. Они о чем-то пошептались, и сотрудницы редакции услышали, как женщина сказала выходя:

— Ах ты, моя косецка, вот пойдем домой, мамуся уз тебе лассказет сказоцку пло Дзека.

На 1-й стр. обложки — рисунок А. ГУСЕВА
к рассказу Н. Балаева «РД о продлении».

На 2-й стр. обложки — рисунок В. КОЛТУНОВА
к рассказу Рэя Бредбери «Лед и пламя».

На 3-й стр. обложки — рисунок В. ЧИЖИКОВА
к рассказу О'Генри «Джек — победитель вели-
канов».

Редакционная коллегия: А. Г. АДАМОВ, А. П. ДНЕПРОВ,
А. П. КАЗАНЦЕВ, А. А. НОДИЯ, Ю. Б. САВЕНКОВ, В. С. САПАРИН,
Н. В. ТОМАН, В. М. ЧИЧКОВ.

Редакторы выпуска: О. СОКОЛОВ, В. МАЛОВ
Художественный редактор Т. ПРОКУДИНА
Технический редактор А. БУГРОВА

Рукописи не возвращаются.
Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес редакции: Москва, А-30, Суховская, 21. Тел. 251-15-00,
доб. 4-10.

Сдано в набор 5/1 1970 г. Подп. к печ. 18/II 1970 г. А 00633.
Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 10,5. Тираж
300 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 2894.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Суховская, 21.

«...Скромные ПО-2 воевали до победного конца вместе со всей советской авиацией и вписали немало славных страниц в ее историю».

Воспоминания Героя Советского Союза
летчика К. Михаленко «ВЫХОЖУ НА
ЦЕЛЬ...»

ЧИТАЙТЕ
В ФЕВРАЛЬСКОМ НОМЕРЕ
ЖУРНАЛА «ВОКРУГ СВЕТА».

ВОКРУГ СВЕТА

Журнал основан в 1861 году.

Научно-художественный
ежемесячный журнал ЦК ВЛКСМ
путешествий, приключений и фантастики